

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
<hr/>	
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
Вкус детства.....	3

ПРОЗА

Валентина Туренская

Червонец

Рассказ.....15

Идиллия Дедусенко

Единственный свидетель

Повесть.....39

Екатерина Полумискова

Дорогами Сарматии

Главы из романа.....153

Александр Покровский

Рассказы.....209

ПОЭЗИЯ

Олег Игнатъев

Стихотворения.....5

Олег Воропаев

Стихотворения.....149

Тамара Лангуева-Сухорукова

Стихотворения.....259

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор Кустов

Фронт бескомпромиссный.....247

КРАЕВЕДЕНИЕ

Алексей Кругов

Первый день войны

в Ставрополе.....265

*Литературное
Ставрополье
№2 (2023)*

Главный редактор
Владимир Бутенко

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84(2Рос=4Ст)

УДК 821.161.1

Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, О. Воропаев, Е. Гончарова,
А. Куприн, Е. Полумискова, С. Скрипаль,
Т. Третьякова-Суханова**

Л64 Литературное Ставрополье. Альманах № 2 (2023) —
Калининград: РА Полиграфычъ, 2023. — 1000 экз. — 272 с.

ISBN 978-5-6050472-0-9

Отпечатано в ООО «РА Полиграфычъ».

Адрес редакции:

355033, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел. (8652) 26-31-50

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ISBN 978-5-6050472-0-9

9 785605 047209 >

ВКУС ДЕТСТВА

...Лето мальчишеское наступало всегда неожиданно, с ошеломляющей радости, с позабытого ощущения свободы, отсутствия уроков, с возможности гулять, когда хочешь, гонять мяч на площади, ходить на рыбалку. Это чувство изменившейся жизни усиливалось еще и тем, что родители-учителя теперь постоянно занимались домашними делами, у них начался отпуск. Однако отец, будучи директором начальной школы, в разговоре с мамой нередко обсуждал ремонт. Снова предстояло красить полы и парты, поправлять жестяные желоба, цементировать крыльцо. Школе минуло полвека, на углах отходили кирпичи, ветшала кровля. А мы жили в двух комнатах этого здания, построенного по решению канцелярии Войска Донского в тысяча девятьсот пятом году, и для меня дом-школа — было единым нерасторжимым понятием.

С утра случайно — кто с кем — сходились мы, пацаны, на улице или хуторской площади. И шли куда глаза глядели. Чаще — на речку. Спускались по тропинке, обстуженной высокой травой, к побережью, издали слыша

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

лягушину перекличку, отрывистую свирель камышанки, серо-оранжевой птицы, стремглав вылетающей и тут же скрывающейся в густых зарослях, в отдаленье — неумолкаемый голос кукушки.

Ивы и тальник на берегу стояли вразброс, между ними сквозили местины, вытопанные рыбаками. А далее тянулась полоса пляжа, заросшего разнотравьем, и напротив — треугольный плёс, суживающийся к противоположной стороне. Тот берег закрывала стена деревьев: кривулистых верб, вязов, белоствольных тополей. Иногда мы переплывали туда, где доживал заброшенный колхозный сад. Жалкое зрелище являли опутанные серой сеткой паутины груши, обломанные ветки вишен. Набрав за пазухи белого налива, мы прямо в майках плыли обратно, осторожно огребаясь руками, чтобы не растерять плоды. И уже на своем берегу садились рядком и с треском кусали духовитую сочную плоть, до оскомины лакомились первыми в этом году кисло-сладкими яблоками. Иного нам тогда и не хотелось вовсе, и вкус их был особенным, удивительно приятным, и до сих пор помнится мне.

Пропадали часами на реке, загорая на жгучем солнце, хотя и так уже были вроде негрятят, с лохматыми порыжелыми волосами. Перед вечером, вдоволь накупавшись, пахнущие пресной водой, расходились по домам, глядя на отражение камышей, на солнечные искры по всей речной глади. И небо над нашими головами было высоким, в белых кучевых облаках, кочующих куда-то над степью, и так покойно, и чисто, и легко было на душе, что наивно верилось: хуторское детство и это безмятежное счастье бесконечны!

Только теперь, с дистанции многих лет, понимаешь, что детство у каждого из нас неповторимо и мимолётно, как блик солнца на волне.

* * *

Сердце ль своё онемечим,
Лестью чужой подсуропив?
Нечем хвалиться ей, нечем,
«Постхристианской» Европе.

Вот и шпыняет Россию,
Словно золовка невестку,
Что бы та ни попросила,
Делает, как бы в отместку.

И, одурев от злоречья,
Не понимает, похоже,
Что никогда онемечить
Русскую душу не сможет.

Мы не давали обета
Мыслить о Господе худо.
С нами копьё Пересвета,
А не верёвка Иуды.

Не похвальба это, что вы!
Нам ли хвалиться, к примеру?
Просто мы биться готовы
За православную веру

В память небесных заслонов,
Русь охранивших с Пречистой
От горделивых тевтонов
И бесноватых нацистов.

Олег ИГНАТЬЕВ

Поэзия

* * *

Шагаю от Предтечи
Дорогою степной.
С кургана снялся кречет,
Чтоб свидеться со мной.

Должно быть, интересно
Узнать, кто я такой?
А я тут с детства местный,
Как птичник за рекой.

Я просто был в отлучке,
Довольно много лет.
Но золотой колючки
Лиловый помню цвет.

И эту пыль в кювете
И ту, что ступни жжёт,
Со мной горячий ветер
Сегодня воспоёт.

Мы с ним напропалую
Бежим по ковылю...
Я сердцем степь целую,
Целую и люблю.

* * *

Калитку привычно открою,
И, слава небесную высь,
Наш сад встрепенётся листвою:
«А ну, покажись, покажись!»

Посмотрит и радостно скажет,
Приветное слово ценя,
Что тяжесть житейской поклажи
Еще не согнула меня.

Сойдутся крыжовник с малиной,
И вишни обступят гурьбой,
Чтоб ветер с горчинкой полынной
Не встрял между ними и мной.

Тутовник обнимет за плечи,
Как друг, что заждался, и вот
Готов поделиться при встрече
Обилием здешних красот.

Сверчки соберутся оравой,
И август припомнит опять,
Как звёзды, что падали в травы,
Мы в детстве ходили искать.

* * *

Я вижу мир, словно впервые
Качнулся маятник времён,
И, что конечны дни земные,
Всевышним не предупреждён.

Натура, чуждая коварству
И лопухая, как я,
Ужель не узрит Божье Царство
Венцом земного бытия?

На трупы б не слетались грифы,
Когда бы в древности седой
Потомки Каина и Сифа
Не породнились меж собой.

Под вечер небо всё багровей,
И явственней его окрас
Напоминает мне о крови,
Что Богом пролита за нас.

И неизменно, ближе к ночи,
К себе приковывая взгляд,
Заката огненные очи
Испепеляюще горят.

* * *

Жизнь моя! Любовью славясь,
Покажи ты мне Калаус.
Те излуки, что меня
Знали лучше, чем родня.

Там весною ветер ласков,
Степь в цветочных опоясках,
И спят родные дали,
Словно блеск кольчужной стали.

Там от края и до края,
Ходят грозы, подбирая
Груши спелые в садах
За домами на задах.

Там, изладив хворостину,
Пас я выводок гусиный,
А потом, как свой упряг,
Раков драл из-под коряг.

Я любил сбежать на речку,
Иль, у деда взяв уздечку,
Спешно оседлать коня
С гривой чёрного огня

И, пустив его в галоп,
С ветром встретиться лоб в лоб.

* * *

Железноводская околица,
Мои заветные места.
Орехи падают и колются,
И даль родная так чиста,
Что, на мыски привстав, похоже,
Там, где зарницы отцвели,
Увидеть можно Царство Божье,
Не отрываясь от земли.

В КАЛИНОВСКОМ

Памяти Ивана Кашпурова

В селе пустынно, одиноко.
Лишь на окраине видна
Времянка ветхая без окон,
Что сходна с грудой самана.

Приметы времени! Да мне бы
Не видеть вас ещё сто лет,
Лишь только бы дарило небо
Земному люду свой привет.

Метёт позёмка вдоль ограды
Из мёртвого известняка,
И сад без должного догляда
Вконец продрог наверняка.

Ворона, мучимая ветром,
Его крылом в отместку бьёт,
Но, как ни силится при этом,
Не может выровнять полёт.

И мы вот так же вот, с надсадой,
Хлобыщемся нередко с тем,
Что в свете храмовой лампы,
Ничтожным кажется совсем.

И то, что мы сказать хотели,
Пусть даже скажется оно,
Не стоит, верно, птичьей трели,
Ведь хочешь, нет ли — всё равно

Душа, отпущенная в небо,
Неизреченности полна,
Как степь безлюдная под снегом
Иль хаты рухнувшей стена.

15 октября 2019

СТАВРОПОЛЬСКАЯ СТЕПЬ

Золотая моя! Видно, мало
Я колючек собрал огольцом,
Если тянет опять, как бывало,
По земле походить босиком.

С травяною сумой иль пастушьей
Взбить ногами горячую пыль,
Быстрых ласточек щебет послушать
И погладить притихший ковыль.

Это здесь, воскрешая преданья,
Словно клёкот степного орла,
Западали мне в душу названья:
Егорлык, Сенгилей, Кубырла.

Отвевая зерно от половы,
Снова слышу я в пенье ветров
Перекличку украинской мовы
С русской речью родных хуторов.

Не с того ль к синеве беспредельной
Сердце льнёт всякий раз, помолясь,
Что крещён я в селе Винодельном,
Там, где мама моя родилась.

Степь! Родная! Полынь да татарник.
Что я знаю, то знает любой.
Мы живём всё тоскливей, бездарней,
Словно всех нас ведут на убой.

Но пока не терзают кошмары,
Те, что мучили наших отцов,
Дай пройти до знакомой кошары
И на память набрать «капканцов».

* * *

Люблю районную газету,
Хоть весь наряд — её формат,
Но соль, понятно же, не в этом,
А в том, о чём в ней говорят.

О чём всерьёз жалкуют люди
И правы где, и чем живут
В своих мечтах о том, как будет
Оценен их нелёгкий труд?

Заботам времени подвластны,
Устав от скидок временных,
К властям порою так пристрастны,
Что чуть не молятся на них.

И в каждой робкой укоризне
Со строгой подписью «спецкор»
Заходит речь о новой жизни,
Какой не знали до сих пор.

О ссудах, банковском расчёте,
О радости без берегов,
Когда при севообороте
С крестьянства спишут часть долгов.

Забот — по горло! И нельзя им
С отмашкой выписать наряд,
Мол, пусть другой теперь хозяин
Вас разгребает наугад.

Нельзя! Вот в том-то и морока,
В том и завидный наш удел:
С делами справиться до срока
И оказаться в гуще дел.

Ведь за строкой печатных сводок
Стоит, как воинская рать,
Решимость нашего народа
Себя пред миром отстоять.

* * *

Вот и дождались! Явное влечение
Дневных туманов к наледи ночной
Означилось не просто мглой осенней,
А бешеной метельной крутизной.

Сгибаются ветра под снежным грузом!
Но я, словно урок, твержу опять:
— Кто взял свой крест, тот людям не в обузу,
Ведь он стяжает Божью благодать.

Её не взвесить никаким безменом
И не купить, условившись в цене...
Тогда о чём с досадою надменной
И день и ночь талдычите вы мне,

Глашатаи наживы и прибытка,
Пленённые торгашеской сумой?
Для вас и жизнь — мучительная пытка
Там, где не пахнет выгодой прямой.

Одумайтесь! И зря не голосите,
Ужели вам, сердешным, невдомёк,
Что с нами Бог, Господь наш и Спаситель,
А не какой-то рыночный царёк?

Пусть непогодь приносит злую стужу,
И меркнет свет, нам памятен завет:
— Кто служит Богу — тот России служит,
Иные установки ей во вред.

В этом году замечательной ставропольской писательнице Валентине Ивановне Туренской исполнилось бы 110 лет. Пройдя сложный жизненный путь, она пришла в литературу уже признанным педагогом и организатором системы просвещения и сразу заняла особое место среди писателей, создающих произведения нравственной и воспитательной тематики. Романы «Зрелость», «Просторы», повести и рассказы стали близки читателям середины прошлого века своей жизнеутверждающей силой, удивительным теплом и образами достойных и целеустремленных людей, патриотов своей Родины. Она известна и как драматург, чьи пьесы ставились в Ставропольском драмтеатре. На Всесоюзном радио также были инсценированы ее произведения. Безусловно, эта публикация найдет отклик в сердцах и современной читающей аудитории.

ЧЕРВОНЕЦ

Рассказ

Иногда приятно ворошить воспоминания, уйти мыслями в далекое прошлое, услышать забытые далекие голоса. Сколько их, людей, встречи с которыми когда-то согрели душу и научили любить жизнь. Среди них вспоминается мне один человек.

**ВАЛЕНТИНА
ТУРЕНСКАЯ**

Проза

Звали его Андрей Иванович, а фамилии его я никогда не знала.

Был поздний вечер, когда я постучала в дверь его домика и услышала за ней торопливые шаги. И вот уже минуло двадцать пять лет, а я всё помню его чуть насмешливые серые глаза, сатиновую черную косоворотку, помню его слегка басовитый голос, даже манеру говорить — слова он произносил как-то округло и прочно, и они, явившись на свет, не торопились уплывать в небытие, а оставались с нами, вставали в уверенные, стройные ряды. Почти ни минуты не оставался он бездеятельным. В том мире вещей, который окружал его, он был работником, наводившим порядок, и рукам его до всего было дело, им надо было следить за тем, чтобы пламя в лампе отдавало нам весь свой свет, чтобы случайная складочка на скатерти разгладилась, чтобы подвинутая чашка с чаем напомнила о себе. Руки помогали его словам: они то бережно отодвигали какое-нибудь слово, чтобы «вдосталь налюбоваться им, то отбрасывали его, сердясь и негодуя, то осторожно и ласково поднимали: выше, еще выше, и вот оно сияло и искрилось во всей своей исключительности, обычное слово, которое сотни раз до того приходилось слышать. Вряд ли когда-нибудь Андрей Иванович думал обо мне, разве в первые дни после нашей встречи. Да и я тогда (было это в дни щедрой и расточительной на дружбу юности) легко и как должное восприняла встречу с ним. В семнадцать лет всегда кажется, что жизнь каждый день будет радовать новыми друзьями. И, вероятно, потому

я ни разу не задумалась, что хорошо бы увидеть Андрея Ивановича еще раз.

Проходили годы. И в том отборе, которое делает время, забылись многие волновавшие когда-то встречи, а эта так и осталась светить ровным ярким светом через четверть века.

Я приехала в большой сибирский город с тридцатью рублями в кармане. По счастью, с квартирой устроилась легко и быстро, дали мне угол Демидовы, знакомые моего отца. Денег с меня не возьмут. Но я должна каждый день убирать снег во дворе и на тротуаре да привозить квартала за два кадку воды на салазках. Я чувствовала себя совершенно счастливой и не думала, как буду кочевать в хмурой очереди за водой, сколько тревог и мучений доставит мне эта неуклюжая обледеневшая кадка, эти непослушные салазки, словно подрядившиеся нырять в каждую выбоину дороги. Не подозревала, с какой тревогой, не выспавшаяся, усталая, буду выглядывать на рассвете из окна: шел ночью снег или не шел. А он как зарядил, окаянный, каждую ночь насыпал мягкие рыхлые сугробы. Но это всё пришло позже, а сначала я радовалась: крыша над головой есть. Нахолодавшись за день, можно отдохнуть в сонном тепле маленькой комнатки. Тикают часы, шелестят страницы — хозяин читает книгу, чуть звенит посуда — это его жена накрывает на стол. Мне тоже нальют чаю, пододвинут даже хлеб, хорошо зная, что я не возьму его. Хлебу я цену знаю. Его дают по карточкам. Свой паек я съела еще за обедом, и, по справедливости, мне больше не положено. Но и морковный чай, золотистый и горячий, пусть без сахара и хлеба, очень

хорош. Надо только не думать, что хочется есть. А если мысли о еде станут очень настойчивыми, надо разложить на сундучке в углу тонкий блин вытершегося одеяла и уснуть, защищая глаза рукой от яркого света.

Мои хозяева были даже ласковы со мной. Дородная и рыхлая Алевтина Федоровна ахала, когда я прибежала домой со двора, продрогшая в своем осеннем пальтишке с окоченевшими синими руками, она помогала мне их растирать или поливала на них холодную воду. Муж ее, Павел Степанович, собиравшийся на работу, шутил, стараясь меня подбодрить, но ни ему, ни ей не приходило в голову хотя бы однажды выйти и помочь мне. Впрочем, тогда это казалось мне совершенно справедливым: договор есть договор. В общем, квартира у меня была, теплая и светлая, а это здорово, когда есть крыша над головой. Хуже было другое. Я никак не могла найти себе работу. Сначала выбирала, обдумывала, на что я соглашусь, на что нет. Потом цеплялась за любую возможность, и всё напрасну. Выходя из дому ранним утром и скитаясь по улицам, пока не зажигались огни, я начинала отчаиваться и старалась, как могла, утешить себя. Ведь не может же быть, чтобы в этом гиганте-городе с широкими улицами, нарядными площадями, с огромными и зовущими витринами залитых светом магазинов, звонками трамваев и гудками машин, не может быть, чтобы в этом потоке торопливых, занятых людей не нашлось дела и для меня.

Павел Степанович вызвался помочь мне. Знакомых у него было много, его встречали приветливо, угощали папиросами, но когда доходило до дела,

то вставал вопрос о весьма неприятных вещах: о моей специальности, возрасте. Это было в самом начале тридцатых годов. На заборах пестрели объявления: нужны токари, бетонщики, прокладчики. Но я не знала и не умела ничего. Деньги таяли. Жить становилось скучнее. В часы обеда у Демидовых я сообщала, что иду в столовую, куда мне дал пропуск Демидов, долго бродила по улицам и возвращалась, не истратив ни копейки. Зато на следующий день наверстывала. Во всех столовых города кормили соленой дичью. В супе с пшенной крупой плавал какой-нибудь тощий кусочек соленого крыла рябчика или перепелки. Можно было бы съесть одно первое, а я покупала еще и перловую кашу или пюре с крохотной котлеткой из печенки и на следующий день опять наказывала себя голодом, в тревоге пересчитывая оставшиеся деньги.

Однажды я забрела в книжный магазин. Покупателей там в это время не было. Под равнодушными взглядами продавцов я бесцельно рассматривала книжки на прилавке и вдруг, подняв голову, увидела белый листок объявления. Через минуту я, замирая от волнения, открыла дверь маленькой фанерной будочки, где помещался «кабинет» заведующего магазином. Навстречу мне из-за стола поднялся сам заведующий — Евграф Михайлович Селивановский, маленький человек с носом-картофелиной. Выслушав меня, задав несколько вопросов, он пожевал губами, оглядел меня с ног до головы. Продавец нам нужен. Приходите завтра к восьми. Ставка шестьдесят рублей. Вас устроит? Устроит ли? Да это целое богатство! Я уже знала, что жить можно очень экономно. На радостях

я даже позволила себе зайти в огромный универ-маг. Пусть я сегодня не куплю ничего, но у меня есть работа, через две недели я получу зарплату, уже сегодня стоит примериться, что я смогу купить. Огни сияют и искрятся, отражаются в зеркалах, в их свете ярче цветные ткани, белее кружева, вещи словно зовут меня, хотят служить мне. Жизнь людей пока идет мимо меня. Я чужая им всем. Но завтра... Завтра я буду на работе, у меня будут товарищи. Меня смогут окликнуть в толпе знакомые. Зеркала заставляют меня столкнуться с собой, девушкой в черном пальто. Я искоса, но с любопытством разглядываю эту девушку, которая до сегодняшнего дня была предоставлена себе, которую никто не похвалит за хорошее и не поругает за дурное. Завтра всё это изменится...

С этого дня я вставала чуть свет, чтобы закончить все свои договорные дела по дому и освободиться к семи часам. Сосредоточенно и медленно ползли в гору голубые фургоны с молоком, пролетали белые с красным, похожие на кусок жирнейшей свинины автомашины, развозившие мясо. Рабочие уже прошли на завод. Торопливо пробегали хозяйки с корзинками и кошелками, шли продавцы. На работу я ходила пешком: так экономнее. На мосту через Каменку я обычно задерживалась. Мост повис над глубоким оврагом, скорее котловиной. Посредине ее протекала быстрая и мелкая речушка, скованная сейчас льдом, а по обоим берегам ее раскинулся поселок Каменка, такая своеобразная Нахаловка, возникшая в свое время во многих промышленных городах. Когда-то, говорили, здесь действовал обычай, по которому человек стано-

вился хозяином земли, если ему удавалось за ночь сложить печку. Строились по ночам. Торопливо клали стены, лихорадочно складывали печку. Утром к небу вился дымок, а соседи, выйдя на улицу, длинно и выразительно ругались. Потом следовало примирение с угощением в монополке, и какой-нибудь дворик, и без того маленький, делился пополам. Так возникали кривые закоулки в этом беспорядочном поселке. Я смотрела через перила моста вниз: из дома выбегали ребятишки в наскоро накинутых шубейках. Странно укороченными казались две ругавшиеся бабы. Люди с усилием карабкались по тропинкам. Вверх, вверх! И вот уже далеко внизу остался поселок с его особой жизнью, они на улице города, влились в общий поток, неотличимы от него. Вверх! Вверх! Первый шаг уже сделан. У меня есть работа. Только бы удержаться на ней, оказаться нужной, только бы суметь работать хорошо и честно. Евграф Михайлович предупредил меня, что к прилавку поставит через неделю, а пока предложил присматриваться, разбирать поступающие книги, учиться, как нужно торговать. Кое-когда мне уже начали давать поручения, маленькие, но и они наполняли меня гордостью.

Я уже знала многое о своих товарищах, присматривалась и к покупателям. Продавцы сходятся к магазину перед открытием. Раньше всех является комсомолка Маруся в яркой шапочке с помпоном, приходит толстая добродушная кассирша Соломина и сразу начинает рассказы о своих детях, их у нее не то трое, не то четверо, прибегает продавец музыкального отдела Николенко, смуглый живой человек, влюбленный в музыку.

Он виолончелист и неплохой, иногда выступает по радио. Злые языки говорят, что в этих случаях он бывает щегольски одет и раскланивается перед микрофоном, прикладывая руку к сердцу. Наконец заведующий открывает магазин. Начинается утренняя уборка. Селивановский не отходит от прилавка, он знает, как привлечь внимание покупателей, как выгодно оттенить книжку. В прошлом он был артистом и, несмотря на маленький рост и невыразительные черты лица, играл роли первых любовников. Он гордился тем, что получал письма по адресу: «Актюбинск, театр. Евграфу». Но однажды его вызвали в отдел искусств и там долго убеждали, что он — комик, прирожденный комик. Бледный, с трясущимися губами, вернулся он в гостиницу, где занимал номер. Он бросал на пол афиши, фотографии — всё, что хранил много лет, всё, что имело цвет и запах разных городов и времен года. Он смотрел на себя в зеркало и трагически шептал: «Вы думали, вы — драматический артист, Евграф, а вы — комик, понимаете, комик». Несмотря на уговоры, он оставил сцену. Жизнь казалась ему навеки искалеченной. Года два он метался, меняя профессии и втайне тоскуя о прошлом. Потом ему предложили заведывать книжным магазином. Новому делу он отдался весь, вначале с несколько театрализованной любовью. Шли годы. Всё дальше отступали в Селивановском черты, навеянные провинциальным театром предреволюционных лет, и возникали новые: дело свое он любил и знал.

Ко мне Селивановский относился хорошо, но я поняла это гораздо позже, а в те дни попросту

отчаянно трусила, когда замечала рядом Евграфа Михайловича. Мне всё казалось, что он посмотрит-посмотрит и скажет: «Иди-ка ты, девушка, подобра-поздорову, ничего из тебя не выйдет». Но он называл меня на вы, по имени и отчеству. Это было и приятно, и еще больше тревожило: так вежливо он обращается со мной, а поставит меня к прилавку и я растеряюсь, не сумею ни книгу найти, ни предложить ее. В десять привозили с базы новые книги, дежурный отбирал образцы, и продавцы по очереди знакомились с ними. Селивановский устраивал целые экзамены: название, автор, цена, кому можно предложить, что в книге интересного, нового. Я с тревогой думала, что не отвечу ни на один вопрос, когда очередь дойдет до меня, но Евграф Михайлович меня не спрашивал. А между тем я уже начинала любить эти новые, еще пахнущие типографской краской книги. Возчики сгружают пачки книг, шелестят листы фактур. Сейчас можно будет сорвать с пачек бумажные обертки и радостно обнаружить томики есенинских стихов с березкой на обложке, темные гравюры, рассказывающие о жизни Бенвенуто Челлини, мелькает фамилия еще неизвестного мне автора. Сердце как обожжет название нечитанной еще книжки. «Время, вперед!» Это написал Валентин Катаев. Я держу книжку в руках и верю, что она расскажет мне о самом важном. Как это здорово, когда человек может вот так, даже время взнуздать, даже время пришпорить.

Если бы меня поставили сегодня к прилавку, я протягивала бы ее каждому: возьмите, читайте, ощутите этот бешеный бег времени... А в руках уже

новая книга... Какие же просторные горизонты у мира. Сколько я могу узнать и увидеть. «Купите «Город желтого дьявола», скажу я, назову цену и получу чек. Всё так обыденно и просто. Но я знаю, что вечером, раскрыв эту книжку, человек переживет несколько часов огромного душевного смятения, в чем-то станет иным, лучшим и взглянет на жизнь иными глазами. Я люблю эти книги, что лежат на прилавках, стоят на полках, громоздятся штабелями на складе. Даже черная с золотым тиснением «Физика» Михельсона, белые с красным росчерком книжки «Библиотеки рационализатора» — каждая по-своему начинали волновать меня. Их ждут. Они должны попасть к людям. К середине дня торговля оживлялась. Покупатели толпились у прилавков. Это был жадный до хорошего народ. Учащийся требовал учебник. Бабушка говорила о дне рождения Маечки и искала «Мойдодыр». Бородач извлекал из кармана широченной борчатки целый список и обстоятельно рассказывал о том, что в город ехал по своему семейному делу, а пчеловоду нужна книжка о подкормке пчел, избач не велел возвращаться без Пушкина и Гоголя. Пушкина и Гоголя не было, но бородач недоверчиво оглядывал уставленные книгами полки и требовал искать получше. Прибегали рабфаковцы. Покупали немного, смотрели всё, бережно листали издания «Academia», со вздохом клали книгу: «Хороша, да не по карману».

В магазине знали и любили книгу, знали и любили покупателя. Здесь даже время измерялось книгой. Не говорили: «в марте», «в июле», а говорили: «Когда нас завалили «Дорогами и мостами»,

«Когда «Academia» выпустила «Тысячу и одну ночь». О покупателях знали всё: не только их вкусы и покупательные способности, но и семейные, служебные дела, даже характер. Я старалась как можно больше узнать о людях. Первый, кто запомнился мне, был библиотекарь какого-то клуба. Он брал книги дрожащими руками. Уже купив книгу и уплатив деньги, он устраивался где-нибудь в углу, чтобы еще раз просмотреть ее. Покупая, он делил книги на две части — библиотеке и себе — и брал два счета. Когда-то на него поступила анонимка, обвинявшая его в вольном обращении с библиотечными фондами. Комиссия проверила дело и принесла ему извинения. С тех пор он на каждую купленную книгу брал счет и, показывая свою личную библиотеку, предъявлял и папку со счетами. Если нужная книга была в магазине единственной, он бледнел, нервничал, но покупал ее для клуба. Я ожидала той минуты, когда наконец-то встану лицом к лицу с покупателем, и боялась ее. Завидовала Кротович, ее спокойствию, ее уменью. В горячий момент она не знала усталости. — Дайте чек на «Разбег» Ставского, — просили ее. — Что новенького по нормированию времени? — Вчера у вас был Шиллер. Просили книгу, она давала пять, и три из них оказывались нужными. Вот так хочу работать! Именно так.

Селивановский много внимания уделял выставкам. Они должны звать, убеждать, заставлять думать. Иногда предметом выставки была всего одна книга. Она лежала на прилавках, она звала разворотом переплета с полок, смотрела со щита, одна единственная, с огромного щита, подчеркну-

тая красной стрелой, похожей на молнию. Другие выставки были сложнее. Их план горячо обсуждали. Мне тоже хотелось вставить свое слово, но я боялась ошибиться и ждала, когда же Селивановский поручит выставку мне. К концу первой недели он предложил мне помогать Кротович. Мы с ней долго чертили, вырезали, завесили окна бумагой. На одном из них появилась горячая красная надпись «У нас» и стояли макеты строек, шли в будущее устремленные вперед фигуры молодого рабочего и колхозницы и лежали книги, звавшие к овладению знаниями, к ударной работе на всех фронтах. А другое окно имело мрачное название «У них» — капиталист в цилиндре — на переднем плане, тюрьма и цепи — в глубине и книги с названиями, полными горечи и боли. Мы с Кротович выбегаем на улицу. Выставка кажется мне великолепной. Непонятно, как люди равнодушно и спокойно идут мимо и не бросаются все в магазин покупать книги. Я, как эстафету, готова перенять от Селивановского его уверенность в том, что не дойди вовремя книга о Кузбассе до каждого инженера, врача, школьника — и не будет закончена вовремя стройка, не сделай мы яркой и красочной выставку по силосованию кормов — и голодным останется скот... Наконец наступает долгожданный час. — Становитесь к прилавку, — говорит Селивановский. Удивительно быстро летит этот день. Селивановский не подходит ко мне, только издали, одобряя, кивает головой. Зато Кротович, милая, заботливая Кротович, рядом. Она не мешает мне, она думает о моем авторитете, и вместе с тем, я чувствую, она готова в любую ми-

нута прийти мне на помощь. Но этого и не требуется. Правда, я волнуюсь, теряю ножницы, возжусь с упаковкой, зато книги я нахожу быстро и даже пытаюсь кое-что предложить от себя, выбрав для этого покупателя своего возраста. День идет к концу. Я показываю двум девушкам сборники стихов, в это время Кротович подвигает ко мне огромную пачку книг, отобранную библиотекой: «Выпишите счет». Я принимаюсь за работу даже весело, не подозревая о той опасности, что таится в этих внешне безобидных словах. Старательно выписываю каждое название, переворачиваю лист. Вот в моих руках последняя книга. И тогда я холодею: сейчас придется подвести черту, написать итог. А чтобы вывести этот итог, надо сосчитать два длиннейших ряда цифр. С рублями и копейками, с десятками и сотнями. Мысли мечутся, сталкиваются, я чувствую, что у меня начинают дрожать колени. Нет, надо собрать всю свою волю и подсчитать в уме. Сначала копейки. Я принимаюсь за дело. Три двадцать прибавить шестьдесят — три восемьдесят. Вот с копейками покончено. Я пишу в итоге — двадцать два, запоминаю в уме «восемь», и уже приободрившись, принимаюсь за рубли. Тут я замечаю, что Кротович внимательно смотрит на меня. «Возьмите счета», — тихо говорит она. Счета, проклятые счета! Да разве я знаю, что с ними делать? Надо сказать: «Я не умею считать на счетах». Но меня учили здесь всему, Селивановский часами беседовал со мной, посвящая меня в секреты будущей моей профессии. И только о счетах не вспомнил и не заговорил никто. Значит, надеялись, что

я умею считать. И кому же придет в голову, что человек, окончивший восемь классов, никогда не прикасался к ним. Подняв на меня глаза, Кротович ждет, и тогда я беру себя в руки. С ледяным спокойствием я отвечаю ей: «Я всегда считаю в уме, так мне удобнее». Она с интересом смотрит на меня, но обмануть ее не так-то легко. «Может быть, вы не умеете?», — еще тише спрашивает она, воспользовавшись тем, что наш покупатель с ушами влез в «Лирику» Гёте. Я колеблюсь только секунду. Нет, нельзя поддаваться на эту ласковую уловку. День кончится, а Кротович подойдет к Селивановскому и скажет: «Представьте себе, она даже на счетах не умеет считать. Зачем нам такой работник». И Селивановский согласится. «Освободим ее. Кстати, и испытательный срок не кончился». Вот и всё. И прощай тогда работа, которая так нравится мне. И снова я на улице. А денег уже не тридцать, денег всего тринадцать рублей. Всё это мгновенно пронеслось в мыслях. Я отступила на шаг и удивленно и недовольно произнесла. — Конечно, умею, но в уме я считаю быстрее. Кротович отошла. Я кончила считать, выписала итог. — Платите триста семьдесят шесть рублей двадцать две копейки, — сказала я незнакомым голосом. Покупатель пошел к кассе. Мне казалось, что магазин плывет у меня в глазах. Ничего! Копия счета останется у меня. Я проверю итог сегодня же вечером. Покупателя я уже знаю, он опять придет в магазин. Но почему он так долго стоит у кассы. И тут я услышала из кассы, где сидела Соломина, явственное щелканье счет. Так вот где была ловушка. Я ни секунды не задумалась над тем, что

добродушная Соломина просто и по-товарищески хотела предупредить мою ошибку. Я только взмолилась в душе: «Пусть, пусть итог окажется верным. Я не хочу снова бродить без работы. Я не хочу уходить от этих книг, от этих людей. Покупатель со счетом и чеком в руке идет от кассы. Скорее, скорее! Он задерживается у витрины. Значит, всё благополучно. Если бы было иначе, он, наверное, уже бросил бы счет на прилавок. Но почему счет у него в руках. Почему он не сложил его, не спрятал в карман? Наконец он передо мной, протягивает счет. Я еле могу совладать с собой. Итог исправлен: «Триста шестьдесят три рубля». Я обманула его на огромную сумму — на тринадцать рублей. Тринадцать рублей. Ровно столько, сколько у меня осталось. Правда, может быть, увольняя меня, мне заплатят за проработанные дни. А может, и нет. Может, за испытательный срок вообще не платят? Или платят, если он выдержан? Разве я знаю! Сейчас он закричит: «Вы обманули меня! Вы не умеете считать! И кто только поставил вас к прилавку». Из своей фанерной будочки выскочил Селивановский. Ох! Ну и пусть! Скорее бы! Но вместо этого покупатель тихо говорит: — Вы ошиблись, исправьте итог. И Кротович нет рядом. Случайно или намеренно, но она отошла так, что ей ничего не слышно. Слезы готовы выступить у меня на глазах. Еще этого не хватало! Самостоятельному человеку, продавцу магазина разреветься, как девчонке. Я упаковываю ему книги. Лист. Еще лист. Разве жалко бумаги для такого хорошего человека. Пусть она загнетса на углах такими ровными, красивыми склад-

ками. И бечевки не жалко. И сделаем ему из бечевки такую держалку, чтобы ему не резало руку! Он уходит. И тогда, благодарно вспоминая о нем, я опять холодею. А вдруг он не рассердился только потому, что Соломина, подсчитав итог, сказала ему: «Не сердитесь. Это наша стажерка. Завтра же ее не будет в магазине. Евграф Михайлович не станет держать человека, способного обмануть покупателя на тринадцать рублей». Без четверти шесть. На дверь вывешена табличка «Магазин закрыт», еще два-три рьяных покупателя пробуют нырнуть под нее, но уже начинается уборка прилавков, с наколышей снимают чеки, идет подсчет выручки. Я люто ненавижу себя. Ведь я же наблюдала эту операцию ежедневно. И почему, почему мне не пришло в голову, что я не сумею считать. «Устали?» — слышу я за спиной ласковый голос. Я оборачиваюсь, прямо передо мной лохматая шапка, нос картофелиной и приветливые умные глаза Селивановского. Он еще ничего не знает...

На улице я сажусь на заснеженную скамью. Белые хлопья танцуют в косом луче фонаря, деловито залепляют афишу. Скрипит под ногами прохожих снег. Куда пойти, кому сказать о том, как я скверно поступила сегодня! Как я боюсь завтрашнего дня... Пусть даже бесследно пройдет то, что случилось, но завтра оно повторится. Повторится опять... Что делать? Прийти и сказать: «Научите меня, я вас обманула, я никогда не держала счета в руках». Но это значит, признаться, что я сегодня солгала. Всё больше стыли ноги, всё безнадежнее становилось на сердце. Говорят, что не бывает ни больно, ни страшно, когда человек замерзает. Закрыть гла-

за и сидеть совершенно спокойно. Вот так! Но кто же даст замерзнуть здесь в центре города? Просто отморозишь себе нос и щеки, они противно почернеют. А сало или вазелин, чтобы натирать их, тоже достать надо. И денег они стоят. Решение приходит само. Я вскакиваю, хватаю рукавичкой снег, на всякий случай тру нос и щеки, пока они не начинают гореть. Скорее домой. Должен же Павел Степанович знать, как считают на счетах. Становится легко. Я бегу и уже думаю, что сегодня обошлось, а завтра я уже буду знать, как скользят костяшки по этим проклятым счетам. И только на мосту опомнилась: Павел Степанович сегодня уехал в командировку. Тут новая мысль возникает у меня. Почему бы нет? Только найти совсем незнакомого человека. У меня тринадцать рублей. Червонец я отдам за науку. На три рубля буду жить до полочки. Хлеб по карточке я беру каждый день. Лучше каждый день постоять в очереди, зато не съешь паек сразу за два дня. Вот на этот пайковый хлеб я и буду жить. Получится великолепно. Приду с работы, накрошу его в алюминиевую кружку, залью горячим кипятком. Хлеб разбухнет. Его будет много-много... Нет, без обеда обойтись — это не очень страшно. Не раздумывая больше, я начала спускаться по заснеженной тропинке вниз. Почему я выбрала это направление, я и сама не знала. Вероятно, мне казалось, что между городом и поселком пролегает резкая грань и мою операцию именно так удастся сохранить в тайне.

Я решительно постучала в первый дом, второй...

«Скажите, здесь кто-нибудь умеет считать на счетах?» Меня просто не понимали, а из-за одной ка-

литки очень недвусмысленно пообещали спустить собаку. Становилось всё холоднее, а вместе с холодом в сердце заползла безнадежность: ничего из моей затеи не выйдет. Наконец я поняла — пора остановиться. Просто я такая незадачливая. Надо возвращаться, но всё равно так, на случай, еще раз попробую счастья. Я поднялась на шаткое крыльцо маленького домика, неуверенно и робко постучала в дверь.

— Кто там? — услышала я приятный басок.

— Здесь кто-нибудь умеет считать на счетах? — безнадежно повторила я свой вопрос.

— Ну, предположим, умеет, — в голосе человека за дверью звучала заинтересованность, — а дальше что?

— Пожалуйста, откройте, — взмолилась я. Дверь распахнулась, и меня пропустили в сени. Не видя в темноте собеседника, я торопливо начала излагать свое дело.

— погоди, погоди, — остановил меня хозяин дома, — прошу в горницу, там и поговорим. Я оказалась в маленькой и уютной комнате. — Давай знакомиться, — оживленно проговорил хозяин. — Меня зовут Андрей Иванович, а это жена моя Вера Васильевна.

— Да вы садитесь, — захлопотала женщина. И она, и Андрей Иванович показались мне людьми пожилыми. Впрочем, в семнадцать лет пожилыми и очень солидными кажутся и сорокалетние люди. Я как можно короче объяснила причину своего прихода: поступила в магазин, не умею считать на счетах, боюсь, что меня уволят. Не забыла упомянуть и о магическом червонце, который обеспечивает мое право на обучение.

— Червонец? Целый червонец... Чудесно! — оживился Андрей Иванович, потирая руки. Я протянула ему деньги, спросила, колеблясь.

— А сумею я за один вечер научиться считать?

— Как учиться будешь, — засмеялся Андрей Иванович. Он взял деньги, развернул их, очень довольный, посмотрел на свет.

— Стыдился бы, Андрей Иванович, — нахмурилась жена.

— А чего мне стыдиться? — пожал Андрей Иванович плечами и весело подмигнул жене. — Я, однако, их не украл, честно заработал. А ты, — обратился он ко мне, — будь спокойна, я тебя за твои деньги всему обучу. Не только складывать и вычитать, умножать и делить научу. Ты, может, к профессору своего дела попала. И проценты покажу, как находить. И всё за те же деньги. Только вот что, моя дорогая, человек с работы пришел, ему и пообедать не грех.

Восхищенная перспективами, которые раскрывались передо мной, я пробормотала, что с радостью подожду. Ладный и уверенный, Андрей Иванович ходил по цветным половичкам, поскрипывая бурками, а Вера Васильевна накрывала на стол. Тарелка мягкого белого хлеба, дымящаяся кастрюля со щами. Нет, что мне до их запаха, который наполнил всю комнату! Другое важно. Я научусь считать. Я даже отвернулась от стола, разглядывая какие-то фотографии на стене.

— Однако, девушка, так дело не пойдет, — снова раздался басок хозяина, — работать вместе будем, а как обедать, так я один. Не выйдет. Садись, садись. Оставь-ка церемонии-то. Я еще не знаю,

какова ты ученица, может, до утра просидим. Изволь-ка силы запасти.

Вера Васильевна налила мне щей в большую цветастую тарелку, одну поварешку, вторую, а в третьей оказался изрядный кусок мяса. — Ты это почему без хлеба? — укоризненно покачал головой Андрей Иванович и положил передо мной ломоть. Я слабо сопротивлялась, но он просто прикрикнул на меня. Как давно я не ела щей, да еще с хлебом! И всё-таки я старалась не показать, какое удовольствие испытываю, старалась не торопиться. Андрей Иванович ел истово, на меня не смотрел, хотя задавал вопросы о том, как я оказалась одна, как нашла работу, как живу. Потом пили чай. Крутым кипятком Вера Васильевна заварила в тарелке молодую черемуху, и мы мазали ее, распаренную, сладкую, с легким миндальным привкусом, на хлеб. Было очень вкусно, но я уже начала волноваться: время-то идет, а кто его знает, какую премудрость придется одолеть. Наконец на столе было убрано. Андрей Иванович достал счета, любовно положил на них широкую ладонь. — Рубли, копейки, — начал он, указывая на ряды костяшек... Мы считали и считали. Я не чувствовала неловкости. За обучение заплачено сполна, и мой учитель очень честно отработывает свои деньги. Ему нужны деньги, мне — наука. А наука оказалась простой и веселой и заключалась главным образом в том, чтобы представить одну цифру двумя и сделать это почти механически. Если надо прибавить восемь, но костяшек не хватает, прибавь десять и отними два; надо отнять шесть, не выходит — отнимай десять и прибавляй четыре. Подняв глаза к потол-

ку, он уже диктовал мне трех — и четырехзначные цифры, косточки летали по проволоке, а на сердце становилось всё радостнее. Прошло часа два.

— Перерыв, — объявил он. Только тут я почувствовала, как устала. Закурив, он опять ходил по комнате. Не знаю почему, но я рассказала ему обо всем, что сегодня случилось со мной в магазине.

— Обманула, однако? — тихо сказал он, при- тушив папироску. — Не стоит. Поганое это дело. Приди завтра и скажи правду. Никогда правды не бойся и с нею, с правдой, ничего не бойся, всё осилишь. А люди, видать, с тобой хорошие. Ты человека-то научись поглубже разглядывать и хорошее в нем видеть. Пусть не сразу разглядится, а ищи. Верь людям-то. Они ведь и плохими-то не с хорошей жизни становятся. И того не бывает, чтобы человек-то совсем плохим стал. Ты гляди, гляди, не уставай, а доброе в нем, честное из всякого хлама так и блеснет. Тогда не зевай, помоги ему мусор-то внутри себя поразгрести. Молода ты еще, девчонка. И это ничего. Постареть успеешь, опыта набраться. А сейчас ты от своей молодости к людям иди. Ты вот сегодня никому не поверила. Думаешь, кассирша тебя подвести хотела, товарка твоя случайно твоей оплошности не заметила. А тебе завтра прийти бы, да поклониться им, да смотреть, как ты им услужить в жизни можешь. А не им, так другому кому. Для себя-то жить не стоит. Скучная это жизнь, для себя, холодная, плесенью пропахшая. Сейчас в мире огромные дела идут. Вон, мы какую революцию отгрохали. Ты сейчас, поди, думаешь: «Работу еле нашла, зимой в осеннем пальтишке

мерзну, на пайке впроголодь живу». А ты поднимись над собой-то и на всю жизнь сумей взглянуть, куда она идет, под гору катится или в гору подымается. И как народ дышит, послушай, какие в себе силы находит, на какие дела замахивается. Вот оно счастье! Ты к большому делу подошла. К книге... Ты нам об этом вашем завмаге сказала, что нос-то картофелиной, а душа у него какая? Ты же сама чувствуешь, какая душа-то. Она в народном деле свою часть ищет. И ты ищи...

Слова эти были простыми и ясными, говорил он так убежденно, с такой душевной настойчивостью, словно брал меня за руку и вел за собой. Он бросал свои мысли одну за другой, и они словно прорубались в мое сердце, где тоже было немало личных тревог и огорчений. И жизнь моя, с ее тревогами, холодом, непосильной работой по утрам, полуголодным пайком, показалась мне странно преобразенной. Главное, оказывается, было не в них, не в этих мелочах, а в том, что работа моя нужна людям и я должна научиться делать ее как можно лучше, навсегда забыв о равнодушии. Главное было в том, что рядом со мной — люди, много хороших людей, занятых одним общим делом. Ах, червонец-то мой, червонец, какой драгоценной монетой обернулся ты! Но Андрей Иванович уже оборвал себя.

— Говорить о деле хорошо, еще лучше дело делать. Садись-ка опять за счеты, умножать будем.

И мы умножали, делили. И это оказалось просто. И даже проценты легко легли в мою голову. Надо найти тридцать шесть процентов. Пожалуй-ста! Одна десятая числа — это десять процентов,

кладу ее на счета четыре раза — это сорок процентов и отнимаю одну десятую полученного числа, то есть четыре процента и получаю тридцать шесть процентов. Найти двадцать пять процентов? Еще того легче. И снова мы пили чай и говорили о жизни. Было двенадцать часов, когда я простилась с Верой Васильевной. Андрей Иванович не захотел меня отпускать одну.

— Тут такие закоулки, что и днем не выберешься, да и поздно, — твердо сказал он. По-прежнему валил хлопьями снег, почти все окна темнели, только кое-где дорогу перечеркивал свет. Андрей Иванович вывел меня к тропинке, пожал руку и пообещал стоять внизу, пока я не выберусь наверх, чтобы я не боялась. И он, действительно, стоял там. Наконец я выбралась наверх. Андрей Иванович был уже не виден мне, снег падал сплошь, казалось, еще одно усилие и он завалит поселок внизу. А внизу, сквозь снежную пелену, нет-нет и мелькали огни. Один из них мелькал для меня в окне Андрея Ивановича. И тут я остановилась: я же не знаю, как найти его в этих закоулках и тупичках. И сейчас же с легкомыслием молодости решила, что всё равно встречу, не могу не встретить, в одном городе живем, по одной земле ходим. А придя домой, я нечаянно сунула руку в карман пальто и нашла там свой собственный червонец, потихоньку положенный туда Андреем Ивановичем...

Утром, еще до работы, меня пригласил к себе Селивановский. Глаза его смотрели очень мягко:

— Слушайте, — сказал он, — я еще не показал вам, как считать на счетах...

— Я умею, Евграф Михайлович, — откликнулась я с задором. Я взяла счеты, я складывала, вычитала и делила огромные цифры, а потом подняла голову. Какие же умные, смотрящие прямо в душу были глаза у этого человека.

— Вчера научились? — спросил он.

— Вчера, — призналась я. Вот, собственно и всё. Андрея Ивановича я больше не встретила. Не встретила, но и не забыла двадцать пять лет. И сейчас, вспомнив его, я вспомнила и других хороших людей, с которыми тогда столкнула жизнь: моих товарищей по работе, задорную комсомолку Марусю, страстного музыканта Николенко, влюбленного в свое дело Селивановского, Кротович и Соломину, каждый из которых в свое время дал мне частицу душевного тепла и чему-то научил в жизни.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Повесть

ГЛАВА 1

— Всё, дальше не поеду: курортная зона, — сказал водитель. — И так уже под знак заехал. Так что, гражданочка, выходите.

Анна вышла, глянула на пустынную дорогу, едва виднеющуюся в слабом свете тусклых фонарей: ни машин, ни людей... Впрочем, какой-то запоздалый путник шёл к городу вдоль небольшого придорожного лесочка. На миг его кожаная куртка отразила отблеск фонаря, но он тут же исчез за поворотом. Видя нерешительность пассажирки, водитель (дед из породы неутомимых дачников) сказал, подавая ручку и оторвав клочок от старой газеты:

— Возьми, запиши номер моего мобильного.

— Зачем? — удивилась Анна.

**ИДИЛЛИЯ
ДЕДУСЕНКО**

Проза

— На всякий случай, — пояснил дед. — Тимофеич я. Если что, звони, мигом подъеду.

— А как же... курортная зона?

— Так то-то ж и оно. Здесь даже и стоять-то долго нельзя. Чуть что нарушил — наша полиция тут как тут, а когда нужно, так её не дождёшься. Но если что, звони, тут же вернусь. Только ты не бойся, здесь тихо, никаких происшествий не бывает: курортная зона!

Всё это дед говорил, вылезая из машины и доставая из багажника чемодан Анны. Он уехал. Анна сунула клочок бумаги в кармашек чемодана и огляделась: никого. Может, так и лучше, не надо с беспокойством приглядываться к прохожим. Только теперь она почувствовала холод промозглого октябрьского вечера. На голову упали несколько капель — видно, скоро начнется дождь. Анна накинула на голову капюшон куртки, вытянула ручку чемодана, и он тихонечко застучал колёсиками по плиткам узенького тротуара. «С этим отдыхом сразу как-то не заладилось, — размышляла Анна. — Три года даже выспаться как следует не могла, ду-мала, отдохну в санатории, и вот какое начало».

Её размышления прервал какой-то необычный звук. Анна приостановилась: ей почудилось, будто откуда-то доносится стон. Очень слабый, еле слышный. Анна в испуге замерла, чтобы стук колёс не мешал прислушаться. Нет, наверное, почудилось... Но только она хотела двинуться дальше, как опять послышался едва уловимый стон, похожий на шелест. Вроде бы со стороны лесочка. Анна, преодолевая страх, громко спросила:

— Кто там? Вам плохо?

Две секунды молчания — и снова тихий стон. Анна быстро обернулась вокруг своего чемоданчика, но не было видно никого, с кем бы она решилась войти в лесочек, край которого слабо освещался ближним фонарём. «Может, уйти? — подумала она. — Какое мне дело...». Но в следующие же секунды поняла, что никогда не примирится со своей совестью, если по её вине погибнет человек. Ведь кому-то плохо! Это явно. Иначе откуда же стон?

Оставив чемодан, Анна шагнула за первое дерево и теперь уже более явственно услышала едва уловимое: «А-а-а-ах-xxx...». Анна быстро сделала ещё несколько шагов и чуть не споткнулась о чьё-то тело, лежавшее под деревом. Свет фонаря еле доходил до этого места, хотя оно и было всего метрах в двух от дороги. Анна наклонилась и увидела, что здесь лежит женщина. Её волосы разметались и почти слились с землёй. Женщина лежала с закрытыми глазами и, казалось, не дышала. Анна наклонилась совсем близко к её лицу и тревожно заговорила:

— Вам плохо? Вы можете встать? Давайте я вам помогу! Держитесь за меня, за мою руку.

Анна пыталась подсунуть одну руку под тело женщины, а другой хотела ухватить край её куртки, чтобы поднять страдальицу. Почувствовав под ладонью что-то острое («похоже, сережка»), она машинально сунула находку в карман своей куртки и снова протянула женщине руку:

— Ну, миленькая, держитесь за меня, вставайте!

Но женщина не шевелилась, только издала слабый стон и как будто хотела что-то сказать. Анна не расслышала, что именно, и наклонила ухо почти к её губам.

— О-о-онн...а-а-аххх, — еле слышно выдохнула женщина.

— Что, что? Повторите! — попросила Анна.

— У-у-уб-ххх...

— Что, что? Он убил? Вас убили?

— О-о-онн...а-аххх, — едва донеслось до Анны, и женщина умолкла.

— Повторите! Пожалуйста, повторите! Скажите же что-нибудь ещё! — просила Анна, но женщина молчала, теперь не слышно было даже стонов.

— Подождите, я сейчас! — проговорила Анна и кинулась к чемодану, где в небольшом внешнем отсеке лежал мобильный телефон, теперь уже вместе с клочком бумаги от Тимофеича.

Когда она укладывала вещи, то побоялась оставить телефон в одном из карманов куртки, так как они были очень мелкие. Ей казалось, что во время дороги в специальном отсеке чемодана самое удобное место для телефона: не выпадет и достать легко. Но сейчас она никак не могла этого сделать. Руки её тряслись, она не могла расстегнуть молнию — «собачка» выскальзывала из пальцев. Анна увидела, что они чем-то испачканы, и вдруг уловила запах крови. Её и, правда, убили, эту женщину, или только ранили? Наконец молния поддавалась. Анна быстро вытащила мобильный телефон и набрала номер «Скорой помощи». Ей пришлось довольно долго ждать, пока там отозвались, а может, ей только казалось, что секунды тянутся как часы.

— Здесь женщина, — торопливо заговорила Анна, — ей плохо!

— Что с ней? — перебил её спокойный женский голос.

— Не знаю! Говорит, что её убили!

— Если её убили, то как она говорит? — скептически заметили в «Скорой».

— Не знаю! — взволнованно воскликнула Анна. — Я шла, услышала стон, подошла. Она лежит тут еле живая... И кровь! Приезжайте скорее!

— Куда? Говорите адрес.

— Не знаю, — растерялась Анна. — Это в самом начале курортной зоны. Здесь, кажется, лесополоса... Приезжайте скорее! Я буду ждать вас на дороге!

— Полицию вызывали?

— Не-е-ет. А что, надо?

— Ладно, мы сами вызовем. Но вы никуда не уходите.

— Да куда уж тут... — скорее самой себе сказала Анна.

Она вернулась к женщине, наклонилась над ней, пытаясь понять, слышит ли та её:

— Сейчас, миленькая, сейчас. Приедет «Скорая», вам помогут. Потерпите. А мне надо на дорогу, машину встретить.

Женщина никак не реагировала. Понимая, что помочь ей она уже ничем не может, Анна вышла на дорогу и стала рядом со своим чемоданом. Срывались редкие капли дождя, но доставать зонт ей не хотелось. Промокнет? Теперь уж всё равно. Даже при слабом свете фонаря Анна увидела, что джинсы и края куртки в земле, а на одном рукаве — кровь. Испачкалась, когда протягивала женщине руку.

«Скорая» и полиция подъехали почти одновременно. Анна повела всех к пострадавшей. Врач глянул на неё и скептически покачал головой. Че-

ловек в полицейской форме и с фотоаппаратом при свете вспышек сделал несколько снимков. Затем пострадавшую положили на носилки и понесли к машине. По виду это была хрупкая тоненькая женщина небольшого роста. Тут только Анна разглядела её лицо: даже мертвенно-бледное оно казалось привлекательным. Пожалуй, это была её ровесница, нет, всё же помоложе. Врач уже при свете фонаря наклонился над женщиной и опять покачал головой.

— Что?! — вырвалось у Анны. — Неужели не спасёте?!

Врач вздохнул и отвернулся. «Скорая» отъехала, а полицейская машина осталась. Один из двух прибывших полицейских подошел к Анне и представился:

— Капитан Ковалёв. Знаете потерпевшую?

— Откуда же? Я иду в санаторий и слышу, вроде кто-то стонет. Думаю, плохо кому-то. Подошла, ну и...

— Дальше.

— Что дальше? Вижу, лежит женщина... В крови... Что-то силится сказать, но так тихо, я еле разобрала...

— И что разобрали?

— Ну...что-то вроде «он убил»...

— Кто «он»?

— Не знаю! Только два слова! И то, если я правильно разобрала...

— Вы успокойтесь, — смягчился капитан. — В каком санатории отдыхаете?

— Пока ни в каком! — в сердцах сказала Анна. — Всё никак не доберусь!

- А вы что, пешком?
- Вот именно! Дед отказался дальше везти: курортная зона!
- Что за дед?
- Не знаю!
- Как-то странно, что вы ничего не знаете, а сами оказались на месте преступления.
- Но я действительно ничего не знаю! А дед... Вспомнила! Он сказал: Тимофеич. И номер телефона оставил.
- Тимофеев? — уточнил капитан.
- Нет! Тимофеич!
- Ладно. В какой санаторий путёвка?
- Анна назвала.
- Хороший санаторий, — одобрил капитан, — один из лучших в городе.
- Только я не знаю точно, где он находится, — сказала Анна.
- Как это не знаете? А путёвку как приобретали?
- По интернету.
- Ох, уж эти мне «продвинутые», — вздохнул капитан, — доверяются интернету, а потом не знают, куда идти.
- Некогда было за путёвкой ехать, — объяснила Анна. — Так мне можно идти?
- Нет, погодите, вы ещё будете нужны. Володя, — обратился капитан к лейтенанту, — надо осмотреть и сфотографировать следы, если хоть какие-то остались.
- Есть! — с готовностью отозвался Володя.
- Пройдёмте с нами, — сказал капитан Анне. — Вот это, похоже, ваши следы? Ну и натоптали!
- Так я же... сначала к ней, потом — к чемодану и снова к ней! Да и «Скорая» здесь была!

— Та-а-ак, — констатировал капитан, — стало быть, вы подходили с этой стороны. А что у нас слева?

Этот вопрос был адресован Володе, который уже зашёл с другого края узенькой лесополосы. При свете вспышки зафиксировал то, что можно было увидеть на клочке земли, покрытой густой пожухлой травой.

— Да-а-а, практически ноль, — раздумчиво проговорил капитан, — но вот у края тротуара что-то просматривается. Трава примята, вроде есть след явно большой ноги.

— Ну, я бы не сказал, что очень большой, — возразил лейтенант, — может, 40-й размер или 41-й. А впрочем, может, и 43-й, трудно понять, так всё смазано.

— Видно, здесь и происходила схватка, — высказал предположение капитан. — А где же следы потерпевшей?

— Да вот, у самого края тротуара есть отпечаток каблука, а дальше сильно смятая трава, как будто «размазанная», ничего не поймёшь, — сказал Володя. — А вот обратите внимание: в этом месте трава вроде приглажена.

— Значит, женщину схватили и поволокли?

— Похоже на то, — ответил лейтенант. — А может, она просто так неудачно шагнула, что одна нога по траве проехала.

— Страх у нынешних преступников совсем нет, — констатировал капитан, — ведь у самого края тротуара напал.

— Мне уже можно идти? — подала голос Анна, о которой, как видно, совсем забыли.

— Садитесь в машину, довезём, — пригласил капитан и, подхватив чемодан Анны, опустил его в багажник.

Анна послушно села на заднее сидение. Ковалёв немного помолчал, а потом, обернувшись, сказал:

— Придётся вам прийти ко мне завтра, чтобы повторить и запротоколировать ваши показания.

Анна, смотревшая сквозь стекло дверцы на тянувшийся вдоль дороги бульвар, с недоумением повернула к нему уставшее лицо. Ковалёв её понял, но твердо продолжил:

— Придётся. Ведь вы единственный свидетель... Ну, не с утра... Отдохнёте... Я вам позвоню.

Когда подъехали к санаторию, Анна посмотрела на дисплей мобильного телефона, который теперь уже так и держала в руке: двадцать три часа семнадцать минут. С тех пор, как она отъехала от дома, прошло около четырёх часов! Ну надо же! Тут расстояние-то от их поселка до города не более пятидесяти километров, а так долго ехали! Она чувствовала такую усталость, что мечтала только об одном: поскорее добраться до своего люкса. Ковалёв, окинув её быстрым взглядом, понял это и предложил:

— Идите, оформляйтесь, а чемоданчик я вам сейчас принесу.

Анна достала из внутреннего кармана куртки документы и шагнула на порог здравницы. Но порогу ей преградил бдительный охранник:

— Вы куда, гражданочка?

— В люкс, — устало произнесла Анна.

Охранник, быстро оглядев её с ног до головы, особо выразительно останавливая взгляд на грязных руках и джинсах, скептически заметил:

— В люкс, между прочим, в белых перчатках засе-
ляются... Видно, вы что-то перепутали...И без вещей...

— Ничего я не перепутала! У меня путёвка
в люкс! А вещи...

Их диалог прервал капитан Ковалёв, явившийся
с чемоданом Анны. Указывая на него, она сказала:

— Вот мои вещи.

Увидев человека в форме, сверхбдительный ох-
ранник с беспокойством спросил:

— А в чём, собственно, дело? Вижу, уже и поли-
ция вмешалась.

— Дело простое, — сказал Ковалев. — Вот доста-
вили отдыхающую.

— А что она натворила?

— Почему же сразу «натворила»? Не знала жен-
щина, где ваш санаторий, помогли ей добраться.
Вы оформляйте скорее, видите, устала гражданка.

Такое внимание со стороны полиции к «замур-
занной гражданочке», как мысленно окрестил
Анну охранник, его, конечно, удивило, но он не стал
больше задавать вопросов и позвал дежурного ад-
министратора. Девушка, приняв документы, на-
звала номер люкса: 309. Анна уже взялась за че-
модан, когда Ковалёв, глянув на обеспокоенного
охранника, сказал:

— Завтра справлюсь, хорошо ли вас здесь устро-
или. Телефончик свой дайте.

Вместо того чтобы продиктовать номер телефо-
на, Анна достала визитную карточку и сказала:

— Здесь всё.

Капитан молча прочитал: «Дрокина Анна Ан-
тоновна, директор сельскохозяйственной фирмы
«Радуга». Ниже — чуть мельче — адрес и телефон.

— Ждите завтра моего звонка, — с явным намёком на допрос сказал капитан Анне и, попрощавшись, вышел.

Ничего не понимающий охранник проводил недоуменным взглядом странную отдыхающую, которая уже стояла вместе с дежурной у лифта. Оказавшись наконец в своём люксе, Анна сбросила грязную одежду и швырнула ногой под ванну. «Завтра! Всё завтра! Почищу! Постираю! А сейчас душ — и спать!». После душа она сразу рухнула в постель, даже не осмотрев помещение. В голове засыпающей Анны билась беспокойная мысль: «Ничего себе отдых! По допросам затаскают! А Тимофеич говорил, не бывает происшествий». Ночью ей временами чудился тихий стон и перед глазами бледным пятном всплывало незнакомое женское лицо. Мешал и шелест дождя, который всё-таки пошёл ночью. Но под утро Анна уснула так крепко, что уже ничего не слышала.

ГЛАВА 2

Разбудил Анну звонок мобильного, который, раздеваясь, она машинально сунула в карман куртки. «Ну вот, — подумала она, пытаюсь найти телефон, — начинается. Сейчас капитан затребует к себе на допрос... И зачем я во всё это ввязалась? А если бы не ввязалась, эта женщина так и лежала бы... под дождем... Может, её всё-таки спасут?». Наконец она вытащила мобильник и швырнула назад под ванну испачканную куртку. Звонил не капитан, а зять. Вадим взволнованно говорил:

— Анна Антоновна, что же вы не сообщаете, как добрались, как устроились. И на звонки не отвечаете! Ирка извелась, пошла валерьянку пить.

— А что, вы уже звонили?

— Два раза.

— Долго добиралась до санатория, устала очень, спала крепко и не слышала... Да всё у меня нормально. У вас как? Всё в порядке?

— Да, куры несутся, гуси и утки плавают, форель тоже. Да ваш управляющий так за всем смотрит, что мы здесь и не нужны.

— Нужны, не нужны... Отдыхайте. Я позже сама позвоню.

Отключив телефон, Анна пошла осматривать свои апартаменты. В спальне стояли красивая кровать, тумбочка с настольной лампой, шифоньер, напротив кровати на стене — плазменный телевизор. В гостиной — диван с двумя креслами, журнальный столик, буфет с красивой посудой и электрочайником, в углу — холодильник. Ванная и туалет отделаны плиткой под мрамор. Целый набор роскошных полотенец. В просторной прихожей большая полка для обуви и шкафчик для верхней одежды. Из гостиной дверь вела на застеклённую лоджию, где стояли красивые плетёные креслица и столик. С лоджии открывался вид на гору Машук, на вершине которой над зелёным массивом, омытым ночным дождём, тянулась к синему небу телевышка. Воздух был чист и прохладен, и Анна с удовольствием посидела несколько минут в кресле, любуясь открывшимся видом: на фоне густого и всё ещё довольно зелёного леса плыл красный вагончик канатной

дороги. «Это сколько же времени? — подумала Анна. — Канатка уже работает». Взглянув на часы, отметила: на завтрак уже опоздала, придётся спуститься и поискать какое-нибудь кафе или продуктовый магазин. А впрочем, можно просто выпить чаю: благо, Ира сунула в последний момент упаковку пакетиков и пачку печенья.

Наполнив чайник, Анна щёлкнула тумблером и стала ждать, когда закипит вода. В дверь негромко постучали.

— Войдите, — сказала Анна, и в номер вошла горничная.

— Можно у вас убраться?

— Лучше позже, когда я к врачу пойду... А не могли бы вы почистить мои вещи — куртку и джинсы? Я заплачу.

— Конечно, — с некоторым смущением отозвалась горничная.

— Я уже скоро пойду, тогда и займётесь этими делами, — добавила Анна; горничная вышла, а она принялась за чай.

Запивая печенье крепким чаем, Анна вспоминала вчерашние сборы и дорогу, которая растянулась на несколько часов. Ожидая дочь и зятя, летевших из Новосибирска в Минеральные Воды, она с довольным видом прохаживалась по своему «имению», как называла доставшийся по наследству от бабушки участок в пятнадцать соток со старым, но ещё крепким домом. Она бывала здесь в детстве с матерью, а после её смерти ещё разок одна приезжала к бабушке, но и не предполагала, что однажды переберётся сюда из Москвы. Решение это созрело мгновенно, после оче-

редного скандала с запойным мужем и вечно недовольной свекровью, в квартире которой им приходилось жить. В тот вечер она тупо смотрела в телевизор, пытаясь успокоиться, а на экране молодые супруги рассказывали, как надоело им жить в сутолочной столице, и они, продав квартиру, купили участок и дом под Рязанью. Завели корову, кур, гусей и за два года так расширили хозяйство, что собираются превратить его в ферму. Здесь чистый воздух, а особенно здорово, что их малолетние дети питаются натуральными продуктами.

О продуктах Анна не думала, а вот покоя очень хотелось. Бабушка умерла около года назад, дом стоял пустой, но наследственные документы Анна оформила и теперь была полноправной хозяйкой дома и земли. . Так чего же ждать? Зачем ей эта чужая квартира в Москве с её вечными скандалами? Зачем нудная работа экономиста в средне-степенной фирме? Анна выставила на продажу маленькую комнатку в коммуналке, принадлежавшую матери, где после её смерти жили Ира с Вадимом, поженившиеся ещё в студенчестве. Недавно, после окончания учёбы, они уехали в Новосибирск, где жили родители Вадима: молодым специалистам предложили престижную работу. Чуть больше двух месяцев ушло на продажу квартиры, на развод с мужем, на увольнение из фирмы и сборы в «имение». В Анне проснулась кипучая энергия энтузиаста, ей хотелось преобразить заброшенный клочок земли так, чтобы душа радовалась. На деньги, полученные за комнатку, с помощью местных умельцев, всегда готовых

«заработать копейку», отремонтировала дом; благо, здесь уже были газ, вода и канализация. Анна добавила к трём комнатам и кухне гостиную с выходом на широкую застеклённую веранду и просторную столовую — это в расчёте на будущих внуков. Чтобы пополнить «капитал» для завершения задуманной перестройки и приобретения новой мебели, Анне пришлось пойти в помощницы к местному деляге Семёнычу, который оптом скупал у населения сельхозпродукты и перепродавал в соседних городах. На заработанные деньги купила рядом две заброшенные хатки с участками и, расширив и укрепив здания, развернула здесь вполне солидное хозяйство, выращивая птицу. Это ей Семёныч посоветовал, он же и денег взаймы дал, чтобы, как он говорил, сумела «солидно развернуться». А когда дело пошло и стало приносить доход, Анна построила от своего хозяйства к муниципальной дороге «автобан». Всего семнадцать метров, но дорога крепкая, чистая, хорошо заасфальтированная, а по обе стороны — зелёные газоны с молодыми деревьями и цветущими кустарниками. На участке вырубилась часть старых деревьев, посадила новые, вычистила небольшой прудик и речушку, проходившую через её землю, — плавающей птице раздолье. На эти работы привлекала всё тех же местных умельцев, но и сама вместе с ними бралась за лопату или за садовые ножницы. Анна была довольна своим делом, но главное, исчезла та скука, которая так мучила её в Москве. Там были безликие отчеты с колонками цифр, а здесь она воочию видела плоды своего труда.

В день отъезда на курорт Анна ждала дочь и зятя, а они сильно задерживались.

— Сколько можно ехать? — кричала она в трубку, стоя на своём «автобане».

— Мамуля, — кричала в ответ Ира, — самолёт задержался почти на три часа, мы с трудом поймали такси, никто не хотел ехать в вашу глухомань!

— Ты скажи, глухомань... — пробурчала Анна. — Да у них в городах такого порядка нет, как в нашей «глухомани».

И вот наконец на «автобан» влетела машина. Остановившись у дома, водитель вышел и стал удивленно озираться. Понятно, не ожидал увидеть в «глухомани» что-то вроде райского уголка. Ирка и Вадим тоже сначала застыли от неожиданности, а потом кинулись обнимать Анну.

— Ну наконец-то, — говорила она. — Мне уже давно ехать надо. Я и так, вас дожидаясь, день пропустила, а затраты не возвращаются. Путёвка дорогая, я себе люкс купила. Хочу отдохнуть так, чтобы никого, кроме меня, в номере не было. Устала от колготы.

— Да ты что, мать, — засмеялась Ирина. — Прямо как настоящая капиталистка.

— Капиталистка, не капиталистка, а после трёх лет непрерывного труда нужно отдохнуть как следует.

— Милый человек, — обратилась Анна к онемевшему водителю, — пойдёмте в дом, чайку с дороги. А потом вы меня в санаторий отвезёте.

— Извините, долго ждать не могу...

— А я недолго, я уже собралась. Вот гостей устрою и поедем.

Все двинулись к дому, по дороге Анна рассказывала:

— У меня особая порода кур, несут двухжелтковые яйца — нарасхват. Индейки — нарасхват, да и гуси с утками хорошо идут. Всё это курортные рестораны закупают. А в прошлом году ещё форель развела. Это меня Семёныч научил. У меня тут на территории небольшие овражки были. Расширила, забетонировала, провела воду от речушки, поставила в этих «корытах» с обеих сторон решётки. Вода от речушки через них проходит и вон в тот прудик, где птица плавает, уходит. Оттуда по забетонированной канавке снова в речушку уходит.

— Ой, ну ты, мать, даёшь, — искренне восхитилась Ирина. — Никогда бы не подумала, что ты сумеешь так развернуться!

— Жизнь заставила... Зато живу как в раю. И, между прочим, настоящим делом занимаюсь.

— Ну ты, мать, даёшь! — опять восхитилась Ирка, не находя других слов.

Наскоро попили чаю. Прощаясь, Анна сказала дочери и зятю:

— Особых указаний не даю. Если что — обращайтесь к моему управляющему, Геннадию Анисимовичу, он прекрасный ветеринарный врач и хороший управленец. Сегодня вас не дождался, уехал, он в соседнем селе живет. Да тут близко, всего три километра, завтра утром приедет, встретитесь.

Наконец Анна села в такси. Выехали в начале восьмого. Но едва оказались на федеральной трассе, как попали в пробку, которой, казалось, не будет конца. Продвигались вместе с другим транс-

портом буквально по два — три метра и надолго останавливались.

— Дальнойбойщики бастуют, — заметил водитель, — всё своими фурами загородили.

— И чего им надо? — спросила Анна.

— Налог им сильно повысили и штрафы, хотят, чтобы сбавили.

— Сейчас всем несладко, — отозвалась Анна. — Вот нам, на малый бизнес, тоже сильно налог повысили, но мы же на дорогу не выходим, выкручиваемся.

— Ну да, у всех трудности, это понимать надо, — заметил водитель. — Эх! Кажется, мы хорошо засели, никак не удаётся вырваться из пробки.

Сдвинулись с места только после двух часов ожидания, но на въезде в Пятигорск их ожидала ещё одна. Водитель явно нервничал, и это передавалось Анне. Снова долгие минуты ожидания и неудачные манёвры таксиста. Наконец, оказавшись вблизи дач, он попытался выехать на грунтовую дорогу. Вдруг раздался громкий хлопок лопнувшей шины. Машина остановилась. Водитель вышел и, проклиная всё на свете, горестно смотрел на лопнувшее колесо — запаски у него не было.

— Что теперь делать? — спросила Анна.

— Сейчас свяжусь с диспетчером.

— Это сколько же ещё ждать надо?!

— Да вас я попытаюсь с кем-нибудь отправить. Сейчас поищу.

Таксист долго суетился, кидаясь от одной легковушки к другой, и наконец нашёл старенькую «шестьёрку», за рулём которой сидел дед с усами — Ти-

мофеич. Он-то и доставил Анну в курортную зону, заверяя, что здесь происшествий не бывает. Тимофеич-то уехал без происшествий, а она вошла в такое, что явно не совмещалось с понятием об отдыхе.

Вспомнив всё это за чашкой чая, Анна вздохнула и полезла в сумку за талончиками, которые ей ночью вручила дежурная. Глянула на талон к врачу — самое время к нему идти. Анна вышла в коридор и сразу наткнулась на девушку, которая принимала и поселяла её ночью.

— Вы не завтракали, — отметила ночная дежурная.

— Проспала, — призналась Анна.

— Неудивительно, у вас вчера был такой измученный вид. А вы пойдите в столовую, вам что-нибудь дадут.

— Я уже чаю попила, мне достаточно. А где кабинет доктора... — Анна взглянула на талончик... — Банникова?

— За коридором направо будет холл, а за ним кабинет Александра Павловича.

В этот момент в коридоре появилась горничная, приходившая утром, и Анна, остановив её, сказала:

— Теперь можете убрать у меня и, пожалуйста, сделайте то, о чём я вас просила.

— Конечно, сделаю, — заверила горничная.

— Зина, а ты в 306-м уже убирала? — обратилась к горничной ночная дежурная.

— А что там убирать? Она же опять не ночевала.

— Почему так думаешь? Может, на процедуры пошла.

— Ключ у портье со вчерашнего вечера висит.

«Опять не ночевала. Разве так можно в санатории?» — удивленно подумала Анна. Ей, не бывавшей раньше на курорте, всегда казалось, что режим здесь близок к больничному. Раздумывая, она завернула в холл, и тут зазвонил мобильник. Раздался приятный баритон:

— Здравствуйте, Анна Антоновна! Вас приветствует капитан Ковалёв. Отдохнули? Готовы со мной встретиться?

— Можно после обеда? — спросила Анна. — А то я никак до врача не дойду.

— Вот как у вас всё получается, — шутливо заметил капитан, — то вы до санатория никак не дойдёте, теперь до врача.

— Да у меня с этим отдыхом с самого начала всё не заладилось. А можно задать вопрос?

— Разрешаю, — отозвался приятный баритон.

— О том, что случилось ночью...

— В ваших интересах и в интересах следствия ничего никому не говорить, — перебил её капитан. — Вы же у нас ценный свидетель и пока единственный. Вас надо беречь.

— А что, есть опасность?

— Всякое может быть. Бояться не надо, а остерегаться следует.

— Поняла. Приду в три часа. Вас устроит?

— Вполне. Запоминайте адрес.

Анна остановилась перед дверью с табличкой: «Врач — терапевт Банников Александр Павлович». Опять не повезло: врач — мужчина, перед ним придётся раздеваться, неловко. Ей почему-то казалось, что в санатории все врачи — женщины. После развода с мужем она не обнажалась ни перед

одним мужчиной, а тут придётся: захочет, наверное, послушать сердце, лёгкие... Ну ладно, небось, какой-нибудь пенсионер вроде вчерашнего деда с усами. Ну, может, без усов...

Анна постучала в дверь и услышала: «Войдите!». Она вошла и... застыла: за столом действительно сидел мужчина без усов, но на вид ему было не больше тридцати, ну тридцати двух — трёх. К тому же, из тех красавцев, которые, сами того не желая, кружат женщинам головы. От неожиданности Анна не могла произнести ни слова.

— Что же вы стоите на пороге? Проходите, садитесь, — пригласил врач.

Анна медленно прошла и села напротив доктора.

— Ваша курортная карта... — начал доктор.

— А это точно моя? — быстро спросила Анна в надежде, что, может, удастся перейти к другому врачу, к женщине.

— Конечно, ваша. Но в ней почти нет сведений о состоянии вашего здоровья. Похоже, что анализы не делали.

— Так я здорова! — быстро сказала Анна.

— Это мы выясним, — пообещал доктор, — но вид у вас не вполне здоровый.

— Я долго добиралась, заселялась ночью, — оправдывалась Анна.

— Так это вас полиция доставила среди ночи?

Анна в недоумении уставилась на доктора: вот и попробуй тут скрыть что-нибудь... Может, все уже знают о ночном происшествии? Справившись с замешательством, она обиженно сказала:

— Не доставила, а подвезла.

— Извините, неудачно выразился... Так что будем лечить, Анна Антоновна?

— Ничего! — выпалила Анна.

Доктор поднял голову от карты, и она увидела большие зеленоватые глаза, опущенные длинными (на зависть всем девицам!) черными ресницами. «В этих глазах утонуть можно, как в омуте», — мелькнула у Анны мысль.

— Совсем ничего? — осторожно поинтересовался доктор.

— Совсем ничего, — подтвердила Анна.

— А вот здесь ... функциональное расстройство нервной системы, — зачитал доктор единственные данные, которые вписал в карту врач районной поликлиники.

— Это от усталости, — перебила его Анна. — Столько было забот, что спала не больше пяти часов в сутки.

— Да, возможно, — не очень охотно согласился доктор, — но всё же... Давайте давление померим... Так, немного выше нормы. Совсем немного, но выше...

— От усталости! — твёрдо заявила Анна.

— Странная вы пациентка, — вдруг засмеялся доктор. — Другие придумывают себе болезни, вы спрашивает побольше ванн, процедур, а вы от всего отказываетесь.

Смех у него был очень приятный. Анне казалось, будто он растекался по её телу какими-то теплыми шариками.

— Ну вот что, — решил доктор, — давайте я вам всё-таки выпишу направления на анализы. У нас вы можете пройти полное обследование. И должны! Я на этом настаиваю.

— Обследование? Это можно, — согласилась Анна, подумав, действительно, за что же она заплатила сумасшедшие деньги.

Доктор выписал направления на анализы и, вернувшись к параметрам давления, констатировал:

— 141 на 82, для вашего возраста высокогато.

— Это от усталости...

Врач снова засмеялся:

— Это я уже слышал. Ну хорошо, отдохайте пока. Завтра сдадите анализы, сделаете электрокардиограмму, а послезавтра... Так, что у нас послезавтра? Четверг. Вот и придёте ко мне послезавтра утром.

— Слушаюсь, Александр Павлович, — весело сказала Анна, очень довольная, что ей не пришлось раздеваться перед мужчиной, да ещё таким молодым.

В столовую к обеду она пришла в том же наряде, в котором ходила к доктору: черная юбка с розовой блузкой подчёркивали стройность её фигуры и делали лет на пять (и даже больше) моложе прожитых сорока трёх лет. В красивом зале, который мог бы соперничать с любым фешенебельным рестораном, нашла свой стол № 8. Там уже сидела молодая пара, как потом выяснилось, супруги из Воркуты, смешливые и шумные.

— Ой, здравствуйте! — выпалила девушка. — Вы новенькая? А мы здесь уже целую неделю!

— Шесть дней, — уточнил её муж.

— Ой, это всё равно уже неделя!

— Неделя — это семь дней, — не сдавался юный супруг.

— Ой, Толька, тебе лишь бы спорить!

— А тебе лишь бы путать.

— Да ну тебя! — отмахнулась девушка. — Вас как зовут? Меня Лена. И Толя. То есть, это он Толя, — она указала на мужа.

— А я Анна Антоновна, — заулыбалась Анна, подчиняясь их весёлому настроению.

— Ой, вот хорошо, что вы ещё не ста... ещё молодая! — продолжала щебетать Лена. — А то у нас за столом старичок один остался, профессор, вечно угрюмый.

— Да он больной, — перебил её Толя.

— Тут все больные!

— Ну да, и мы с тобой, — усмехнулся Толя.

— Мы исключение, — сыпала словами Лена. — Мы потому что с севера — на юг. Нам путевки дали как молодожёнам.

— А что, такое ещё бывает? — искренне удивилась Анна.

— На нашем предприятии бывает. Нам дали, а мы согласились. Это у нас такой медовый месяц. Здорово, что мы сюда приехали! У нас давно уже снег лежит, а здесь такая теплынь.

— Ну уж и теплынь, — не согласился Толя. — Утром вышел на балкон, даже продрог.

— Ой, ну тебе лишь бы спорить!

Перепапку юных супругов прекратило появление профессора. Седой, чуть сторбленный, медлительный, он действительно выглядел мрачным. Но, увидев нового человека за столом, к тому же женщину, представился:

— Виктор Прохорович... из Красноярска.

Затем сел, придвинул ближе тарелку с салатом и принялся есть.

— Анна Антоновна, — представилась и Анна, и профессор удовлетворённо кивнул.

— А вы на какой срок? — обратилась Лена к Анне.

— На три недели. Хотела на две, но мне сказали, что одна неделя уйдёт на адаптацию, а на обследование и лечение нужны ещё две.

— Раньше пребывание в санатории было рассчитано на четыре недели, — вмешался в разговор профессор. — Если действительно нужны результаты, то четыре недели.

Он умолк, вытащил из кармана платок и стал промакивать вспотевший лоб — видно, такая длинная речь утомила его.

— Я с вами согласна! Полностью! — поддержала его Лена.

Неожиданно разговор прекратился, потому что в зал величественной походкой в сопровождении двух женщин в белых халатах вошёл представительный брюнет, одетый тоже в фирменный халат. С выражением особой значимости на красивом лице он поплыл мимо столиков.

— Шеф! — шепнула Лена Анне. — Директор столовой. Он два раза в неделю обходит столы, выслушивает замечания и предложения. Только никто не жалуется, наоборот, все хвалят.

С видом снисходительного благодетеля шеф подплыл и к восьмому столику, а Лена за всех ответила на его вопрошающий взгляд:

— Всё очень вкусно, спасибо! Обслуживание замечательное!

Шеф благосклонно улыбнулся и двинулся дальше.

Обед уже подходил к концу, когда на экране телевизора, висевшего на стене, вместо привычных картинок природы появился силуэт девушки в форме. Пресс-секретарь следственного комитета зачитала обращение к телезрителям: «Вчера поздно вечером в лесополосе курортной зоны города была обнаружена женщина с множеством ножевых ранений. Она находится в глубокой коме. При ней не оказалось никаких вещей и документов. Возраст примерно от тридцати до сорока лет. Всех, кто располагает какой-нибудь информацией, просим сообщить её в полицию города».

— Ой, а вдруг это наша Мила? — воскликнула Лена. — Нас сегодня обслуживает другая официантка.

— Тебе же сказали, что Мила срочно выехала, у неё мать заболела, — успокаивающе сказал Толя.

— Она ушла отсюда вечером, когда ещё ужин не закончился, но больше мы о ней ничего не знаем, — резонно возразила Лена.

— Так не одна она ушла. И из других санаториев тоже кто-нибудь ушёл. Да вон и Лидия Васильевна после ужина ушла, а сегодня её уже полдня нет.

Молодёжь посмотрела на соседний столик, где пустовало одно место, и Анна тоже глянула туда.

— Да её почти никогда нет! — с вызовом бросила Лена. — То не завтракает, то не обедает, то не ужинает! Но вчера, правда, ужинала. Ей позвонили, похоже, что женщина, потому что Лидия Васильевна спросила, привезла ли она документы, с которыми срочно, рано утром нужно попасть...

Лена умолкла, как будто что-то вспоминая.

— Куда попасть? — спросила Анна.

— Вот тут я не поняла, потому что Мила, которая принесла нам салаты, как-то неловко стукнула о стол подносом, и я не разобрала, что Лидия Васильевна сказала. А вот потом она продолжила: «Да, да, останусь у вас, оттуда мне ближе, а встать надо рано». Наверное, её спросили, когда она приедет, потому что она сказала: «Закончу ужинать, соберусь и приеду. Только зайду в магазин за своими любимыми конфетами, и торты там великолепные. Устроим сладкую жизнь». Здесь и правда около лесополосы есть магазинчик, где всякие вкусности продают.

— Она так громко говорила, что вы всё это слышали? — поинтересовалась Анна.

— Так рядом же стол! И Лидия Васильевна всегда очень громко говорит.

— Она сразу и ушла?

— Кто, Лидия Васильевна? Нет, не сразу. Сначала ушла Мила, она очень торопилась.

— Ещё бы не торопиться, — вмешался Толя. — Мать заболела, её срочно вызвали, и нас стала обслуживать Нина.

— Мила, наверное, сразу ушла, как её вызвали, — продолжала рассказывать Лена. — Мы не видели, как она уходила. А потом, когда мы уже на балконе стояли, на дороге появилась Лидия Васильевна, с сумочкой.

— С пакетом, — перебил Толя.

— Да ты опять всё путаешь!

— Оба, — неожиданно вмешался профессор.

Молодежь с недоумением посмотрела на него.

— Оба эти предмета были у неё в руках, — сказал профессор. — Я тоже стоял на балконе и видел.

— Да что ты так волнуешься, — сказал Толя. — Может, там, в лесополосе, и не Мила, и не Лидия Васильевна, а кто-то из другого санатория. Сказали же, что у пострадавшей ничего с собой не было.

— А это неизвестно! — выпалила Лена. — Может, ограбили женщину!

Из перепалки молодых супругов Анна сделала вывод: вчера вечером из их санатория одна за другой вышли две женщины, и каждая из них могла стать жертвой преступления. Которая из двух?

ГЛАВА 3

Если раньше Анне совсем не хотелось идти к следователю, то теперь ей было даже интересно, примет ли он к сведению ту информацию, которую она так неожиданно получила за обеденным столом. До их встречи оставалось ещё больше часа, и Анна вышла на лоджию. От ночного дождя уже и следа не осталось: солнце просушило землю, на которой всё ещё играла яркими красками роскошная клумба. «Права Лена, здесь, на юге, и в начале октября так тепло, что на газонах продолжают цвести разные, пусть простые, но такие красивые цветы, — подумала Анна. — Надо посмотреть, может быть, есть семена, разведу у себя такие». Услышав стук в дверь, крикнула: «Открыто!». Вошла горничная.

— Вот ваша куртка. Рукава пришлось застирать, там были какие-то бурые пятна, еле отмыла со специальными средствами. Джинсы постирала, их можно повесить вот здесь, на сушку, они быстро высохнут. И куртку. Здесь же только концы рукавов мокрые, они тоже быстро высохнут.

«Бурые пятна! Это же кровь! Догадалась девушка или не догадалась?». Тревожные мысли мгновенно пронеслись в голове Анны, но она, стараясь ничем не выдать своего беспокойства, сказала:

— Большое спасибо... Я так торопилась выехать из дома... Можно сказать, прямо с грядки... Вот вам за работу. Достаточно?

— Да, здесь даже много...

— Ничего, ничего, возьмите.

Девушка повернулась к выходу. Анна вдруг вспомнила: «Серёжка! Где она?». Сунула руку в карман, в другой... Серёжки не было.

— Постойте! — остановила Анна девушку у самой двери. — Тут в кармане была серёжка...

— Серёжка? — удивилась девушка.

— Да, в левом кармане... Или в правом...

— Я не видела никакой серёжки, — ответила девушка, и в её голосе прозвучали нотки обиды. — Я чужого не беру. И зачем мне одна серёжка?

— Да, в самом деле... — растерянно сказала Анна. — Но, может, она выпала, когда вы чистили куртку?

— Н-не знаю... Но я посмотрю там, где чистила.

— Да, пожалуйста, посмотрите. Если найдёте — отдадите, когда я вернусь из города.

Девушка вышла, а Анна с беспокойством заходила по комнате. Она думала о том, как трудно удержать что-либо в тайне. Надо было самой постирать джинсы, почистить куртку, тогда бы ни у кого не было никаких вопросов. А теперь неизвестно чего ждать от горничной, если вдруг окажется, что пострадавшая связана с этим санаторием. Горничная вполне могла догадаться, что это

за бурые пятна на рукаве. И о серёжке, наверное, напрасно спросила. Всё это может вызвать подозрение... «В общем, прокололась ты, Анна, уже второй раз, — подумала она. — То доктор оказывается в курсе, что тебя полиция доставила, то горничная бурые пятна на куртке замыывает».

Оставив куртку и джинсы сушиться, Анна надела легкий плащ, который вполне соответствовал погоде. На шею повязала розовый шарф. Выйдя из номера, тут же столкнулась с горничной, которая сказала:

— Я везде очень хорошо посмотрела, серёжки нигде нет.

— Да бог с ней! — отмахнулась Анна. — Забудьте!

— Я ничего чужого...

— Верю, верю! — перебила её Анна. — Я вас и не виню. Ну выпала где-нибудь.

Анна торопливо говорила, направляясь к парадной лестнице, а сама думала: «И это ей может показаться странным, почему я так беспокоюсь об одной серёжке. Я хотела отдать её капитану, а теперь нечего отдавать. Наверное, и говорить ему даже не надо. А почему это я решила, что то была серёжка, которая выпала из уха пострадавшей? Это могла быть и запонка, выпавшая из рукава преступника. Ценная улика! Нет, на ощупь все-таки серёжка. Но что теперь о ней думать... Пропала, а где искать — неизвестно».

Торопливо спускаясь по лестнице в вестибюль, Анна увидела, что в дальнем его углу доктор Банников разговаривает... с охранником, дежурившим ночью. «Так вот откуда он узнал, что меня в санаторий, как он выразился, «доставила полиция»! —

догадалась Анна. — Он же прямо слова охранника повторил! Эх, куда уж тут скроешься!».

Анна обошла здание санатория с одной стороны, чтобы подойти к клумбе. Семена кое-где сохранились, и она стала собирать их в заранее приготовленные бумажные кулёчки, для чего ей пришлось одной ногой стать прямо на клумбу. Заканчивая, вдруг почувствовала за спиной чьё-то присутствие и тут же услышала этот удивительный мягкий голос:

— Можно было поступить проще: попросить семена у нашего садовника.

Она обернулась, улыбающийся доктор Банников протягивал ей руку:

— Давайте помогу вам выйти.

От смущения Анна невольно оперлась на его руку и, сойдя с клумбы, пролепетала, как девочка, застигнутая за неприглядным занятием:

— Думаю, что я нанесла небольшой урон вашему цветнику.

— Думаю, и вовсе никакого, — успокоил её доктор. — Просто могли бы испачкаться. А зачем, если семена можно взять у садовника. Вы хотите у себя завести такой же цветник?

— Ну не такой же, поменьше... Но мне нравится вот это сочетание совсем простых цветов. На нашей земле они хорошо примутся.

— Вы занимаетесь цветоводством?

— Нет! Я занимаюсь преобразованием земли!

— Громко звучит... И любопытно... Расскажите, где и как?

— Расскажу, — пообещала Анна, — только не сейчас. Я в город собралась.

— Жаль, я сегодня без машины, а то бы вас подбросил.

— Да я привыкла к общественному транспорту. Сейчас поищу остановку...

— Я вам расскажу, — сказал доктор, когда, покинув клумбу, они выходили на дорогу. — Вот здесь, чуть ниже санатория, остановка автобуса, приходящего из города. А вам нужно пройти через бульвар и шоссе на ту сторону, потом спуститься ниже. Там остановка в город.

— Пожалуй, я спущусь здесь, — сказала Анна, ей почему-то очень захотелось теперь, при свете дня, посмотреть на то место, где произошла трагедия.

— Анна Антоновна! — раздалось с балкона четвёртого этажа, и Лена помахала ей рукой.

В то же время из санатория вышла хмурая Зина и молча прошла мимо Анны и Банникова, делая вид, будто не замечает их; она пошла по верхнему переходу к остановке. Анна, улыбнувшись, помахала в ответ Лене, а сама подумала: «Ну вот, и с доктором меня засекли». Но потом, спускаясь к лесополосе, размышляла, будто оправдываясь: ничего особенного, доктор, как мог бы любой другой человек, объяснил, где лучше пройти к остановке автобуса.

Там, где начинался этот узкий лесок, шириной не более четырёх метров, чуть левее, на небольшой площадке стоял маленький магазинчик со сладостями. Может, в тот вечер женщина, найденная потом в лесополосе, заходила сюда за сладостями, как и обещала кому-то? Но при пострадавшей не оказалось ни сладостей, ни пустого пакета. Тогда, значит, это была Мила? Тоже вряд ли, ведь она

торопилась к заболевшей матери. Но, как ни торопилась, могла она купить что-нибудь вкусное для больной? Могла. И где же это всё? Трудно предположить, что грабитель взял только пакет со сладостями и не снял с шеи золотую цепочку и два золотых кольца с рук убитой. Да почему же «убитой»? Ведь сказали, что женщина в коме. Может, её ещё спасут? Да были ли эти кольца и золотая цепочка, не померещились ли ей они? Анна старалась припомнить, что именно увидела в тот момент, когда женщину вынесли к свету фонаря. Да, точно! Она видела на шее женщины золотую цепочку, которая выбилась из-под шарфа, а на пальцах — по золотому кольцу с камнями. Она не видела только серёжек, просто не обратила внимания, а что сунула в карман своей куртки, толком не знает. Что бы там ни было, а это тоже вещественное доказательство, или как там у них в полиции говорят. Надо было отдать Ковалёву, да где теперь взять. А может, и не серёжка... «Всё! Довольно думать об этом!» — приказала себе Анна.

Приблизительно место ночного происшествия Анна могла установить только по ближайшему фонарю, при свете которого и шагнула вчера в неизвестное. «Да, это вот здесь», — подумала она и чуть не поддалась искушению снова шагнуть за дерево, пройти два — три шага и... Она отпрянула от жуткого места и оглянулась. В нескольких шагах от неё две женщины свернули с тротуара и направились к магазинчику. Интересно, неужели в тот вечер на дороге больше никого не было? Как потерпевшая оказалась в лесополосе? Впрочем, узенькие тротуарчики прямо прилипли с обеих сторон

к деревьям, и если там спрятался преступник, то он вполне мог схватить ничего не подозревавшую прохожую и затащить в лесок.

Мимо Анны вверх по дороге с шумом проехал небольшой автобус, заполненный людьми, и остановился выше, там, где была обозначена остановка. Вчера вечером он мог вот так же шумно проехать, и никто не услышал бы криков потерпевшей.

Вскоре Анна уже стояла на остановке, дожидаясь автобуса, который только что прошёл вверх. Он должен был сделать полукруг и вернуться.

К Ковалёву Анна пришла в начале четвёртого. Он встал ей навстречу и, указывая на молодого лейтенанта, сидевшего за соседним столом, сказал:

— Сейчас всё запротоколируем.

Анна узнала в лейтенанте того, кто вчера сидел за рулем полицейской машины и делал снимки, она молча кивнула ему.

— У меня новость, — сказала Анна капитану, — может, она вас заинтересует.

— Какая же?

Анна рассказала всё, о чем услышала от соседей по столу.

— Замечательная информация, — обрадовался Ковалёв, — есть с чего начинать. Будем отрабатывать обе версии. С официанткой проще, её знают все, с кем она вместе работает, опознать легко. Другая может оказаться отдыхающей ещё из какого-нибудь санатория, а то и просто случайной приезжей. Трудно пока понять, почему совершено это преступление. В любом таком деле нужен мотив, но тут...

— Может, ограбление... — начала Анна и остановилась, поняв, что эта мысль абсурдна, ибо драгоценности так и остались на потерпевшей.

Но капитан неожиданно согласился:

— Может быть.

— А как же два кольца с камнями, золотая цепочка...

— С кулоном! — продолжил капитан. — Да, эти драгоценности остались на убитой. Да — а — а, странный какой-то грабитель.

— На убитой? — удивилась Анна. — А по телевизору сказали, что она в коме. Может, ещё спасут?

— К сожалению, спасти женщину не удалось, — отозвался капитан. — А по телевизору специально так сказали. Пусть преступник думает, что пострадавшая ещё может очнуться и опознать его. Он сейчас занервничает...

— Может, это мы с дедом его спугнули, когда подъехали? Я же видела, как кто-то в кожаной куртке заворачивал за лесок.

— Он уже заворачивал за лесок, а вы только подъехали. Спугнуть преступника могли лишь тогда, когда он находился на месте преступления. Тут концы с концами не сходятся... А там кто его знает... Вы когда подъехали?

— Ну, где-то в одиннадцать ночи или около.

— Во — о — от, — протянул капитан, — а преступ...

— Можно войти? — перебил его человек в каком-то странном халате, входя в кабинет.

— Да, Сергей Ильич, входите. Это наш эксперт, — обратился он к Анне. — Какие выводы?

— Теперь с абсолютной точностью, — начал излагать сведения эксперт, — ну, почти... Жертва по-

теряла много крови, от чего и скончалась, но, судя по порезам, кровь не хлестала струёй, она могла вытекать в течение нескольких часов. Если считать, что нашли пострадавшую примерно в двадцать три часа или около того, преступление было совершено около двадцати часов или даже чуть раньше.

— Разве может такой человек что-то говорить? — удивилась Анна. — А она говорила. Еле выдохнула, но все-таки сказала.

— Может, — стал разъяснять эксперт. — Сначала наступил болевой шок, но он её не убил, жертва просто надолго потеряла сознание. Но перед смертью наступил момент некоторого просветления, и она застонала. А мы, между прочим, не знаем, сколько времени женщина пробыла в таком состоянии, может, она давно стонала, но услышали её только вы.

— Её можно было спасти? — спросила Анна.

— Если бы вы подоспели хотя бы минут на сорок — тридцать раньше.

— Как жаль... Это всё пробки... Дорожные пробки нас сильно задержали.

— Да, пробки — это сущее наказание, — согласился эксперт. — И ещё одно обстоятельство сыграло существенную роль: порезы нанесены узким тонким лезвием, которое по случайности не задело большие магистральные сосуды, вот почему кровь вытекала не так быстро.

— Перочинным ножом? — уточнил капитан.

— Похоже на перочинный нож, но обычно у него бывает более короткое и более толстое лезвие, а тут что-то не совсем понятное.

— Надо понять, — сказал капитан. — Проверить все магазины, где продаются подобные ножи, узнать, кто покупал в последнее время. Ну, этим другие люди займутся, а вы, Сергей Ильич, можете сейчас подробнее восстановить картину преступления?

— Судя по характеру порезов, на жертву кто-то напал сзади и пытался нанести удары в шею, возможно, целился в сонную артерию. Но мешали поднятый воротник куртки и длинный шарф, свёрнутый в несколько слоёв. Тогда преступник, не отпуская жертву, стал беспорядочно наносить удары в ничем не защищённый живот, куртка короткая, до пояса, а ниже только джинсы. Потом жертва упала навзничь, а может, её и подтолкнули. Женщина надолго потеряла сознание. Преступник посчитал, что она мертва, и скрылся...

— Не сняв с неё ни одной ценной вещи, — закончил капитан. — Может, не ограбление? Может, мотив был совсем другой?

— Однако, по-моему, не бывает так, чтобы женщина вышла на улицу без сумочки или без пакета, — заметил эксперт. — Возможно, именно в сумочке была большая сумма российских денег или иностранной валюты, и преступник об этом знал. Тогда зачем ему рисковать из-за нескольких золотых побрякушек, которые при таких обстоятельствах не так-то легко снять?

— Ваши рассуждения вполне логичны, — согласился Ковалёв. — Что с отпечатками?

— Есть пальчики на поясе куртки, но не совсем чёткие, размазанные.

— Так это, может быть, пальчики Анны Антоновны? — предположил Ковалёв. — Она же пыталась поднять пострадавшую.

— Давайте проверим, — предложил эксперт. — Кстати, вы сами будете продолжать расследование или передадите кому-то? Я намерен сделать более тщательный анализ, так кому результаты отдавать?

— Мне, конечно. Так получилось, что именно мы с Володей остались за дежурных и были в моём кабинете в момент вызова, другие ещё не вернулись из краевого центра с совещания... Так что нам и тянуть дальше ниточку. Не думаю, чтобы это дело сейчас передали кому-то другому, кто с ним вовсе не знаком...

— Пожалуй, вы правы... Так что с отпечатками?

— Придётся вам пройти эту процедуру, — обратился Ковалёв к Анне. — Зайдёте сейчас к эксперту. А пока подпишитесь вот здесь, пожалуйста. И вот вам пропуск на выход. Естественно, чтобы вам не испортили отпуск, всё сохраняем в тайне. Однако, извините, но в случае необходимости буду вас беспокоить.

— Что делать... Звоните, товарищ капитан.

— Лучше называйте меня по имени и отчеству: Андрей Николаевич.

— Хорошо, Андрей Николаевич.

— Внесите номер моего мобильного телефона в ваш, — и он стал диктовать. — Записали? Как только появится новая информация, сами мне звоните.

— Слушаюсь, това... Андрей Николаевич.

Анна вышла на улицу, прошла до трамвайной линии и остановилась: дорогу ей преградила

длинная процессия разукрашенных машин, видно, ехали из загса. Анна терпеливо дождалась, когда закончится эта процессия. Вдруг одна из машин остановилась прямо перед ней, оттуда выскочили два молодца и разом затолкали её в машину. Она от растерянности даже пикнуть не успела.

ГЛАВА 4

Оказавшись в машине между двумя мужчинами, Анна поняла, что сама выйти отсюда не сможет. Но что это, похищение? Значит, кому-то уже известно, что она стала свидетелем убийства? И что могут сделать с ней, с единственным свидетелем?

В первые секунды Анну сковал страх. Но потом она быстро повернула голову направо и увидела широкую улыбку на лице человека явно кавказского происхождения, которому могло быть от пятидесяти до шестидесяти лет.

— Эдик, — вымолвило лицо с признаками легкого опьянения.

Анна быстро повернула голову налево: здесь сидел совсем молодой парнишка студенческого возраста, он тоже улыбался. Это был один из тех, кто затолкал её в машину, другой, такой же юный, уже сидел за рулём.

— В чём дело, мальчики? — как можно мягче спросила Анна, чтобы не обострять обстановку. — Зачем вы меня схва...

— Нэт, нэт, нэ схватили! — возразило, перебивая её, лицо кавказской наружности. — Прыгласили! Ви гость! Гостия!

— Чья гостья? — удивилась Анна. — Я никого из вас не знаю!

— А Георгий Петрович знаешь?

— Георгий Петрович... — стала вспоминать Анна. — А-а-а, Слипченко? Директор ресторана?

— Директор... Нэт! Хозяин! — со значением сказал Эдик и для убедительности поднял вверх указательный палец. — К нему эдим.

— А сам он где?

На этот вопрос отвечал уже парень, сидевший слева:

— Он едет впереди, сразу за молодожёнами. Он вас увидел, позвонил мне на мобильник и приказал, несмотря ни на какое ваше сопротивление, быстро усадить вас в машину и крепко держать.

— Ну, насчет «крепко держать» ты загнул, — сказал парень, сидевший за рулём.

— Не отпускать, — поправился первый.

— И куда мы едем? — поинтересовалась Анна, уже совсем оправившаяся от страха.

— На свадьбу! Дядя дочку замуж выдаёт.

— Так вы племянники Георгия Петровича?

— Оба! — весело сказал один.

— Кирилл и Мефодий! — не менее весело добавил тот, что сидел за рулём.

— Мы близнецы, поэтому нас так называли, — пояснил первый.

— И кто же из вас кто? — поинтересовалась Анна.

Каждый ткнул себя кулаком в грудь и назвал имя, а весёлый Мефодий, сидевший рядом с Анной, добавил:

— Всё равно будете путать. Нас все путают, даже в университете.

— Так вы студенты?

— Уже на втором курсе, — сказал Кирилл.

— А как же это я, — вдруг растерянно сказала Анна, — на свадьбу и без подарка...

— Ничего, — успокоил Мефодий, — вы почётная гостья.

Анна мысленно похвалила себя за то, что взяла с собой пару тысяч, хоть их отдаст в качестве подарка: молодым деньги всегда нужны.

Ехали долго. Свадебный кортеж наконец остановился где-то на краю города среди довольно представительных особняков. Здесь же, сияя призывными огнями, находился и ресторан Георгия Петровича. Она знала его и ещё двух владельцев ресторанов, которые закупали у неё птицу и рыбу, но никогда не бывала у них, так как находили они её по объявлению в интернете, а потом сами к ней приезжали, чтобы подписать договор, и за продукцией тоже. Едва Анна вышла из машины, как Георгий Петрович поспешил к ней с приветствиями:

— Как я рад, Анна Антоновна, что вы оказались в такой добрый для меня час в Пятигорске! Сначала глазам своим не поверил, уже проехал. А потом звоню и говорю ребятам: «Пригласите вон ту красивую шатенку в светлом плаще с розовым шарфом, она как раз рядом с вами стоит».

— Они прекрасно справились с заданием, — сказала Анна, с усмешкой поглядывая на парней, а сама подумала: «Что бы на этот счёт сказал капитан Ковалёв?».

Было совершенно очевидно, что уйти со свадьбы скоро ей не удастся. К тому же Анна не представляла, где находится и как отсюда выбраться.

Не похоже, чтобы здесь ходил какой-нибудь общественный транспорт. И она обратилась к Георгию Петровичу:

— Я рада побывать на празднике вашей семьи, но мне необходимо вернуться в санаторий до отбоя, до одиннадцати ночи.

— Да кто сейчас придаёт этому значение? — попытался прекратить этот разговор Георгий Петрович.

— Нет, нет, у нас строго, — настаивала Анна.

— Не волнуйтесь, доставим вас в лучшем виде, — успокоил её хозяин дома.

— Я сам лично доставлю, — вмешался Эдик.

Уже за столом Георгий Петрович объявил гостям, что сегодня будет угощать их блюдами, приготовленными из великолепных, экологически чистых продуктов, которые закупает у фирмы «Радуга», а хозяйка фирмы — его почётная гостья. Эдик тут же высказал желание опекать её за праздничным столом и с самым серьезным видом сел рядом.

— Эдуард... — обратилась к нему Анна, надеясь услышать отчество.

— Просто Эдик, — отверг он её попытку. — Мы же свои люди... Деловые. Я такой жэнщин уважаю.

Сейчас только Анна посмотрела на него внимательнее и отметила, что он похож на известного киноартиста Фрунзека Мкртчяна, только выше ростом и крупнее. И так же, как тот, не справляется порой с русскими падежами и некоторыми гласными. «Что ж, Эдик так Эдик», — решила для себя Анна, хотя, по её мнению, к человеку в таком возрасте, да ещё деловому, приличнее было бы обратиться по имени и отчеству.

Эдик опекал её плотно, буквально не отпуская ни на шаг. Усадил на одном из почётных мест, поближе к молодожёнам, старательно подливал шампанское, придвигал какие-то блюда. Анна только делала вид, что пьёт и ест — ведь ей завтра утром сдавать анализы! Что скажет доктор Банников, если в её крови найдут энный процент алкоголя?! Поскольку Эдик не только заботился об Анне, но и себя не забывал, то и дело наполняя стопку коньяком, то ухищрений Анны он не замечал. Глядя, как во рту Эдика исчезает очередная порция коньяка, Анна испугалась: «Как же он меня повезёт? Надо вызвать такси. Вот только по какому номеру?». Выйти из-за стола ей не удавалось, Эдик пресекал её попытки покинуть чужой праздник одним словом:

— Успээшь.

Видимо, он решил, что они уже совсем «свои люди», почти родственники, и перешёл на «ты». Часа через три шумного застолья Анна так устала, что ей уже было безразлично, чем это всё для неё закончится. Она готова была даже рухнуть под стол и заснуть там блаженным сном, лишь бы над её ухом не сопел излишне заботливый Эдик. А он, придвигаясь всё ближе, говорил:

— Это что...(презрительный взмах рукой). Ты ещё мой дом нэ видэла. Дворэц знаэш? Так ещё лучше. В гости приэдэш?

— Приеду, приеду, — пообещала Анна, чтобы отвлечься от назойливого внимания Эдика.

Она повернулась к молодожёнам, которые в этот момент целовались под дружные крики гостей: «Горько!». Не без сожаления подумала, что у неё

тоже было нечто подобное, только совсем скромное. Она была студенткой и полюбила студента, который готовился стать инженером. Сначала всё так хорошо складывалось, родилась дочь... А потом выяснилось, что её муж совершенно не готов к тому, чтобы вместе преодолевать трудности быта, всё легло на плечи Анны, он же забывался в запойных компаниях.

Глядя на молодожёнов, Анна думала, сколько им удастся прожить вместе с наивной верой, что это безмятежное время будет длиться вечно? Два, три года, десять лет или несколько месяцев? Её Ирка пока ещё относительно счастлива, если под счастьем понимать душевный покой. Ей с Вадимом повезло — после свадьбы они сразу начали жить в «своём углу». Анна после смерти матери сама хотела перебраться в её комнатку, но уступила молодожёнам. Когда они уехали, она засобиралась в освободившееся жильё, но вдруг пришло это решение уехать в своё «имение», где она с головой окунулась в незнакомую работу. С дочерью не виделась после её отъезда из столицы, но они часто перезванивались. По заверениям Ирки и по голосу зятя чувствовала: они не врут, уверяя, что у них «всё хорошо и даже лучше». У некоторых пар «любовная лодка» начинает биться об углы быта довольно рано. Её приходится «конопатить» взаимными обязательствами перед детьми, а чаще терпением одного из супругов. Так было у неё с Виктором — она терпела слишком долго, пока окончательно поняла, что уже давно живёт не с тем человеком, за которого выходила замуж. Им не удалось дотянуть до серебряной свадьбы

пяти месяцев, и она не только не жалеет об этом, но счастлива, что обрела свободу.

Вступив в наследство и прикупив часть хутора, Анна вдруг обнаружила в себе жажду преобразователя, которая наполняла её жизнь особым смыслом. Самой ей было совсем не много надо. За три года она не приобрела ни одной золотой вещицы, приличной шубы... Деньги тратила в основном на то, чтобы заброшенный клочок земли превратить в красивое обитаемое место и основать своё дело, пусть и небольшое. Нужен ли ей кто-то рядом, до сих пор не думала. На чужой свадьбе впервые за всё время одиночества задумалась над тем, сколько ещё энергия преобразователя будет удерживать её от чисто женской тоски, неизбежной в её ситуации?

Анна обвела взглядом гостей, которые были уже достаточно пьяны, чтобы не скрывать свою сущность, и не нашла среди них такого, которого хотела бы видеть около себя. А рядом сидел всё тот же Эдик, сопевший ей в ухо:

— Панимаэшь, там у миня такоэ чудо, ни у кого больше нэту. Поэдэм ко мнэ.

— В другой раз, — пообещала Анна, — а сейчас мне надо в санаторий. Там строгий режим, а уже скоро одиннадцать. Вызовите, пожалуйста, такси.

— Нэт! — решительно заявил Эдик. — Сам повэзу!

Неожиданно к ним подошли близнецы и Георгий Петрович. Анна попросила вызвать такси. Хозяин был уже тоже «хорош», поэтому разумную просьбу гостя игнорировал и сказал, обращаясь к близнецам:

— Доставьте Анну Антоновну в санаторий!

— На моей машине! — вмешался Эдик.

— На твоей, — согласился Георгий Петрович, — но за рулём будет Кирилл. Они с Мефодием пили только сок.

— Правда? — обратилась Анна к близнецам.

— Правда, — ответил не то Кирилл, не то Мефодий, — мы спиртного в рот не берём.

— Это хорошо, — похвалила Анна, счастливая уже оттого, что появилась надежда покинуть неожиданный пир.

— Где моя куртка? — раздался недоумевающий голос Эдика.

— Да возьми вот эту, — подал ему хозяин чью-то куртку, — ты же ещё вернёшься, тогда и найдёшь свою.

Наконец все четверо уселись в разукрашенную шарами и гирляндами машину. За рулём — Кирилл (у него были водительские права), около него Мефодий, а Эдик уже пристраивался рядом с Анной. Ей казалось совершенно невозможным вынести ещё одну пытку тесного общения с ним, и она резонно заявила:

— Вам лучше сидеть рядом с водителем, ведь у него нет доверенности на вождение вашей машины. Могут быть проблемы, если остановят.

— Кто минэ может остановить? — с превосходством важной персоны в голосе произнёс Эдик.

— Правда, давайте лучше поменяемся местами, — сказал Мефодий, выволакивая пьяного Эдика, пытавшегося сесть рядом с Анной — парень, видно, понял, как ей неприятно это соседство.

Эдик ещё пошумел, но всё же сел рядом с водителем. Он прямо-таки лёг на спинку сиденья, обернувшись к Анне и дыша ей в лицо густыми парами спиртного. Она отшатнулась, желая, чтобы эта пытка скорей кончилась, и попросила Кирилла:

— А можно скорость прибавить?

Кирилл посмотрел внимательно в лобовое стекло, потом налево, направо и сказал:

— Здесь, кажется, можно, стражей порядка не видно.

— Какиэ стражи? Я здэсь сижу! — самодовольно заявил Эдик. — Нэ остановят!

Они ехали долго по тёмным улицам, пока не выехали на широкое шоссе, освещённое большими красивыми фонарями. Кирилл чуть сбавил скорость, но все-таки ехал довольно быстро. Местность была не знакома Анне, как видно, до курортной зоны ещё не близко, однако появилась уверенность, что удастся доехать до санатория без приключений. И именно в этот момент из-за дерева вышел человек в форме с полосатой палочкой в руке. Он взмахнул ею, как фокусник, приказывая остановиться. Кирилл затормозил.

— Лейтенант Рябов, — представился человек в форме.

— Мы со свадьбы, — стараясь предупредить возможные вопросы и оправдать превышение скорости, сказал Кирилл.

— Догадался. Не с похорон же такие разнаряженные. А знаете, что полагается, если пьяный за рулём?

— Я не пьяный, — возразил Кирилл.

— Да от вас за три версты несёт! — не согласился лейтенант.

— Это не от меня, это вот... — он указал на сидящего рядом Эдика, придремнувшего минут за десять до остановки.

Эдик очнулся, увидел человека в форме и решил продемонстрировать особую значимость своей персоны:

— Какой право имээшь остановить?

— Законное, — ответил лейтенант, но связываться с неадекватным гражданином не захотел, а просто попросил: — Предъявите документы.

Эдик полез в бардачок.

— Я не вам говорю, — строго сказал лейтенант.

— А это моя машина!

— Тогда почему посторонний за рулём?

— Он нэ посторонний, он друг, — вымолвил Эдик, подавая документы, которые ему всё же удалось вытащить из бардачка.

— Минуточку, — вдруг обеспокоенно сказал лейтенант, просматривая документы. — Говорите, что машина ваша, а документы на Эльзу Артуровну Мовсесову.

— Это моя жена.

— Вы, что ли? — обратился лейтенант к Анне.

— Нет, нет! — испуганно замотала головой Анна.

— Так я не понял, — грозно произнес лейтенант. — Машина в угоне, что ли?

— Моя машина, — настаивал Эдик, — жены моёй.

— Ваш паспорт, — потребовал от него лейтенант.

Эдик полез в карман курточки и вытащил какие-то корочки. Лейтенант посмотрел на лицо Эдика, на фото в удостоверении, прочитал фамилию и сказал:

— Что-то вы здесь на себя не похожи, Константин Иванович Постников.

— Кто Постников? — обиженно удивился Эдик.

— Вы, если это ваше удостоверение, — сказал лейтенант. — Только фото не сходится. Или вы ещё и куртку с чужими документами прихватили?

— Кто вор? Я вор?! Такой куртка я ноги витирал! — презрительно заявил Эдик.

— Будем разбираться в отделении полиции!

Голос лейтенанта с каждой секундой становился грознее. Анна, Кирилл и Мефодий все вместе пытались объяснить ситуацию, но лейтенант, обиженный вызывающим поведением Эдика, не мог и не хотел разбираться в этом сумбуре. Ему было ясно одно: машина в угоне, а четверо пьяных преступников пытаются уйти от ответственности. Он приказал отдать ключи, а сам стал куда-то звонить:

— Тут иномарка в угоне!

Анна, растерявшаяся в первые минуты, нашла в мобильнике спасительный номер капитана Ковалёва. Он ответил на звонок, и она постаралась как можно понятнее рассказать о случившемся. Когда Анна закончила, капитан сокрушённо сказал:

— Ну, Анна Антоновна, у вас просто талант какой-то — оказываться в неподходящее время в неподходящем месте.

Капитан попросил передать трубку лейтенанту, что Анна с готовностью и сделала. Когда всё разъяснилось, лейтенант козырнул и пожелал счастливого пути. До санатория компания добралась без происшествий, потому что капитан Ковалёв позвонил на пост в курортной зоне и по-

просил не задерживать светлое «Ауди» с шарами и гирляндами. У входа в санаторий рядом с другим охранником стоял и тот, который видел, как прошлой ночью Анну доставила полицейская машина, но он был не в форме, а в простом костюме. На этот раз она вышла из свадебного авто. Охранник усмехнулся и отвернулся. Анна смущённо заспешила к мраморным ступенькам, а вышедший следом Эдик пытался обнять и поцеловать её на прощание. Анна уворачивалась, но ему всё-таки удалось чмокнуть её в щёку. Пытаясь не смотреть на охранников, опустив голову, Анна, показывая входную карточку, быстро преодолела пять широких ступеней и чуть не столкнулась со стоявшим на площадке вестибюля человеком. Анна подняла голову: перед ней стоял доктор Банников, как и подобает врачу, в белом халате.

ГЛАВА 5

Огни в вестибюле были приглушены, потому что время отбоя, когда отдыхающие обязаны были разойтись по своим палатам, уже прошло. Но и при небольшом освещении Анна ясно видела лицо доктора, стоявшего у неё на пути. Она смутилась, думая, что сейчас увидит явное неодобрение нарушения санаторного режима. Но лицо доктора не выражало ни укоризны, ни недовольства, ни даже удивления. Банников спокойно смотрел на неё, словно изучая. От этого смущение Анны ещё более возросло, она почувствовала себя нашкодившей девочкой: всего за сutki

пребывания — два нарушения курортного режима! Сама от себя не ожидая этого, она залепетала в оправдание:

— Банкет... Случайно... Свадьба у знакомых... Попала случайно... Но я ничего не пила и даже почти не ела!

Последнее она произнесла потому, что врач ожидал от неё чистых результатов анализов, не отягощённых последствиями праздничного пира. Стараясь прошмыгнуть мимо доктора, который молча стоял перед ней и, по-видимому, не собирался уступить дорогу, Анна едва не потеряла равновесие. Банников мягко поддержал её под локоть и вместе с ней направился к лифту. На ходу обернулся и спросил охранника, дежурившего прошлой ночью:

— Викентий Трофимович, вы подниметесь?

— Нет, чуть позже, — ответил тот, и доктор с Анной вошли в лифт.

В лифте, молча глядя друг на друга, они стояли в такой близости, что Анна вдруг ощутила, как её накрывает горячая волна, которая с такой силой сдавливает сердце, что, кажется, можно задохнуться. Всего несколько мгновений, пока лифт поднялся до третьего этажа, но Анне они показались долгими минутами, напомнив волнительные ощущения, пережитые в юности. Не желая, чтобы Банников заметил её состояние, Анна резко повернулась к выходу и выскочила в раскрытые двери лифта.

— Спокойной ночи, — донеслось ей вслед.

— И вам тоже... — ответила Анна, не оборачиваясь.

«Да что это я? — мысленно ругала себя Анна. — Растерялась, как девчонка». Три года мужчины были вычеркнуты из её жизни, те мужчины, которые охотно проводят свободное время с женщиной без каких бы то ни было обязательств. Все эти годы она имела дело только с работниками. Ей даже показалось, что чувственные начала уснули в ней навсегда. И вдруг такая вспышка, такое волнение, какое испытывала лишь в период первой любви. Нехорошо, если Банников догадается, что она пережила в те несколько мгновений, когда была наедине с ним в лифте. Вдруг подумает, что она желает завязать с ним примитивный курортный романчик. Для неё он только лечащий врач, она для него — пациентка. Да и как можно поддаваться искушению, если совсем не знаешь человека? Может, он женат, даже наверняка женат. И супруга у него, наверное, тоже красавица, и уж, конечно, молодая. «Всё, Анна, хватит думать о нём, — убеждала она себя, — иначе можешь попасть в очень неловкое положение».

Она долго мучилась в ожидании сна, считала до пятидесяти, до семидесяти, сбивалась, считала снова, вспоминала любимые строчки стихов Ахматовой, Блока, Лермонтова, но всё уже забылось, и Анна путала одни строчки с другими, потому что голову распирала такая сумятица, от которой, казалось, она вот-вот лопнет. Намайавшись, Анна все-таки уснула, а перед сном вдруг явилась чёткая мысль: «Хватит авантюр, мне дадут наконец отдохнуть?».

Утром, глянув на себя в зеркало, Анна даже поморщилась — безжалостное стекло отразило

бледную, унылую физиономию. С таким лицом ей очень не хотелось попасться на глаза доктору Баникову. Ну, вот, опять... И чего он всё время лезет в голову? Чего встречается на каждом шагу? И что он делал в санатории ночью? Словно отвечая на её вопрос, из коридора донесся чей-то разговор, и уже знакомый голос девушки — дежурного администратора кому-то разъяснил: «У Александра Павловича сегодня неприёмный день, у него было ночное дежурство, он только что уехал домой». Ну, слава богу! Можно спокойно идти сдавать анализы.

Довольная, что она выполнила задачу, поставленную врачом, из лаборатории и кабинета кардиологии Анна поднялась в столовую к завтраку.

— Вы приболели? — встретила её вопросом участливая Лена. — Не ужинали... Бледненькая какая-то...

— Не выспалась, — коротко ответила Анна.

— Ой, я тоже плохо спала! — заявила Лена. — Всё время Мила снилась... Неужели это её там...

— Да сказано же было, — остановил жену Толя, — уехала твоя Мила к больной матери.

— Она такая же и твоя, как моя! — огрызнулась Лена. — Но-о-о, может быть, другая? Смотрите, её нет уже второй день!

— Через три дня можно обращаться в полицию, — вдруг вмешался профессор, допивая утренний чай, — таков порядок.

Он опять сказал слишком много слов и устал вздохнул. Взглянув на него, Анна подумала, как безжалостно время убивает силы в человеке. У себя в Красноярске он, наверное, старается дер-

жаться молодцом, цепляясь за работу, которая теперь является его единственным настоящим удовольствием, а здесь, оказавшись во власти болезней и процедур, уже не скрывает слабости. Интересно, а сколько ей самой удастся продержаться, цепляясь только за работу? Преобразователь земли! Не слишком ли непосильную ношу она на себя взвалила? Ей всего сорок три, разве в таком возрасте отказываются от радостей жизни?

Почти все отдыхающие уже разошлись из столовой, а за восьмым столиком всё ещё обсуждали пропажу двух женщин. В это время в зал вошёл капитан Ковалёв, но на этот раз он был в штатской одежде. Капитан, не заметив Анны, подошёл к официантке, убиравшей посуду со столиков у входа, и спросил, как пройти к директору столовой.

— А он сейчас у главного, — ответила та. — Хотя нет... Уже вернулся! Вон идёт!

Капитан подошел к шефу, показывая удостоверение, и о чём-то спросил, на что тот довольно громко ответил:

— У нас всё в порядке, официантка Павлицева уехала к больной матери, она мне сегодня уже отсюда звонила и просила ещё два — три дня без содержания.

И с привычным видом своей особой значимости шеф направился в раздаточную.

— Вот видишь, жива твоя Мила, — сказал Толя, обращаясь к Лене.

— А у нас, — вдруг подскочила Лена, направляясь к капитану, — ещё одной женщины нет, уже второй день! Лидия Васильевна из 306-го номера... Фамилию не знаю. А вы следователь?

По всему было видно, что Лена обожала детективы и не прочь была бы поучаствовать в такой занимательной игре, как расследование происшествия.

— А вы можете что-нибудь рассказать о ней? — поинтересовался капитан, всё ещё не замечая Анны или делая вид, что не замечает.

— Да! Я видела, как она уходила позавчера вечером с сумочкой... и пакетом, — добавила Лена, оглянувшись на Толю.

Толя подошёл к ним. Профессор уже шаркал мягкими туфлями, пробираясь к выходу. Тогда подошла Анна со словами:

— Добрый день.

— День добрый, — отозвался капитан, улыбаясь.

— Не будете же вы, Лена, излагать свои секретные данные в столовой или в коридоре, — сказала Анна, — идёмте ко мне в номер, тем более, что номер предполагаемой пострадавшей напротив моего.

Лена с воодушевлением поддержала это предложение, капитан тоже с ним согласился, и все четверо направились к Анне, которая решила, что нашла приемлемый способ пообщаться с капитаном в стенах санатория.

— А нас не засекут? — вдруг с деланным страхом спросила любительница детективов.

— Кто? — удивилась Анна.

— Начальство! Здесь же есть начальство — директор или главный врач.

— Не волнуйтесь, у начальства я уже был и действую с его разрешения, — заверил капитан.

Когда подходили к номеру Анны, увидели молодую женщину, пытавшуюся достучаться в 306-й.

Прозорливая Лена тут же засекала этот факт и спросила:

— Вы к Лидии Васильевне?

— Да-а-а... Не знаете, она на процедурах или ушла?

— Ушла, — сказала Лена, стараясь придать голосу как можно больше мрачности, — ещё позавчера вечером.

Это сообщение женщину явно ошарашило.

— Позавчера? Вечером?

— Зайдите сюда, — пригласил её капитан в номер Анны, — поговорим.

Когда все сели, капитан, представившись гостью, достал из кармана фотографию и протянул женщине:

— Вы её знаете?

Она с минуту вглядывалась в фотографию и наконец произнесла протяжно:

— Лида? Фотография какая-то странная...

— Женщина в коме... — заметил капитан, всё ещё не желая сказать правду.

— Да-а-а... Вроде бы Лида... А-а-а где это она фотогра...

— Так это она или вы сомневаетесь?

— Она, кажется, — неуверенно протянула гостья.

— Ой, а дайте нам посмотреть! — попросила уставшая от долгого молчания и охваченная поисковым азартом Лена. — Мы же за соседним столом сидим!

Капитан протянул ей снимок.

— Ой, она! — выпалила Лена. — Кажется...

— Похожа, — подтвердил Толя.

— Кажется... Похожа... — сказал Ковалев. — Мне надо знать точно.

Он снова повернулся к госте:

— Вы обратили внимание на сообщение по телевизору, сделанное вчера днём?

— Нет. Я телевизор и вечером-то не часто смотрю.

— Значит, ничего не знаете?

— А-а что-о-о? — вроде бы начала о чем-то догадываться женщина. — Фотография какая-то странная... Где она фото... — и вдруг умолкла — страшная догадка осенила её. — С Лидой что-то случилось?

— Случилось... Тут неподалеку, в лесополосе, нашли женщину с ножевыми ранениями, без сознания, — сказал капитан. — Возможно, это ваша знакомая, если вы подтвердите, что это точно она.

— Позавчера я её ждала весь вечер! И вчера весь день. Лида может пообещать и не приехать, но чтобы на звонки не отвечать...

— Так вы узнаете её?

— Вроде бы она.

— Мне надо знать точно. Вам придётся проехать со мной на опознание.

— На опознание?! — со страхом произнесла гостья.

— Извините, наверное, я вас напугал, — сказал Ковалёв. — Но всё-таки необходимо, чтобы вы посмотрели не на фотографию, а на потерпевшую. И вы, и я должны убедиться, что это именно Лидия Васильевна, а не какая-то другая женщина. Кстати, как её фамилия?

— Трегубова, — прошептала женщина.

— Но, может, это и не она... — попытался успокоить её капитан, — вы не сразу признали.

— Она... вроде бы...

— Как вас зовут?

— Софья... Красовская Софья Игнатьевна. Мы с Лидой из одного города, из Тюмени. И работаем вместе... У меня здесь тётя живет... Отдыхать я, в основном, сюда езжу, у тётки и останавливаюсь. Лида тоже один раз сюда со мной приезжала, но чаще всего то за рубеж едет, то в санаторий...

— В этот или в разные?

— В разные, и в разных городах. В этот раз она собиралась в Израиль, там сейчас тепло... Но неожиданно вдруг позвонила и сказала, что срочно едет в Пятигорск. Я тоже собиралась... к тётке, но мне отпуск чуть позже, чем Лиде, дали, а когда она уезжала, я была ещё в командировке в соседней области. Мы договорились здесь встретиться.

— Она дома купила сюда путёвку?

— Кажется, по интернету...

— А не объяснила, почему так неожиданно поменяла решение?

— Не знаю... Сказала что-то вскользь, вроде здесь какое-то дело появилось...

— Дело?

— Ну, что-то вроде этого. Она мельком сказала, я даже не поняла. Знаю только, что она всё замуж хотела выйти. У неё три года назад муж умер, работал в управлении нефтедобычи, оставил ей приличное состояние. Детей нет, близких родственников тоже, вот она и разъезжала по миру. Лида такой человек — не может долго жить одна, всё искала кого-нибудь, чтобы был рядом.

— Что ж, это вполне понятно, — заметил капитан.

— Да, конечно, — согласилась Софья. — Только непонятно, зачем ей вдруг понадобились брачное свидетельство, ну, с прежним мужем, и свидетельство о его смерти.

— Вот как? — удивился Ковалёв.

— Да, — продолжала Софья. — Через три дня после того, как Лида сюда прилетела, она позвонила мне и попросила привезти с собой эти документы, сказала, где их найти. У меня есть ключи от её квартиры. Мало ли что может произойти в её отсутствие, так чтобы можно было войти, она давно мне вторые ключи отдала.

— И вы привезли документы? — поинтересовался капитан.

— Привезла. Позавчера вечером я прилетела, позвонила ей, она как раз ужинала и сказала, что сразу после ужина придет к нам, потому что с этими документами ей рано утром надо идти...

— Куда?

— Не сказала, пообещала рассказать всё подробно при встрече. Я спросила, останется ли она у нас ночевать, Лида ответила, что останется, потому что от нас ей ближе...

— Куда ближе?

— Не знаю, сказала, что всё при встрече расскажет. Она собиралась взять такси, а потом сказала, что сначала зайдёт в магазинчик за сладостями, чтобы мы отметили встречу. Я сказала, что можно обойтись без сладостей, но она заверила, что я таких вкусных ещё не ела. Мы с тётей ждали её с восьми часов до десяти, потом я стала ей

звонить. Телефон не отвечал. Звонила и до двенадцати и после двенадцати — телефон молчал. Я забеспокоилась, но потом подумала: может, с телефоном что-то случилось, а у Лиды планы поменялись. У неё такой характер, что она за пять — десять минут может несколько раз поменять планы. Я и не удивилась, когда она не приехала и перестала отвечать на звонки. Но ведь ей нужны документы, которые я привезла! Вчера хотела их сюда ей привезти, но ещё с ночи слегла с высокой температурой, видно, в дороге простудилась, и не смогла приехать. Ждала, что она сама приедет. Но Лида так и не приехала, и телефон молчит. Я забеспокоилась. Сегодня мне легче стало, вот я и...

— Не знаете ли, возможно, перед отъездом она взяла с собой большую сумму денег?

— Вряд ли. Она везде расплачивается картой. Если и снимает наличные, то совсем немного, на мелочи.

— Но она неожиданно выехала ради какого-то дела, — продолжал допытываться капитан. — Неужели не нужны были деньги?

— Не знаю... Она даже за хлеб картой расплачивалась...

— Какого банка?

— Сбербанка.

— Ну что ж, — заключил капитан, — придётся проверить, кто и когда последний раз воспользовался её картой, она сама или... Ну, а теперь вам всё-таки придётся проехать со мной... Дело... Что за дело?

Для Анны было очевидно, что Ковалёв зацепился за это сообщение как за возможный мотив

убийства. Но что за дело могло быть в чужом городе у молодой и состоятельной женщины, которая, судя по всему, любила погулять?

ГЛАВА 6

Лена еле дождалась, когда капитан и Софья выйдут. Она вскочила и горячо заговорила:

— Правда, какая странная фотография! В больнице, что ли, её делали? В коме... Человек лежит без сознания, а его фотографируют!

— Что же тут удивительного, — сказала Анна, — ведётся следствие, надо установить личность пострадавшей...

— Да она это, Лидия Васильевна!

— Несколько минут назад ты не говорила с такой уверенностью, — заметила Анна. — А как вы с ней познакомились?

— Лидия Васильевна — очень общительная женщина. Она сама сразу со всеми знакомится, громко разговаривает. А мы, как приехали, в первый же вечер на танцы пошли, здесь в клубе бывают, там с ней и разговорились. За ней ещё этот ухаживал... Ну, как его?

— Эрнест! — подсказал Толя.

— Да! Эрнест Власович! Он за одиннадцатым столиком сидит. Они четыре вечера были практически неразлучны. А потом...

— Что потом?

— Да бросила она этого Эрнеста и уехала на такси с грузином, — сказал Толя.

— Он армянин! — поправила его Лена. — Опять ты всё путаешь!

— Какая разница... грузин... армянин... — недовольно протянул Толя.

— Ну, ладно, в самом деле, это неважно! — заявила Лена. — Главное, она и на ужин не явилась, и на завтрак, вернулась только к обеду. А потом оказалось, что она и не ночевала, это горничная Зина сказала.

— Ну- у- у... Взрослая женщина... — словно в оправдание Лидии Васильевны протянула Анна.

— Да нам-то что! — сказала Лена. — Только этот Эрнест устроил ей скандал! Я сама видела, как они в дальнем холле ругались.

— Похоже, здесь любовные истории развиваются с космической скоростью, — заметила Анна.

— Воздух такой, — бросил реплику Толя.

— Но всё-таки... Всего четыре дня отношений — и уже претензии... — сказала Анна.

— Почему четыре дня? — перебила её Лена. — Это при нас четыре дня, но они-то раньше нас сюда приехали. Кажется, дня на три.

— А! Значит, намечались более серьёзные отношения, — догадалась Анна.

— Ну да! А тут этот армянин! Да ещё драгоценности!

— Какие драгоценности?

— Побрякушки всякие, — брезгливо заметил Толя.

— Не побрякушки, — не согласилась Лена, — а настоящее золото. Лидия Васильевна в тот день сразу после обеда целую выставку устроила, собрала в фойе женщин и стала показывать свои драгоценности: кольца, колье, цепочки...

— Серёжки... — подсказала Анна.

— Да, кажется...

— А зачем?

— Да просто показывала, что у неё есть. Она кое-что здесь прикупила, вот и рассказывала... Некоторые женщины интересовались, где это можно купить. А про одно колечко сказала, что его ей подарили. И тут этот... Эрнест хмыкнул... так презрительно...

— Эрнест? — удивилась Анна.

— Да! Он же за Лидией Васильевной — как ниточка за иголкой. И сюда явился!

— Это после скандала в холле?

— Да, почти сразу же. Презрительно посмотрел на неё и сказал что-то вроде того, что кое-кого всегда можно поймать на золотой крючок.

— И это все слышали?

— Не думаю... Он около меня стоял, сказал негромко, а женщины так увлеклись драгоценностями, что и не обратили на него внимания.

— Тебе что-нибудь понравилось?

— Нет. Я этого не люблю. У меня есть обручальное кольцо, мне достаточно. Я просто смотрела. Мне всё интересно, что вокруг происходит.

— Любопытной Варваре... — начал было Толя.

Лена махнула на него рукой, и он замолчал.

— Как вы думаете, — вдруг спросила любительница детективов, — про это нужно рассказать следователю?

— Думаю, что для него каждая мелочь важна, — сказала Анна. — А кстати, армянин этот тоже здесь отдыхает?

— Нет! Он за Лидией Васильевной сюда откуда-то на такси приехал, и она сказала, что уезжает на экскурсию на какой-то... островок...

— На островок? — удивилась Анна. — Мы же не на море и даже не на реке... Странно... Но с экскурсии она вернулась. Ведь так?

— Да. Они же с Эрнестом уже после этого ругались.

— А потом?

— А потом Лидия Васильевна только днём куда-то исчезала, но возвращалась, даже ужинала, пока...

— Пока совсем не исчезла?

— Да.

— А с Эрнестом не помирилась?

— Он больше к ней не подходил и делал вид, что вообще её не знает.

— Так, возможно, Лидия Васильевна продолжала отношения с армянином?

— Не знаю... Но он за ней больше не приезжал. Вернее, я не видела, чтобы приезжал.

— Мы так долго проговорили, — заметила Анна. — Скоро обед, а ещё на процедуры надо сходить.

— Точно! — сказала Лена, глянув на часы в мобильнике. — Встретимся за столиком.

Обед прошёл спокойно и даже, как показалось Анне, довольно быстро. После утренних событий она чувствовала себя немного утомлённой и хотела отдохнуть, но на выходе из зала столовой её остановил высокий блондин. Продолжая идти рядом, он галантно поклонился и спросил:

— Простите, вы из Москвы приехали?

— Нет, — коротко ответила Анна, понимая, что он просто хочет завязать курортное знакомство.

— Но мне кажется, что я не раз видел вас на нашей улице.

— Возможно. Я долго жила в Москве, но уже три года живу совсем в другом месте.

— Ну вот! — обрадовался блондин. — Жили в Москве! Значит, я действительно мог вас там видеть. Извините, забыл представиться: Эрнест Власович. — Заметив недоуменный взгляд Анны, с некоторым смущением добавил: — Родители мои, видите ли, поклонники всего старинного и необычного, поэтому дали такое...

— Вам это имя подходит, — поспешила успокоить его Анна, мысленно отметив, что длинные волнистые волосы, пожалуй, придают этому мужчине романтический вид, как и большие серые глаза с выражением мечтательности.

«Таким кавалером вполне могла увлечься любая женщина, в том числе и Лидия Васильевна. Но что же произошло потом?» — подумала Анна. В этот момент мимо них торопливо прошли молодые супруги. Лена, обернувшись, скорчила какую-то гримасу — она, как видно, не одобряла этого знакомства.

— Вы надолго? — поинтересовался Эрнест Власович.

— На три недели.

— А мне осталась ещё неделя. Так что успеем с вами потанцевать. Здесь превосходный пол в танцевальном зале.

Анна не знала, радоваться такой перспективе или нет, но из вежливости кивнула в знак согласия, желая поскорее отделаться от неожиданного кавалера.

— Я провожу вас до вашей комнаты, — галантно предложил Эрнест.

— Не стоит беспокоиться, — быстро возразила Анна и, резко отвернувшись, поспешила стала подниматься по лестнице на свой этаж.

«Быстро же он утешился», — подумала Анна, имея в виду скандальный разрыв с Лидией Васильевной. И уже в номере вдруг пришла мысль: «А мог он отомстить бывшей возлюбленной за измену?». Она представила его лицо, похожее на лик архангела, изысканную манеру разговора, мягкий, словно задумчивый, взгляд... И засмеялась. Он, вероятно, никогда не брал в руки ножа, с этим инструментом, скорее всего, на кухне управляется его жена. Нет, не похож он на Отелло или горячего горца. Преступника надо искать в другом месте. Однако это её мнение развеял капитан Ковалёв. Анна не успела ещё переодеться в халат для дневного отдыха, как позвонил Андрей Николаевич.

— Анна Антоновна, — обратился он к ней, — Софья Игнатьевна опознала свою подругу, но я попросил её пока никому не говорить об этом и не показываться в санатории, пусть преступник думает, что потерпевшая находится в больнице, может прийти в себя и что-то рассказать. А вас попрошу сообщать мне по телефону всё, что вам станет известно. А лучше заходите. Уж простите, но приходится пока прибегать к вашей помощи.

— Кстати, об одном человеке я могу уже кое-что вам сообщить, — сказала Анна и рассказала всё, что узнала об Эрнесте, высказав при этом и своё мнение о том, что преступники такими не бывают.

— О, вы совсем не знаете это племя, — не согласился с ней Ковалёв. — Это такие артисты, что им прямо сразу звание народных надо присваивать. Так что не отказывайтесь от внимания этого кавалера... Ну, в известных пределах, конечно, если он вам не интересен.

Только Анна закончила разговор с Ковалёвым, как в дверь постучали. Анна, взяв халат, снова с досадой отложила его и, думая, что это может быть горничная, сказала:

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и сначала появился огромный букет роз, а потом на пороге вырос... Эдик!

— Вы?! — удивлённо воскликнула Анна, не ожидавшая увидеть такого гостя.

— Проститэ, Анна Антоновна, — начал говорить Эдик, протягивая ей букет. — Тогда, на свадьба, было нехорошо. Я нэмого випил... Извиниться пришёл.

— Да это лишнее, — пытаюсь скрыть досаду, сказала Анна.

— Нэт, нэ лышнээ, — настаивал на своем Эдик. — Хочу искупить свой поведэнья. Пригласыть вас...

— О, нет, нет, — быстро отреагировала на неожиданное приглашение Анна, — я собралась отдохнуть...

— Отдохнуть... Конэчно. В «Островке» отдохнуть... очень хорошо.

— Где, где? — вдруг заинтересованно спросила Анна. — На островке?

— Зачем «на»? — поправил её Эдик, решивший, видимо, пощеголять знанием русской грамматики. — В рэсторане «Островок».

— Ресторан на острове? — удивилась Анна. — А где же этот остров?

— Нэт остров! — возразил Эдик. — Палавина! Как это? Полуостров. На озэре, тут нэдалэко.

— Недалеко? — с надеждой спросила Анна.

Она была почти уверена, что именно там побывала Лидия Васильевна, и возил её, наверное, этот самый армянин. Но какая между ними связь и имеет ли это отношение к последующей трагедии? А что, если «экскурсия» в «Островок» приоткрывает тайну преступления? Во всяком случае, появилась возможность узнать хоть что-нибудь о том, что там делала Лидия Васильевна, а потом рассказать капитану. Чем она рискует? Пожалуй, ничем. Ведь Лидия Васильевна вернулась оттуда живая и невредимая, значит, и она вернётся. По-своему оценив её нерешительность, Эдик продолжал уговаривать:

— Это мэсто нэ для всэх. Но такой жэнщин, как ви... Поэдэм! Час, два... Сколько захочэшь... Потом отвэзу.

Анна уже знала, как вызвать такси, и не сомневалась, что и сама сможет оттуда уехать, когда захочет, поэтому решительно сказала:

— Едем!

Анне, конечно, хотелось уехать незаметно для окружающих, но в вестибюле они наткнулись на... Эрнеста. Увидев Анну с армянином, он вдруг сморщился, как-то странно хмыкнул и проводил их долгим взглядом до такси, которое, видимо, дожидалось Эдика.

ГЛАВА 7

Дорогой Анне не терпелось хоть что-нибудь выведать у Эдика относительно визита в «Островок» Лидии Васильевны, но она не знала, как задать вопрос, чтобы не вызвать подозрения. Все варианты

казались ей глупыми или пошлыми, но она всё-таки решилась, рассчитывая на не слишком высокий интеллект своего попутчика, спросить:

— И часто вы возите своих гостей в это место, которое «не для всех»?

— Рэдко, — на удивление коротко ответил Эдик.

Несмотря на его заверения, что это недалеко, ехали довольно долго. Наконец впереди показалось довольно большое озеро, в водную гладь которого в самом широком его месте врезалась часть суши в виде полуострова. По водному краю земли тянулась густая полоса деревьев, служившая естественной защитой от посторонних взоров. В узеньких промежутках между деревьями виднелась кирпичная кладка высокой стены. «Место не для всех» хорошо охранялось от любопытных. Такси подъехало к нему с обратной стороны. Отсюда к ограде вела неширокая полоска земли, на которой едва могли разъехаться два автомобиля. Полоска упиралась в высокие кованые ворота с целым набором тайных и видимых запоров и с камерами видеонаблюдения.

— Прощу, — сказал Эдик, выйдя из машины и подавая Анне руку, и она отметила, что на этот раз он вел себя вполне сдержанно.

Эдик нажал на какие-то кнопки, калитка открылась, и Анна в его сопровождении вошла в небольшой и уютный дворик, посреди которого стояло красивое трехэтажное здание с террасами на первом и втором этажах и с балконами на третьем. Вокруг зеленели ухоженные газончики с какими-то удивительными кустарниками. Анна остановилась, пораженная великолепным

зрелищем, но Эдик пригласил её ко входу, сказав:

— Там ещё лучше.

Действительно, внутри помещения всё сияло и блестело, удивляло тем изяществом, которое не дает бросаться в глаза роскоши, но как бы негласно именно о ней и свидетельствует. Эдик провел Анну почти по всем помещениям первого и второго этажей и пригласил в небольшой зал с приглушенным освещением, в котором стояло десять столов: в первом ряду — четыре, во втором — три, в третьем — два и в конце — один. У каждого находилось по два — три стула, причём только с одной стороны, потому что все десять столиков, установленные как бы в шахматном порядке, были обращены к стеклянной стене, за которой просматривался великолепный «зимний» сад, произрастающий внутри самого здания. Снаружи он тоже был обнесен стеклянной стеной, за которой была видна гладь озера. Анна поняла, что они находятся на втором этаже, и этот роскошный сад с цветущими розами и орхидеями — тоже. Мысленно она отдала дань талантам неизвестных дизайнера и садовника.

— Вижу, вам нравится, — сказал Эдик.

— Очень! — не скрывая восхищения, отозвалась Анна.

— Пойду закажу ужин, — сказал Эдик.

— Это лишнее, — запротестовала Анна, — может быть, просто чай...

— Нэт! — решительно заявил Эдик. — Просто чай — в санаторий, а здесь — ужин!

Он вышел, оставив Анну любоваться «зимним» садом. Она недолго находилась в одиночестве. Ми-

нут через пять по красивой витой лестнице в зал стала спускаться женщина лет сорока пяти — пятидесяти, ухоженная и ещё очень красивая для своего возраста. Спускалась она медленно, потому что держала в одной руке рюмку, наполненную янтарной жидкостью, по виду — коньяком, а в другой — полупустую бутылку. Только когда женщина села за соседний столик и стала без всякого смущения разглядывать гостью, Анна поняла, что соседка уже набралась алкоголя. Внешне и по манере держаться она никак не походила на жрицу любви, но и к числу обычных гостей её трудно было причислить.

Анна, выдержав пристальный взгляд соседки, снова повернула голову к саду.

— Красиво, да? — спросила соседка.

— Очень, — нехотя ответила Анна, не желая завязывать совсем не нужное ей знакомство.

— Вы с Эдвардом или с Артуром?

— С Эди... Эдвардом, — замешкавшись, ответила Анна, только сейчас узнав полное имя своего спутника.

— У них у обоих хороший вкус, они приводят красивых женщин.

Анну обожгла неприятная мысль, и она быстро сказала:

— У нас деловые отношения.

— Не сомневаюсь, — со странной улыбкой заметила женщина и выпила почти всё содержимое рюмки. — В «Острове» легче всего решить любое дело. А вам здесь нравится?

— Д-д-а, красивое место...

— «Нэ для всэх», — очень удачно передразнила женщина Эдика и, опорожнив рюмку, снова наполнила её.

— А для кого? — быстро спросила Анна.

— Ну-у-у... для особого контингента... Все устают... Все хотят отдохнуть... И если человек всё время на виду... — женщина выразительно подняла палец вверх, — надо же ему где-то ... отдохнуть... без посторонних глаз.

— Пожалуй, — согласилась Анна, надеясь услышать от женщины что-нибудь, связанное с посещением Лидии.

— Эдвард... простак, — рассуждала пьяная женщина, попивая коньяк и всё больше пьянея. — Ар... Артур — шельма... сто пятьдесят тысяч... Даже смешно! Кто же согла... Он шельма... Телевизор хотите?

Не дожидаясь согласия Анны, она взяла пульт и включила телевизор, который только теперь Анна увидела на стене. Там закончилась какая-то реклама, и на экране появилась представительница следственного комитета. Она показала фотографию Лидии, на этот раз совсем не ту, что показывал капитан, а сделанную ещё при жизни потерпевшей, и обратилась к телезрителям с просьбой сообщить любые сведения о женщине, найденной в курортной зоне. Пьяная соседка Анны вроде даже протрезвела на несколько мгновений:

— Эта женщина... Ну точно она! Артур — шельма...

— Вы её знаете? — быстро спросила Анна.

— Она была здесь... с Артуром несколько дней назад. Или это не она? Да нет, она!

- Кто такой Артур?
- А разве Эдвард вас ещё не познакомил с ним?
- Не довелось. Это его партнер по бизнесу?
- Нет, родственник.
- Но тоже, наверное, деловой человек...
- Ещё какой! Это вам не Эдвард... Любую бумагу...

Анна хотела ещё что-нибудь узнать, но тут появился сам Эдик с извинениями:

— Прошу прощения, задержался на кухне. Ви уже познакомились с хозяйкой?

— С хозяйкой? — удивлённо спросила Анна.

— Римма, что же вы... нэ представились?

Римма пьяненько развела руками и, взяв со стола бутылку с рюмкой, намеревалась уйти, но бдительный Эдик остановил её и сказал:

— Это замечательный деловой жэнщин Анна Антоновна Дрокина. Экологичэски чистыэ продукты... Можно заключить договор.

— Благодарю... благодарю... — сказала Римма, но похоже было, что её это мало интересовало, она встала и направилась к лестнице.

— Э! Упадёшь, — забеспокоился Эдик и стал помогать Римме подниматься, предварительно отобрав бутылку.

Когда он вернулся, по телевизору повторили обращение к телезрителям и снова продемонстрировали фотографию Лидии.

— Римма сказала, что эта женщина недавно была здесь, — пошла «ва-банк» Анна. — С каким-то Артуром...

— Она? Била здэсь? — удивился Эдик, и на его лице появилась печать явной озабоченности.

— А разве Артур не говорил?

— У Артура свой дэла...

— Но вы же вроде родственники...

— Нэ близкиэ.

— Неужели ничего не рассказывал? Зачем он привозил сюда эту женщину?

— Нэ знаю... И жэнщин этот нэ знаю.

Тут подали ужин, который был таким же роскошным, как и всё заведение. Боясь обнаружить перед Эдиком интерес к погибшей женщине, Анна больше не расспрашивала его. Они просто ужинали и болтали о пустяках. Впрочем, не забыл Эдик и о деле.

— Анна Антоновна, я вообще-то хотэл подписать договор... на форэл.

— Это возможно, если небольшие объемы...

— Нэболшиэ... для мой кафе.

— Давайте ваш телефон и готовьте договор, в следующую встречу обсудим. Вот вам мои координаты.

Они обменялись визитками. Анна, ещё вчера и не помышлявшая о продолжении знакомства с Эдиком, теперь цеплялась за него в надежде найти ниточку к раскрытию преступления, свидетелем которого так неожиданно оказалась. Она посмеивалась над Леной, проявившей желание поучаствовать в расследовании детективной истории, а сама вдруг тоже обнаружила в себе охоту к подобным приключениям, ей уже не казалась тягостной необходимость ходить на допросы к капитану Ковалёву. К тому же, вспоминая лицо погибшей, такой маленькой, незащитной, хрупкой женщины, Анна проникалась к ней жалостью и даже чувством вины

перед ней: не смогла помочь, не успела! Так теперь необходимо хотя бы помочь найти преступника.

В конце ужина на верхней ступеньке витой лестницы вновь показалась Римма, но, увидев Анну и Эдика, скрылась. Анна, глянув на неё, спросила:

— Если она хозяйка, почему так много пьёт? Разве в таком состоянии уследишь за всем?

— Э, хозяйка на бумаге, слэдить эсть кому, — ответил Эдик.

— А можно выйти на террасу, немного подышать свежим воздухом? — попросила Анна.

— Конечно, — и они вышли на террасу, с которой хорошо был виден угловой балкончик третьего этажа.

На балконе стояла высокая женщина с большим платком на плечах. Длинные темные волосы стекали на плечи. Она стояла спиной к ним и лишь на миг полуобернулась. В сумерках трудно было разглядеть её, но Анна увидела, что это была не хозяйка. словно почувствовав чье-то присутствие на террасе, женщина быстро скрылась в комнате. Анна подумала, что «особый контингент», наверное, здесь хорошо расслабляется, и спросила:

— А что там, наверху?

Эдик помедлил, но ответил:

— Спальныэ комнаты... Бивают гости издалэка.

— Спасибо за вечер, но мне пора, — сказала Анна.

Эдик вызвал такси. Как Анна ни возражала, он настойчиво повторял:

— Я провожу.

Тогда Анна решила продолжить разговор в дороге.

— Мне казалось, что курорт — вполне безопасное место, — начала она, надеясь, что Эдик поддержит

беседу на эту тему, — а тут... такая трагедия. Интересно, кто она такая, эта женщина? Потерпевшая. Артур мог бы сказать...

— Наверно... — неохотно отозвался Эдик.

— Артур мог бы помочь следствию...

— Нэт его. Уехал, — Эдик был явно чем-то озабочен.

— Уехал? Опять какое-то дело?

— Да, в Баку.

— В Баку? — удивилась Анна. — А что, из Минеральных Вод туда летает самолёт?

— Зачем самолёт? На своей машине.

— Мне казалось, что деловые люди охотнее пользуются самолётом, так быстрее.

— Свой машина лучше.

— Конечно, это удобнее, — решила согласиться с ним Анна.

Когда такси остановилось у санатория, Эдик вышел и, галантно раскланявшись с Анной, тут же уехал, продолжая находиться в состоянии какой-то озабоченности или тревоги. С балкона четвертого этажа раздался звонкий голос Лены:

— Анна Антоновна, а вы опять не ужинали!

Анна подняла голову:

— Опять попала в гости.

С соседнего балкона на неё смотрел сумрачный Эрнест.

ГЛАВА 8

Анне не терпелось сообщить новости капитану, но было слишком поздно, и она решила отложить разговор до утра. А утром её ждал доктор

Банников, который, видимо, так и горел желанием назначить ей лечение. Теперь он уже получил результаты анализов и наверняка разрабатывает для неё комплекс оздоровительных процедур. Придётся выполнять его предписания, иначе зачем же она сюда приехала, заплатив баснословные деньги за люкс?

Встав с постели, Анна ещё не решила, с чего начать, как раздался звонок. Это был капитан Ковалёв.

— Наша уловка не удалась, — сказал он, — в больницу никто не обращался, поэтому было решено показать по телевизору портрет потерпевшей, который, к счастью, оказался в мобильном телефоне Софьи Игнатьевны. Может, кто-то отзовется.

— А у меня новости, да ещё какие! — заявила Анна и рассказала в подробностях о том, как провела вчерашний вечер и что ей удалось узнать.

— У вас определенно талант детектива, — похвалил её капитан. — Похоже, мне в этой истории без вашей помощи не обойтись.

— Я готова, насколько хватит сил и умения, — ответила Анна, — потому что мне жаль эту женщину...

— Вы отдыхайте, лечитесь, я постараюсь нечасто вас беспокоить, но по возможности...

— Конечно, конечно, — прервала его Анна.

— Если что, я позвоню, — сказал Ковалёв и попрощался.

За завтраком Анну дожидалась возбужденная Лена:

— А вы где вчера ужинали? Вы сообщение по телевизору слышали? А фотографию видели? Теперь я её сразу же узнала, это же точно Лидия Васильев-

на. Интересно, а где эту фотографию взяли, наверное, у той подружки, что в санаторий приходила? А теперь что будет? Капитан Ковалёв станет нас всех здесь допрашивать?

Казалось, вопросам Лены не будет конца, и по её полыхающим глазам можно было понять, что она готова поменять безмятежный отдых на расследование преступления, и не только готова, но будет всячески этого добиваться.

— Следствию, конечно, важна любая информация, — сказала Анна, и не пытаясь умерить энтузиазм юной любительницы сыска.

— Надо следить за Эрнестом! — горячо прошептала Лена.

— Почему?

— Он, когда вчера увидел фото Лидии Васильевны, в лице изменился, даже как-то дёрнулся. Потом голову опустил и почти ничего не ел. Мне хорошо было видно. Он же недалеко от нас сидит и как раз лицом ко мне.

— Ну-у, ты же сама говорила, что у них были... отношения... Переживает, наверное.

— А чего ему переживать? — не согласилась Лена. — Они же поскандалили и расстались. Кто она ему теперь? Никто! Не-е-ет, тут что-то нечисто! Надо за ним последить!

Энтузиазм Лены несколько охладило приближение профессора, который как раз дошаркал до стола, а вслед за ним прибежал и припоздавший Толя.

— Ну что, купил? — спросила его Лена.

— Нет, магазин сегодня опять закрыт.

— Что значит «опять»?

— А то и значит, что три дня назад он тоже не работал, потому что там осталась одна продавщица, у которой ребёнок болеет. Она, когда может, тогда и приходит. Так что, когда откроется, никто не знает.

— Ну что это такое! — возмутилась Лена. — Захочешь сладостей — езжай в центр, здесь купить нигде!

«Три дня назад... Значит, магазин был закрыт, но Лидия Васильевна не знала этого и, направляясь к нему, должна была пройти мимо злосчастного лесочка, — мысленно рассуждала Анна. — А я всё думала, почему она, совсем не бедная, не вызвала такси. Видимо, она хотела сделать это в магазине после того, как совершит покупки. Это, конечно, предположение, но вполне возможное. Надо сказать Андрею Николаевичу».

— Вы так задумались, что и есть ещё не начинали, — услышала Анна голос Лены, — а мы уже скоро закончим.

— Да что-то аппетита нет... — пыталась оправдать свою задумчивость Анна, но за еду всё-таки принялась.

— Диетическое питание — одна из основ лечения, — наставительно сказал профессор. — Пренебрегать нельзя.

— Вы абсолютно правы! — тут же поддержала его Лена, а потом шёпотом обратилась к Анне: — Посмотрите, этот-то опять сам не свой.

Анна поняла, что она имеет в виду Эрнеста, который явно был чем-то обеспокоен, встревожен и, почти не прикоснувшись к завтраку, поднялся из-за стола и направился к выходу из зала. Пере-

живает или чего-то боится? Думать об этом Анне было некогда. потому что надо было идти к доктору Банникову. Вспоминая свою последнюю встречу с ним в лифте, она испытывала чувство неловкости и думала, как лучше скрыть смущение, вновь охватившее её.

Открыв дверь кабинета, Анна столкнулась с охранником, который дежурил в ту страшную ночь и сначала не хотел пускать её в санаторий. На этот раз он глянул на неё с некоторым любопытством, будто желая сказать, что готов составить о ней другое мнение. Она же проводила его недоуменным взглядом: что ему надо в кабинете доктора? Банников словно прочёл по лицам этот безмолвный разговор и, когда дверь за охранником закрылась, сказал:

— Не удивляйтесь. Сотрудники санатория имеют право по социальной программе пройти десятидневную реабилитацию здесь бесплатно, что сейчас и делает Викентий Трофимович. Он наблюдается у меня.

— Мне казалось, что сейчас о людях уже никто не думает, — заметила Анна, — всё решают деньги.

— Как видите, не всё, — сказал доктор, — но, честно говоря, это зависит от руководителя. Наш директор мыслит ещё прежними категориями... Ему за семьдесят...

— Директор? Не главный врач?

— Он же и главный врач. Но как директор он должен думать о том, как заработать деньги, чтобы санаторий оставался одним из лучших на этом курорте. Да вам же, как деловой женщине, это понятно.

— Да, конечно.

— Но что-то мы отвлеклись от главного, Анна Антоновна! Я внимательно посмотрел результаты анализов... Серьёзных сбоев нет, но массаж, ванны, современные физиотерапевтические процедуры будут только на пользу. И ещё надо будет пройти более глубокое обследование.

Он говорил с ней как врач с пациенткой, чётко, по-деловому, и Анна почувствовала, что возникшее было смущение исчезло: значит, тогда, в лифте, он не заметил её состояния. Она явно повеселела и соглашалась на все процедуры и более глубокое обследование. Но вот доктор, написав несколько назначений, протянул бумаги и, словно случайно, коснулся её руки, молча и пристально глядя ей в глаза. И как было в лифте, её обожгла вдруг нахлынувшая волна. Несколько секунд она сидела, как загипнотизированная, не смея даже убрать руку и думая: только бы он не заметил её смущения! Потом взяла назначения и решительно встала.

— Я рад, что вы стали прислушиваться к моим советам, Анна Антоновна, — сказал Банников, возвращаясь к деловому тону.

Выйдя из кабинета, Анна старалась скрыть охватившее её волнение, тем более, что прямо на неё шла Лена, которая, увидев её, торопливо заговорила:

— Ой, а к нам капитан Ковалёв пришёл! Собирает в столовой всех, кто может хоть что-нибудь сказать о Лидии Васильевне! Идёмте туда!

— А что я могу сказать...

Не могла же Анна признаться, что именно она обнаружила в лесополосе потерпевшую.

— Да просто интересно послушать, что Эрнест будет говорить! За ним уже пошли.

— Но разве можно присутствовать при допросе?

— Так это не допрос! Капитан сказал, что это просто доверительная беседа, он хочет выявить круг общения Лидии Васильевны. А на допрос потом будет вызывать, если потребуется.

Анна не стала отказываться от «доверительной беседы» и вместе с Леной вошла в столовую, где рядом с капитаном сидели трое отдыхающих — это были соседи Лидии Васильевны по столу. Тут же своей очереди дожидалась горничная Зина, убиравшая в люксах. Она заявила, что ничего не знает, потому что редко видела потерпевшую. Наконец явился и Эрнест, он был бледен и обеспокоен. После нескольких ничего не значащих вопросов капитан задал ему традиционный для таких случаев:

— Где вы были с восьми до одиннадцати вечера в понедельник?

— А почему вы спрашиваете? Вы меня в чём-то подозреваете? — задал встречные вопросы Эрнест и явно занервничал.

— Я пока никого не подозреваю, у нас доверительный разговор. Но, как выяснилось, вы были хорошо знакомы с потерпевшей и...

— Сейчас что угодно будут говорить, лишь бы свалить вину на меня! — чуть ли не закричал Эрнест, перебивая Ковалёва. — «Хорошо знакомы!» Ну танцевали — вот и всё знакомство! Я эту легкомысленную дамочку быстро раскусил, ей нужны были другие развлечения! За ней, между прочим, на такси приезжали... Кавказцы!

Выкрикивая это, Эрнест выразительно смотрел на Анну, будто хотел сказать, что и эту легкомысленную дамочку он тоже раскусил, потому что за ней тоже приезжал кавказец! Он был жалок в своем желании очернить женщину, с которой провёл несколько приятных дней и вечеров. Для него сейчас было главным как можно скорее отмежеваться от неё, чтобы снять с себя возможные подозрения. «Романтик-то оказался трусом, — подумала Анна. — Вряд ли он способен даже из ревности убить женщину. Но Ковалёву виднее». А капитан настаивал:

— И всё-таки вы не ответили на мой вопрос. Где вы были...

— Где был, где был! — прервал Эрнест Ковалёва. — Здесь я был, в санатории! На танцах! И, между прочим, эта парочка меня там видела! — Эрнест указал на Лену, имея в виду её и Толю.

— Правда, — вспомнила Лена, — он был в тот вечер на танцах.

— Это и другие могут подтвердить! — уже более спокойно сказал Эрнест, обрадовавшись неожиданной поддержке.

Ковалёв отпустил всех, пообещав, что при необходимости придёт ещё и, если понадобится, будет разговаривать с каждым в отдельности. И тут вдруг вернулась Зина, которая уже была у выхода из зала. Она сказала, глядя на капитана:

— Я кое-что вспомнила.

Но у Ковалёва вдруг зазвонил мобильный телефон, он озабоченно выслушал короткое сообщение и сказал Зине:

— Мне надо срочно к начальству. До завтра не забудете то, что вспомнили?

— Не-е-ет, не забуду, — разочарованно протянула Зина.

— Тогда до завтра.

ГЛАВА 9

Отдыхающие разошлись по процедурам. Анна тоже отправилась выполнять оздоровительную программу, разработанную для неё доктором Банниковым, и время до обеда прошло незаметно. День был на редкость солнечным для начала октября, и казалось, что всё вокруг заиграло яркими красками: запоздалые цветы на клумбах, золотисто-багряная листва, кое-где ещё державшаяся на деревьях, зелень густых сосен и елей... Анна решила, что пора уже просто прогуляться по городу. Она надела уже хорошо просохшие после чистки куртку, джинсы, осенние туфли с застёжками и спустилась в вестибюль. Здесь беспокойная парочка молодожёнов громко договаривалась, пойти ли в краеведческий музей или к Академической галерее, а оттуда в парк «Цветник».

— А как вы думаете, куда лучше? — обратилась к Анне, увидев её, Лена.

Анна не успела ничего ответить, как за её спиной раздался такой знакомый бархатистый голос:

— Лучше доверьтесь моему совету, причём все трое. Я приглашаю вас в такое место, где надо побывать именно в солнечный день.

— Куда? — разом спросили молодожёны.

— На одну удивительную поляну. Это недалеко, и вы ещё успеете сходить в краеведческий музей. Идёмте!

Доктор Банников говорил это так весело и непринуждённо, что все трое невольно загорелись желанием увидеть необычную поляну и последовали за ним. У входа в санаторий блестела элегантным бордовым лаком машина. Доктор распахнул заднюю и переднюю дверцы машины, пригласил:

— Молодёжь, сюда, а вы, Анна Антоновна, со мной рядом.

Всё это сопровождалось восторженными восклицаниями Лены. Анна замешкалась, но доктор продолжал:

— Садитесь, Анна Антоновна, вам будет интересно, и это займёт совсем немного времени.

Понимая, что её нерешительность только усиливает ощущение неловкости, Анна села рядом с доктором, и машина скоро выехала на дорогу, ведущую к городу. Однако в город она не пошла, а свернула вправо на проселок, ведущий в лес. Минут через десять — пятнадцать они остановились у невысокого холма.

— Выходим, — скомандовал доктор, и все выбрались из машины. — Поднимаемся наверх. Не бойтесь, подъём не крутой.

— А где же поляна? — удивилась Лена.

— Наверху! Анна Антоновна, давайте руку, я вам помогу.

Анна подала ему руку, и все стали взбираться наверх. Там действительно оказалась довольно обширная поляна, посередине которой стояла необычная арка.

— Ой, что это? — немедленно отреагировала Лена.

— «Ворота любви», так это называют местные жители, — пояснил Банников. — Вам, молодым, просто обязательно надо было здесь побывать.

— Почему? — это опять, конечно, Лена.

— Видите, как под ними проходит солнечный луч? Беритесь за руки вот так, — при этом он опять взял руку Анны в свою, — и пройдите по лучу через ворота навстречу солнцу. Тогда вы будете счастливы в любви.

— Долго-долго?! — восторженно поинтересовалась Лена.

— Всю жизнь.

Все двинулись через ворота навстречу солнцу. На другой стороне Лена обернулась и весело констатировала:

— Ой, а вы тоже! Тоже вместе! За руки!

Анна в смущении отдернула руку, а доктор тихо засмеялся и сказал:

— Возможно, и нам повезёт.

— Так это шутка? — допытывалась Лена.

— Это поверье, — уже серьёзно ответил Банников, — что-то вроде легенды. И дело каждого, верить или не верить.

— Лучше верить! — весело решила Лена.

— Я тоже так думаю, — засмеялся доктор. — А теперь я отвезу вас к «Цветнику», там рядом краеведческий музей.

Через несколько минут автомобиль спустился с Машука к центральному входу в «Цветник». Молодёжь вышла, а Анну доктор придержал:

— Погодите минуту. Вы действительно тоже ходите сейчас в музей?

— Я не собиралась, но так сложилось...

— Не собирались, так и не идите, ещё успеете. Вы уже устали, вам не хватит сил обойти все залы музея. Как ваш лечащий врач, я вам не советую...

— Вы слишком опекаете меня, доктор...

— Я отвечаю за ваше здоровье. Лучше я вас отвезу в санаторий.

Машина тронулась, и Анна поняла, что выйти теперь не удастся. Да и нужно ли? Ей было так покойно, так приятно сидеть рядом с этим заботливым доктором. Всё лучше, чем ходить сейчас по залам музея вместе с шумливой молодёжью. Даже обычное смущение, которое всегда охватывало её при встрече с ним, куда-то исчезло. Она безмятежно смотрела по сторонам и через некоторое время поняла, что они уже проехали дорогу, ведущую в курортную зону. Банников заметил её недоумение и предвосхитил вопрос:

— Я забыл дома папку с важными документами. Вы не против, если я её прихвачу?

— Конечно, Александр Павлович.

Анна специально «отгородилась» от него официальным именем и отчеством, в ней вновь всколыхнулось необъяснимое чувство неловкости. Машина подъехала к одному из новых высотных домов с интересной современной архитектурой и остановилась, притиснувшись к тротуару.

— Вам придётся подняться со мной, Анна Антоновна, — сказал серьёзно Банников. — Не могу подвергать вас риску, оставив в машине. Здесь

очень узкий участок дороги, и какой-нибудь лихач может налететь.

— Но, может быть...

— Нет, нет, — убежденно возразил доктор, — рисковать не стоит. А подняться даже по лестнице не тяжело, всего третий этаж.

Анна послушно вышла из машины, Банников запер её, и они направились к подъезду. Он пропускал Анну чуточку впереди себя, и они действительно пошли по лестнице, а не к лифту. За те несколько минут, что они поднимались, Анна успела задать себе много вопросов. Вдруг жена окажется дома, как себя вести при ней? Или ребёнок? Ведь может у него быть ребёнок? Школьник, например, лет девяти — десяти? И зачем она согласилась подняться? Лучше бы подождала его не в машине, а около неё на тротуаре.

— Прошу вас, — доктор открыл дверь и, пропустив Анну вперёд, включил свет в прихожей. Затем поторопил, не дав ей времени снять обувь: — Проходите, проходите!. Садитесь.

В комнате, куда они вошли, было светло и уютно от красивых обоев, стильной современной мебели. Анна села на диван и, испытывая чувство неловкости от того, что вошла, не сняв туфли, попыталась занять как можно меньше места на полу.

— Куртку вам, пожалуй, лучше сбросить, — сказал Банников через некоторое время, — здесь тепло.

— Но вы же скоро?

— Не знаю точно, куда её положил, эту папку, придётся поискать. Давайте вашу куртку. .

Анна сняла куртку и подала ему вместе с сумочкой, которую всё ещё держала в руках. Она поня-

ла, что в квартире, кроме них, сейчас никого нет, и от этого ей стало легче, не так тревожило чувство какой-то неизъяснимой вины неизвестно перед кем. Доктор порылся в нескольких шкафчиках и будто только сейчас увидел, что Анна в туфлях.

— Обувь можно снять, нетрудно же снова надеть. Давайте помогу.

Не дав ей опомниться, стал перед ней на колени и, быстро расстегнув застёжки, снял туфли с ног опешившей Анны. Она не сопротивлялась и ничего не говорила. И понимала, что за этим может последовать. Не понимала только, почему он выбрал именно её, когда в санатории так много молодых хороших врачей и медсестёр, да и среди отдыхающих немало красивых женщин, которые почли бы за счастье оказаться сейчас на её месте. Доктор, продолжая стоять на коленях, обнял её за талию и положил голову ей на колени. Немного помолчав, он сказал:

— Я так боялся, что этот момент никогда не наступит.

— Почему? — тихо спросила Анна.

— Ты могла бы отказаться от меня так же решительно, как от процедур.

Анна невольно рассмеялась, и обоим стало так легко, будто они знакомы не три дня, а, по меньшей мере, три года.

— Здесь не так уютно, — сказал он, поднял её и понес в другую комнату, где стояла кровать.

Что и как происходило дальше, Анна не смогла бы вспомнить в деталях. Только помнила нежные прикосновения его губ, казалось, он покрывал поцелуями каждую клеточку её тела. И от того, что

они не были быстрыми, жгучими, а напоминали легкое дуновение теплого ветерка, она словно растворилась в этой нежности. Три года неустанного труда и воздержания ухнули в неистовое наслаждение, длившееся, казалось, без конца. Лишь потом, когда она стояла под душем, едкая мыслишка засверлила в мозгу: «Для него это очередной эпизод с очередной отдыхающей». Надо, чтобы для неё тоже он не стал тем чувством, от которого сердце будет рваться на куски. Не хотела она заводить курортную интрижку, да ещё с лечащим врачом... Но, что поделаешь, не сдержалась. Зато теперь она не будет задыхаться от удушливой волны при его мимолетном прикосновении. Теперь всё так просто и ясно. Но... Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь узнал об этой мимолетной связи, например, молодёжны или капитан Ковалёв... В санатории надо будет соблюдать «субординацию»: доктор и пациентка. Да и сам Банников наверняка в этом заинтересован. Впрочем, он, скорее всего, и не намерен продолжать отношения.

Анна вышла из ванной в его махровом халате. Он поцеловал её в щеку и сказал:

— Одевайся, я быстро, — и направился в ванную.

Анна оделась, не надела только туфли и села на диване в гостиной. Банников вошёл сюда уже совершенно одетый и предложил:

— Пойдём на кухню, выпьем чаю. Признаться, я сегодня не обедал.

Он достал хлеб, масло, сыр и начатый батон сервелата. Вынув из ящичка нож, стал так быстро и ловко нарезать колбасу, что Анна даже засмеялась:

— Как заправский повар! Где научился?

— В армии. Резать колбасу меня учил армейский повар. Но дело не только в моей ловкости. Этот нож — особенный, очень прочный, острый, и в то же время, тонкий, им легко нарезать красивые ломтики.

Ломтики колбасы действительно были безупречны по форме и стройненько улеглись на тарелочке рядом с такими же красивыми ломтиками сыра. Анна и доктор весело расправлялись с бутербродами, запивая их ароматным чаем, когда на кухонных часах стрелки показали, что уже шесть вечера. Анна спохватилась:

— Мне пора.

— Я тебя отвезу.

Они спустились к машине. Анна хотела сесть сзади, но Банников возразил:

— Зачем? Здесь стёкла тонированные. Садись рядом со мной.

Он, что же, не боится, что её увидят в его машине? Ах, ну стёкла же тонированные! Конечно, чего ему бояться... Но ей-то совсем не хотелось, чтобы её увидели в его машине именно сейчас. Тогда, днём, они были не одни, рядом с молодёжью всё выглядело вполне невинно, но теперь... Теперь ей совсем не хотелось афишировать, что она не устояла перед красивым доктором. Если сейчас её увидят в его машине, то сразу догадаются об этом. Особенно, шустрая Лена.

Они обогнали автобус, который шёл к их санаторию. Впереди было две остановки: конечная и та, что перед ней. Анна всполошилась:

— Выпусти меня, пожалуйста, перед остановкой, я на автобусе доеду!

— Зачем? Чего ты боишься?

— Я прошу,пусти! — взмолилась Анна. — Или я выпрыгну!

— Напрасно это, — сказал он, но машину остановил, чуть не доехав до остановки.

Анна так быстро выскочила, что он не успел даже ничего сказать. Через несколько минут она уже стояла на остановке, дожидаясь автобуса, а он, проехав к развороту на другую сторону, направился в город.

ГЛАВА 10

В эту ночь Анна долго не могла уснуть. Едва она закрывала глаза, как тут же всплывали моменты такой неожиданной и захватывающей близости. Всё короткое время знакомства с Банниковым она не смела думать о нём как о мужчине, боялась, как бы он не заподозрил, что вызвал у неё определенный интерес. В сорок три года оказаться предметом неожиданных вожделений молодого красивого мужика! А вот теперь он наверняка празднует очередную победу. Ещё обиднее, если и не считает победой то, что случилось сегодня, а просто воспользовался случаем удовлетворить мимолетное желание с подвернувшейся женщиной, с очередной пациенткой. Анна кляла себя за то, что не сумела устоять. И как теперь с ним встречаться? А ведь придётся! Он её лечащий врач. Если вздумает попроситься к другому, то чем объяснит такое желание? Насколько она успела понять, в санатории Банникова считают очень хорошим специалистом. Нужны весомые аргументы, чтобы отка-

заться от такого врача, а у неё их нет. «Да просто не ходить к нему больше! — наконец решила она. — Все процедуры расписаны, надо лечиться по предписанной им программе, да и всё. Скорее всего, он и сам не захочет меня видеть до того момента, когда придет пора, покидая санаторий, взять выписку с рекомендациями у лечащего врача».

Эта мысль как-то успокоила Анну, и она вскоре уснула. Утром нарочно спустилась в столовую не по своей лестнице, которая шла из холла с третьего этажа, а через парадную лестницу, чтобы ненароком не повстречаться с доктором. Лена, ещё вчера за ужином обратившая внимание на душевное смятение Анны, которое она безуспешно пыталась скрыть, и не дождавшаяся ответа на вопрос «Что случилось?», кроме короткого «Ничего», не стала донимать её навязчивым вниманием. А раз Лена молчала, то за столом было тихо. Но под конец она всё-таки шепнула Анне:

— А этот-то, Эрнест, сидит как в воду опущенный. Мне кажется, он всё-таки чего-то боится.

Анна, глянув на Эрнеста, неопределённо пожала плечами. Потом сказала:

— Я на процедуры.

— Мы тоже, — хором отозвались Лена и Толик.

Профессор, не обращая ни на кого внимания, маленькими глотками допивал второй стакан сока — тот, от которого отказалась Анна, она не любила сливовый.

Едва Анна поднялась к себе в номер, как позвонил капитан Ковалёв.

— Вы у себя? — спросил он. — Не уходите никуда, мы сейчас поднимемся.

Кто «мы», зачем она им нужна? Дадут ли ей всё-таки подлечиться и отдохнуть? Она не успела даже переодеться, как, постучавшись, вошли Ковалёв, лейтенант Володя и Софья.

— Анна Антоновна, я опять к вам за помощью, — обратился к ней капитан. — Мы пришли осмотреть номер Лидии Васильевны и её вещи. Для этой процедуры нужны понятые. Я бы хотел, чтобы вы поучаствовали в этом деле вместе с Софьей Игнатьевной. Ещё одной понятой будет горничная, которая здесь убирала. Зина, кажется? Тем более, что она кое-что вспомнила, а я в прошлый раз не успел спросить.

— Я готова, — ответила Анна, думая, что надолго скроется в номере 306 от случайной встречи с доктором.

В этот момент на площадке парадной лестницы показалась Лена, только что спустившаяся со своего четвертого этажа, а из-за поворота коридора показалась Зина с ключом от люкса 306, и все направились туда. Лена, смекнув, что предстоит нечто интересное, связанное с расследованием, спросила:

— Ой, а мне с вами можно?

Ковалёв увидел горящие любопытством глаза, едва заметно усмехнулся и разрешил:

— Идёмте. Втроём быстрее вещи разберёте.

Женщины принялись извлекать из ящичков украшения, косметику и всякую мелочь в виде брелочков, расчёсок, приколок... Ковалёв и Володя прежде всего собрали по описи все драгоценности и сложили в пакет. Затем тщательно осмотрели каждую вещь, словно пытались найти там какие-ли-

бо свидетельства трагедии, и тоже составили опись. Видать, этой женщине и для решения дел потребовался обширный гардероб. В бумагах не нашли ничего интересного. Лишь в последний момент обратили внимание на маленький клочок, похожий на чек, который лежал под вазой с печеньем и конфетами. На обороте был записан шестизначный номер, а рядом буква «н». Судя по цифрам, это был номер стационарного телефона.

— Это телефон вашей тёти? — спросил Ковалёв у Софьи.

— Нет, у неё другой номер.

— Чей же? «Н»... Наталья ... Надежда... Николай... — стал гадать капитан. — Или фамилия на эту букву начинается? Кто это может быть?

— Может, что-то совсем не нужное, случайное, — предположила Софья.

— Тогда почему не выбросила? — не согласился капитан. — Даже под вазочку подсунула. Но так небрежно написано. Что это, единица или семёрка? А это, надо полагать, четыре? Что получается? Вроде 32–14–46. Володя, приобщи, может, понадобится. А теперь вы, женщины, упакуйте вещи в сумки, займитесь этим в другой комнате, а мы с Зиной побеседуем. Так что вы там вспомнили?

Анна, Лена и Софья пошли в спальню складывать вещи Лидии Васильевны, а Ковалёв, Володя и Зина сели в гостиной. Лейтенант приготовился записывать всё, что скажет Зина.

— Я вспомнила, — сказала горничная, — что у этой отдыхающей был крупный разговор с доктором. Как раз за день до того, как с ней это случилось... Ну, когда её нашли в лесополосе.

— С каким доктором?

— С её лечащим врачом, Банниковым.

— Где? По какому поводу?

— По какому поводу — не знаю. Но они стояли в холле около его кабинета и разговаривали, а я как раз мимо проходила.

— О чём же говорили?

— Я не поняла. Только слышала, как она громко сказала: «Ну и что со мной будет? Что будет?». Он что-то ответил, а потом тоже громко, даже вроде угрожающе сказал: «Как бы потом не пожалеть об этом».

— Угрожающе? — переспросил капитан.

— Ну, так мне показалось...

— Странно. Чем мог угрожать врач своей пациентке? И почему? Разве что у них были какие-то другие отношения, не только как у врача и отдыхающей...

— Не знаю, — сказала Зина, — но на танцы Банников не ходит.

— Да что танцы! — сказал капитан. — Людей могут связывать и другие интересы. Вообще-то, мы собирались побеседовать с Банниковым, именно как с врачом... Может, что-то необычное в характере своей пациентки заметил.

— Пригласить? — спросила Зина.

— Пригласите, — согласился Ковалёв.

Когда Зина вышла, он обратился к лейтенанту:

— Мы же с тобой, получив все необходимые сведения об этом докторе, даже и не подумали занести его в списки подозреваемых. А теперь что же получается...

— Да у него отличная биография! — прервал капитана Володя. — Ещё студентом успел поучаствовать во второй чеченской кампании. Хирургов не хватало, так он сам проводил операции, и очень успешно.

— Да, да, — подхватил Ковалев. — Помнишь тот случай, когда он спас жизнь генералу и полковнику? Его даже наградили за это.

— Точно, есть такой факт в его биографии!

— Так, что там дальше? По окончании медицинской академии работал врачом на северном военном флоте, в очень трудных условиях, — продолжал капитан. — Рано по возрасту дослужился до подполковника. Потом перевёлся сюда, на курорт. Может, и не уехал бы с Севера, если бы не гибель жены и ребёнка. Все так гладко, ни к чему не придерёшься. И вдруг какой-то странный разговор с отдыхающей, которую вслед за этим находят убитой...

— Странно это, — согласился лейтенант, — но мне не верится, что такой человек мог...

— Разрешите? — прервал лейтенанта голос Банникова.

— Входите, присаживайтесь, — пригласил Ковалёв. — Мы вас долго не задержим, только ответите на несколько вопросов. Извините, но таков порядок, опрашиваем всех, кто так или иначе соприкасался с Лидией Васильевной Трегубовой. Она была вашей пациенткой?

— Да, Лидия Васильевна наблюдалась у меня.

— Говорят, она была очень общительной... Может, вас связывали какие-то общие интересы...

— Я догадываюсь, что вы имеете в виду. Нет, она для меня была только пациенткой.

— А тогда... что за разговор у вас был за день до её гибели?

— Разговор? О чём?

— Нас именно это и интересует: о чём?

— Я не совсем вас понимаю... За день до её гибели... Так, дайте вспомнить... Первое сообщение о ней по телевидению было во вторник, так?

— О найденной в лесополосе женщине, — уточнил капитан, — имя не называлось.

— Да, да, я помню... Значит, нашли её в понедельник.

— В понедельник поздно вечером, — уточнил Ковалёв.

— Так и разговор был не за день до этого, а в понедельник утром! — вспомнил вдруг доктор. — Вы это имеете в виду?

— Где говорили и о чём?

— Я обычно разговариваю с пациентами только в кабинете. Но Лидия Васильевна была довольно неорганизованной, пропускала часы приёма. В то утро я встретил её в холле, когда шёл в свой кабинет. Она куда-то торопилась и не пожелала зайти ко мне. Тогда я спросил, сделала ли она анализы, на которых я настаивал. Она стала уверять, что ей это ни к чему. Я в общих чертах нарисовал тревожную картину её будущего. И предостерёг... Серьёзно предостерёг, чтобы она не пожалела потом о таком легкомысленном отношении к здоровью.

— Что такого могло быть у молодой женщины со здоровьем... — начал капитан.

— Существует такое понятие, как врачебная тайна, — сказал Банников, — и я бы её не нарушил. Но Лидии Васильевны уже нет, значит, и тайны тоже нет. Чтобы вам до конца был понятен наш разговор, скажу: в её крови были обнаружены клетки рака... Единичные, но и это уже настораживало. Нужно было сделать дополнительные анализы, чтобы принять срочные меры и предотвратить развитие болезни. Я настаивал, а она не хотела верить в серьёзность своего состояния. Но теперь уж всё равно...

— Ну вот всё и разъяснилось, распишитесь, пожалуйста, вот здесь, что с ваших слов записано верно, — сказал Ковалёв, подавая ему ручку, которую вынул из кармана.

— Но кто мог слышать наш разговор? — удивился Банников.

— А вот это уже наша тайна, служебная, — отозвался капитан.

Когда Банников покинул люкс 306, Ковалёв распорядился:

— Володя, снимешь потом «пальчики» с моей ручки... Ну, на всякий случай, хотя и не верится, что такой человек может быть причастен... В общем, действуй.

Анна, Лена и Софья вышли из спальни с двумя большими сумками, туго набитыми вещами Лидии Васильевны. Анна, слышавшая всё, о чём говорили в гостиной, пребывала в полнейшем смятении. Действительно ли всё обстояло так, как объяснил Банников, или у него могли быть с погибшей, как выразился Ковалёв, «другие интересы», а значит, другие отношения. «Да ты с ума сошла, Анна! —

вдруг остановила она себя мысленно. — Ты ревнуешь? Откуда это тревожное чувство?». А тут ещё опять Зина добавила. Не успели они разойтись, как Зина вернулась и с порога заявила:

— А я ещё кое-что вспомнила.

— Что же именно? — поинтересовался Ковалёв.

— Доктор Банников в понедельник дежурил за Марию Михайловну по её просьбе, но подменял не до утра, а до отбоя. Мария Михайловна потом приехала, чтобы ей это дежурство засчитали, а он ушёл.

— То есть, вы хотите сказать, что весь вечер до одиннадцати часов Банников находился в санатории?

— Да! Находился!

— А вам откуда это известно?

— Мне сама Мария Михайловна утром сказала, когда я пришла, чтобы убрать в комнате для дежурных.

— Дежурный врач не должен отлучаться с поста? — спросил Ковалёв.

— Ночью не должен, — ответила Зина. — А до отбоя может выходить. У них же мобильный телефон с коротким номером, по которому всегда можно дозвониться.

— Вы хотите сказать, что доктор Банников мог выйти следом за Лидией Васильевной...

— Ну, не знаю... — дёрнула плечом горничная, но на лице её явно читалось: мог!

— Спасибо, Зина, — поблагодарил Ковалёв.

— Чего она взъелась на этого доктора? — удивился лейтенант Володя, когда горничная вышла. — Или в самом деле что-то с ним нечисто?

Вопрос, как говорится, повис в воздухе. На лицах всех трёх женщин застыло явное замешательство.

ГЛАВА 11

Обед за столом номер 8 прошел в удивительной тишине. Профессор методично пережевывал пищу, не находя повода высказать какое-либо замечание. Он любил голубцы, а они сегодня оказались на редкость вкусными, под стать им была и белая подлива, искусно приготовленная из смеси тёртого сыра, сметаны и чеснока с добавлением ещё какого-то ингредиента, вкус и аромат которого он распознать не мог. Главное, обеденные блюда ему нравились, и он отдавал им должное, надеясь, что никто не нарушит ненужным разговором его трапезу.

Анна только делала вид, что ест. На самом деле едва заставила себя проглотить две — три ложки супа, а потом долго мучила вилокóй голубец, пока он не развалился на такие мелкие части, которые впору было уже подбирать ложкой. Её терзало смутное беспокойство, засевшее в груди ещё утром, когда в люксе 306 горничная Зина давала показания, вернее, рассказывала о каком-то инциденте Лидии Васильевны с лечащим врачом. Насколько объективно она говорила? И что собой представляет на самом деле доктор Банников? Из всего, что Анна услышала о нём сегодня утром, нельзя было составить какое-то определенное представление.

Капитан и Володя говорили о нём прямо как о герое. Из их же разговора она сделала вывод о том, что семья его погибла и он пока свободен. Ну, возможно, бывают такие же случайные женщины, как она, а значит, у неё нет ни перед кем вины. Об этом она подумала с явным облегчением. Но тут же попыталась представить, что пережил этот молодой мужчина, лишившись разом двух близких людей. Жена и дочь... Жена и дочь! Судя по его возрасту, жена ещё совсем молодая, а дочь вообще малышка... Как безжалостна бывает жизнь! Зачем уносит раньше времени тех, кто нам дорог? Её Ирка, слава богу, в порядке, а мама могла бы ещё пожить. Но всё же ей было отпущено 78 лет. А у доктора... такая страшная потеря... И если сейчас мимолетные связи помогают ему забыть эту жуткую трагедию, то кто же его осудит? И Анна уже совсем оправдала в собственных глазах и его «натиск», и свою слабость.

Едва она об этом подумала, как перед глазами предстала Зина с её твёрдым убеждением, будто доктор Банников был чем-то связан с Лидией Васильевной и даже угрожал ей... Что это может означать? Но... его, такого нежного, такого доброго, интеллигентного, подозревать в преступлении... В тяжком преступлении, в убийстве... Абсурд!

И вдруг будто по сердцу резануло: нож! Что говорил эксперт, когда она была у капитана? Раны наносились жертве каким-то особенным ножом, очень узким, тонким и в то же время необычайно крепким и острым. Банников резал колбасу именно таким ножом да ещё и расхваливал его каче-

ства. Орудие преступления не найдено, а у него «такой» нож... А может, всё-таки не такой? Душа Анны заметалась. Не могла она, не хотела даже на секунду допустить, что такой человек, как Банников, мог напасть на женщину с ножом и убить её! Или мог?! Тогда за что? Ведь преступления без мотива не бывает. Может, Лидия Васильевна его чем-нибудь шантажировала? Что означали её слова «Ну и что со мной будет?»... Он ей действительно угрожал, как считает Зина, если Лидия Васильевна выдаст какую-то его тайну, или всё обстояло так, как он объяснил? И что теперь делать ей, Анне? Сказать Ковалёву, где она видела «такой» нож? Тогда придётся рассказывать, при каких обстоятельствах... Ну... это невысказано! Не может она этого рассказать никому, по крайней мере, сейчас. И получается, что из свидетеля она невольно превращается в соучастницу преступления. Нет, не соучастница... Но она покрывает преступника! Голова уже раскалывалась, но Анна не переставала перебирать в мозгу всё, что пришлось услышать утром.

— Вы ничего не ели! — раздался наконец за столом голос Лены, которая тоже что-то молча обдумывала.

— Совсем не хочется, — устало произнесла Анна.

— А мне вдруг сладкого захотелось! — объявила Лена.

— Наш магазин закрыт, — объявил Толя. — У продавщицы снова заболел ребёнок, а другую никак не найдут.

— А я в город поеду! — не унималась Лена.

Анна, очнувшись от своих дум, подсказала:

— В центре есть супермаркет, а там большой отдел с тортами и пирожными.

— А буше там есть?

— Кажется, видела и буше, и эклеры, и слоёные...

— Едем! — решительно заявила Лена.

— Ты на кого намекаешь? — вдруг осведомился Толик.

— На тебя, конечно! С кем же мне ещё ехать?

— А я спать хочу! Сейчас тихий час будет...

Это что, «бунт на корабле»? Ну так она прекрасна без него обойдётся! И Лена выпалила:

— Вот соня! Ну и дрыхни! Я одна поеду!

Анна поднялась из-за стола первой, пожаловалась на головную боль и пошла в свой люкс. Почти у двери её догнала Лена.

— Анна Антоновна, — с заговорщицким видом зашептала Лена, — как вам кажется, Зина права, что подозревает... Мог доктор Банников...

— Ах, откуда я знаю, Лена?! — прервала её Анна. — Пусть капитан разбирается! У меня, действительно, очень болит голова!

Анна быстро захлопнула за собой дверь. Лена, никогда не видевшая Анну в таком состоянии, вздохнула и покачала головой. Нет уж! Ей не всё равно! Она должна докопаться до истины! Но как? Понаблюдать бы за доктором, да как это сделать... Только... Всё же, он такой хороший... Или только кажется таким? Говорил же капитан, что преступники умеют скрывать свою сущность. С такими мыслями Лена отправилась на автобусную остановку. Ждать транспорта пришлось недолго, и через полчаса она уже входила в супермаркет.

Анна Антоновна была права: выбор большой, бери, чего душа захочет. Душа Лены запросила сразу всего, на что глаз упал. Ей упаковали две коробки с пирожными и ловко поставили их в фирменный пакет. Лена вышла из магазина очень довольная покупками и уже предвкушала, как разложит всё это в номере, согреет чаю и будет долго растягивать своё удовольствие на зависть Тольке. Ну, ладно, немного поделится, не зверь же она в самом деле.

Лена уже повернулась в сторону «Цветника», где намеревалась сесть на автобус, как вдруг... Вот везение! По другой стороне улицы с озабоченным видом шёл доктор Банников. Иногда он приостанавливался и оглядывался! Боится чего-то? Или кого-то? В руке у него был пакет. Такой же, с каким ходила Лидия Васильевна! А что в пакете, доктор? И куда это он идёт да ещё в рабочее время? Хотя нет, оказывается, рабочий день у врачей в санатории только с утра до обеда. Ну, ладно, он свои часы уже отработал, а куда направляется с такой опаской? Вон опять оглядывается! Лена поняла, что доктор направляется к трамвайной остановке. Она быстро пересекла улицу и пошла следом за ним, прячась за прохожими. Трамвай уже подходил к остановке, и Банников оказался рядом с первой дверью. Лена быстро заскочила во вторую дверь и постаралась смешаться с толпой пассажиров, незаметно наблюдая за ним. За мостом, раскинувшимся над речкой Подкумок, через четыре остановки доктор приблизился к двери. Значит, приготовился выйти. Лена тоже придвинулась к задней двери и вышла одновременно с ним.

Убедившись, что Банников её не видит, Лена шла следом, прячась за людей, которых было немало на улице. Но вот доктор свернул в переулок, где стояли лишь небольшие частные домики, теперь следить за ним стало трудно. Лена, постояв несколько секунд, всё-таки двинулась дальше и в этот момент увидела, как Банников вошёл во двор. Она потихоньку подошла к калитке, заглянула внутрь двора. Всю территорию окружал каменный забор, сложенный неряшливо, с многочисленными выступами, а в глубине стоял небольшой дом. Чуть левее виднелся то ли сарай, то ли гараж, сразу и не разберёшь.

Лена была в недоумении: неужели он здесь живет? Вряд ли. И в дом он точно не заходил, в последний момент она заметила, как его фигура мелькнула в проеме сарая. И пакет! В руке у него был такой же пакет, как у Лидии Васильевны! А что, если это её пакет? С деньгами, с драгоценностями! Нет, драгоценности же Ковалёв забрал, по описи... А вот деньги... Деньги в пакете вполне могли быть.

Девушка стояла в растерянности. Ей очень хотелось заглянуть в сарай, железные двери которого были приоткрыты, но как это сделать незаметно? И только она решилась, как вдруг сбоку послышался грозный рык. Лена обмерла: около неё, загораживая путь к калитке, стояла огромная собака.

— Тебе чего? — едва сдерживая страх, прошептала Лена.

Собака, как видно, не намерена была раскрывать перед ней свои планы и снова негромко, но грозно

зарычала. Лена сделала шаг вперёд, собака шагнула следом, свирепо оскалив зубы. Лена снова отступила от неё, но зверюга хорошо знала своё дело и не собиралась выпускать со двора чужого человека. Она приблизилась к девушке почти вплотную. Лена ещё раз отступила и ощутила спиной камни забора. Она быстро обернулась и, цепляясь за выступы, мигом поднялась на стену. Зверюге такое самоуправство не понравилось, она с рыком кинулась к забору, стараясь достать ноги девушки. Лена хотела их поджать, но чуть не потеряла равновесие и поняла, что может свалиться, если будет дёргаться. Собака громко тьякнула и снова грозно зарычала, прыгая на стену. Лена судорожно раскрыла первую попавшуюся коробку, схватила сразу два пирожных и бросила подальше от стены, в сторону дома, надеясь, что, пока собака будет ими лакомиться, ей удастся соскочить со стены и выбраться отсюда через калитку. Лене очень не хотелось, чтобы доктор Банников, услышав рык собаки, вышел из сарая и застал её в таком неприглядном положении.

— Ну, иди, жри! — громко прошептала Лена. — Подавись моими пирожными!

Но пёс оказался неподкупным! Он даже не посмотрел в сторону лакомства и, заливаясь громким лаем, стал кидаться на забор, пытаясь ухватить Лену за ноги. Ему это почти удалось, и Лена закричала:

— Ой, мамочки! Помогите! Спасите!

Из сарая выскочил обеспокоенный Банников. Он отогнал пса, а потом посмотрел на стену. Увидев Лену, доктор оторопел:

— Вы как сюда попали?

— Залезла... — повинным голосом ответила Лена.

— Вижу, что залезла... Как попали сюда... вот сюда, в этот двор?

— Заблу... заблудилась, — нелепо соврала Лена.

Её слова заглушил неистовый лай собаки. Ещё бы! Такого вранья даже зверюга не выдержала. Банников прикрикнул на собаку, чтобы умолкла, а потом обратился к Лене:

— Сидите спокойно. Я сейчас привяжу пса и помогу вам слезть.

Кликнув собаку, Банников пошёл к дому и там привязал её. Вернувшись к забору, он протянул Лене руки:

— Ну, прыгайте, не бойтесь, я подхвачу.

Оказавшись на земле, Лена залепетала в оправдание:

— Я тут ходила... Не знала, в какой стороне санаторий... И вдруг вы... Я за вами... А тут эта собака... А вы?..

— Ну, допустим, — как-то странно сказал Банников и не менее странно посмотрел на Лену. Последний её вопрос мог означать, что ей интересно, зачем он-то сюда пришёл! Доктор, чтобы успокоить девушку, пояснил:

— Я вчера поздно вечером оставил здесь машину, чтобы мастер посмотрел, почему мотор застучал. Теперь всё готово, можно ехать. Я вас подвезу к санаторию.

— А где же...

— Что? — не понял доктор.

— Мастер?

— Я его по дороге к трамваю потерял. Он кого-то встретил, остановился, а я потихоньку пошёл вперёд. Потом сколько ни оглядывался, так и не увидел его. Но у меня есть ключ от гаража. Я, когда только сюда приехал, купил машину и арендовал у него этот гараж.

— Сарай, — поправила Лена.

— Да, сарай, но хозяин приспособил его под гараж.

— А сейчас тоже машину здесь держите? — не унималась расспрашивать Лена.

— Нет. Тогда я и комнату снимал в соседнем доме, было удобно держать здесь машину. А сейчас гараж этот далеко от меня, поэтому оставляю машину на ночь около своего дома. Но, когда нужна техническая помощь, еду к своему мастеру, — охотно рассказывал Банников, будто и не было совсем недавно нелепого случая с Леной.

Он вывел машину и стал закрывать гараж. Лена тайком оглядывала салон, но через тонированные стёкла невозможно было разглядеть пакет, с которым Банников сюда шёл. Наверное, в сарае оставил. Спрятал? А что там такого, что его нужно было спрятать? Несмотря на пережитый страх, на нелепость, в которой она оказалась, Лена не потеряла азарта к детективным поискам.

В это время появился хозяин дома. Он был явно под хмельком и неуклюже протискивался через калитку, хотя ворота уже были открыты Банниковым, собиравшимся выехать. Увидев доктора, хозяин громко заговорил:

— Александр Палыч! Ну, как же вышло-то? Ну, потерялся! А вы уже и не один! Хорошая девушка...

— Она тоже потерялась, — перебил его Банников, с усмешкой глянув на Лену. — Помогу ей добраться до санатория. А вы... В общем, потом посмотрите... пакет... Я оставил в гараже.

Машина выехала в переулок. Лена не решилась больше ни о чём расспрашивать доктора, и всю дорогу до санатория они ехали молча.

Продолжение следует.

* * *

За околицей молится матушка Русь.
Перелески, поля и опять перелески,
проливные дожди и рассветная грусть
в той молитве её бессловесной.

За ушедших солдат, обещавших: «Вернусь!»,
за суровые слёзы на бабьих ресницах
за околицей молится матушка Русь.
Не пора ли и нам за неё помолиться?

* * *

Она рассуждала о Ницше.
Носила строгий жилет.
Любила кофе с корицей
И не любила балет.

Холодная, как икона.
Но вечером у огня
Всегда ждала почтальона
И иногда меня.

Я был бесконечно счастлив,
Но счастлив не напоказ,
Что очевидно причастен
К надменному блеску глаз.

«И только не надо жалости!» —
Подсказывал мне огонь.
Но было не удержаться —
И тронул её ладонь.

**ОЛЕГ
ВОРОПАЕВ**

Поэзия

Поднялась: «Пора прощаться...»
И рассмеялась в ответ.
Мне было тогда семнадцать
К тому же неполных лет.

* * *

Мой день туманится, как памятный октябрь,
в котором умирают наважденья,
и месяца стремительный корабль
взрезает небо лезвием форштевня.

В той бесконечности, где мглу сменяет мгла,
безмерному безумию в угоду,
лишь ты со мною связана была
томительными узами природы.

Хмельное таинство — язвительный обман,
неосторожно выбранный любовью...
Но плыл и плыл над городом туман
неузнанный, непонятый, холодный.

* * *

Всё та же старая ограда.
И тех же палых листьев дым.
Калитка скрипнула у сада.
Я снова здесь. И я один.

Бегут, здороваются дети:
«Приветик, дядь!» — «И вам привет!»
А я хотел её здесь встретить,
Хотя её давно здесь нет.

Давно она уже чужая.
И я другою дорожу.
Но почему-то приезжаю.
И почему-то прихожу.

* * *

В ведах луны,
в переменчивости,
Боже, храни
от доверчивости

к прошлым местам,
что не доснулись нам,
к ложным устам
в логове илистом.

Слёзы луны
не удержать в горсти.
Боже, храни
от беспамятности.

* * *

А счастье не терпело рифм.
И мы делили крохи
в квартирах у подруг твоих
пустых и одиноких.

Очередной аперитив
закусывали страстью.
А счастье не терпело рифм,
и было просто счастьем.

КОЛДУНЯ

Чудо как хороша колдунья! —
не полюбит — так приворожит,
и пригрезится в мире подлунном
белый камень, что вкривь лежит.

А на камне том чёрный ворон —
птица вещая на Руси.
Ах, колдунья, уж князь не молод,
если можешь спасти, — спаси!

Крикнет ворону князь: «Иди ты!..»
Под копытами брызнет грязь.
А быть «ранену иль убиту»,
то не ведает старый князь.

Меч изрубленный. Норов гордый.
Каплет кровь, оставляя след.
Ни живой воды и ни мёртвой
у колдуни для князя нет.

ДОРОГАМИ САРМАТИИ

Главы из романа

— 1 —

Лагерь сарматов напоминал растревоженный термитник, где любому постороннему, попавшему в его пределы, наверняка не поздоровилось бы. Однако стражники, расположившиеся по периметру стана и глазевшие на чудеса, творимые мастерами боевого искусства, не обратили внимания на одинокий лисий хвост, промелькнувший в зарослях и скрывшийся в подлеске у самой рощи. Никто из них даже на мгновение не задумался, почему все твари степные спешат покинуть это шумное место, приглянувшееся воинам для случайного привала, а какая-то коварная рыжая плутовка по собственной воле ринулась в самый центр тягостного человеческого присутствия? Лисица, бегущая на звон стали, могла бы привлечь сейчас внимание разве что Великого Ардара, но...

**ЕКАТЕРИНА
ПОЛУМИСКОВА**

Проза

Айяр расположился под раскидистым крепким дубом, самым старым и высоким из деревьев в роще, прислонился к его шершавому, сильному стволу, а подле положил щит и шлем. Ни с акинаком, ни с боевым луком, а тем более — с длинным заплечным мечом, украшенным рубином, он не расставался никогда. Завернувшись в широкий плащ, подбитый лисьим мехом, и опираясь на древко боевого копья, он пытался обуздать растревожившее душу смятение, чтобы в полном уединении собраться с мыслями и обратиться к Арте. И не заметил, как на мгновение смежились веки, и то, что он бы никогда не отважился высказать Божеству Истины вслух, явилось в мимолетном видении, четко и неотвратимо, как будто сам Арта прочитал его помыслы и чувства.

Айяр увидел белое и невесомое, как козий пух, облако, из которого явилась перед ним девушка — сиракенка с длинными золотыми волосами и венком из желтых горичветов на голове, который почему-то превратился в жреческую корону. Он попытался рассмотреть её лицо, но оно было словно в тумане. И тогда он позвал её по имени — Ариана, уверенный, что это она, его возлюбленная, его суженная, дочь царя Зорсина, которой он поклялся хранить верность и мечтал сделать своей женой после возвращения из похода. Он почувствовал, что улыбается ей, а она щекочет ему лицо длинной травинкой и вдруг превращается в старую и безобразную верховную жрицу Акмайю. Затем и этот образ исказился, приобретая мужские черты. Он увидел чью-то мускулистую смуглую руку, которая потянулась к нему, чтобы задушить.

Пробуждение было внезапным, как бросок азиатской кобры. Айяр мгновенно раскрыл глаза и схватил за горло того, кто сидел на корточках прямо перед ним, повалил наземь, прижал грудь коленом, обнажил акинак и занёс его над незнакомцем.

Только хрип жертвы заставил его стряхнуть остатки грёз:

— Ай-я-я-р! Это же я-я...

— Фариан — Огненный Лис?

Айяр опустил клинок и разжал пальцы, сжимавшие горло нарушителя спокойствия, а окружившим их воинам жестом приказал разойтись.

Кашляя и всё ещё задыхаясь, Фариан едва смог выговорить:

— Я...я...ястреб сначала высматривает добычу, а уж потом распускает когти! В моих руках ведь нет оружия!

— Ты что, проверял мою бдительность? Доволен?

Айяр остыл и уже не слишком сердился на своего бывшего лучшего приятеля, ординарца и посланника царя Зорсина. Он протянул ему руку и легко, как обронённый с воза глиняный кувшин, поднял и поставил на землю. Но, взглянув на покрасневшее от удушья лицо Огненного Лиса, смягчился и добавил:

— Такое видение испортил... Ариана! Скажи, так ли она теперь хороша наяву, как в моих грёзах?

Фариан казался почти на голову ниже ростом, чем Айяр, и не такой сильный, но ловкости и проворства ему было не занимать. К тому же, он был не по годам умен, и когда захотел отправиться в поход вместе со всеми, Зорсин оставил его при

себе. Огненным Лисом его прозвали за пламенно рыжий, почти красный цвет волос, из-под непослушных прядей которых искрились то бесстыдно смелые, то лукаво смеющиеся темно-янтарные глаза. Ещё будучи мальчишками, они с Айяром частенько охотились на лисиц в окрестностях Успе¹ и как-то поймали двух рыжих хищниц, а затем их золотистыми хвостами украсили Фариан — шапку, Айяр же — своё боевое копьё.

Фариан знал до мельчайших подробностей трогательную историю детской привязанности царевны Арианы и юного воина Айяра, и даже поклялся во время отсутствия друга по возможности оберегать её от опасностей и слишком настойчивых юношей из других родов племени. Огненный Лис с честью выполнил обещание. Но ему всё ещё хотелось пощекотать Айяру не только нос, но и нервы. И потому он быстро ответил:

— Не представляю, что тебе пригрезилось, но наяву Ариана прекрасна, как луна сегодня в полнолуние, как восходящее солнце над степью, как звезда Анахит²... Ей уже пятнадцать. Как ты мог оставить беззащитную овечку среди волков совсем одну на целых четыре года?

— Ещё слово — и я тебя убью, — понизив голос, мрачно произнёс тот, поднимая с земли шлем и щит.

— Прости, друг, — Фариан широко и совершенно искренне улыбнулся, обнажая ровные жемчужные зубы. — Добро пожаловать в Сиракену!

¹ Успе — столица Сиракены, название означает «вода», «колодец» или «степная река».

² Анахит — древнее божество плодородия, а также одно из названий планеты Венеры.

— И я рад, — отозвался Айяр, но тут же снова нахмурился, — а что всё-таки произошло? Почему ты здесь?

— Пока — ничего. О твоём скором возвращении сообщила Зорсину жрица Акмайя ещё в новолуние, и царь приказал мне встретить тебя. Кстати, правда ли то, что оба царевича убиты, а ты теперь — Великий Ардар?

— Да, это правда... Но откуда тебе известно?

— Акмайя — всё же Великая Жрица, — вздохнул Фариан, — от такого видения она занемогла, а Зорсин отправился в Боспор³ разводить дипломатию. Мне нужно передать тебе его послание на словах. Ты не хочешь прогуляться вокруг лагеря?

Фариан рукой указал место, где он оставил коня. Айяр же тихонько свистнул, и его великолепный вороной скакун по имени Арн тут же вылетел на зов из-за деревьев.

Они поехали медленно вдоль ручейка, изливавшегося из заросшего озерца и терявшегося где-то в оврагах, которыми была изрезана степь. Фариан искоса поглядывал на друга детства, удивляясь, как возмужал и окреп он, какой силой налилось его статное, загорелое тело, и даже с завистью заприметил на левой руке, возле локтя, и на правой кисти темно-розовые, ещё свежие шрамы — боевые отметины, которые среди воинов всегда ценились чуть ли не выше символов принадлежности к царскому роду.

Айяр, также внимательно следивший за своим спутником, не без удовольствия ловил эти восхи-

³ Боспорское царство — рабовладельческое государство на восточном побережье Черного моря.

ценные взгляды. Но, не подавая вида, как ни в чём ни бывало, он погладил коня по загривку и миролюбиво произнёс:

— Знаешь, Фариан, я ведь берёг Арна до того самого дня, как мой гнедой верный Тар был смертельно ранен копьём. В том бою погибли сыновья царя Зорсина Варт и Армант... Славная была битва. А следующим утром я проснулся совсем другим человеком. Слишком многих братьев мы тогда потеряли...

— Расскажи, как погибли царевичи.

— Мы приняли вызов, хотя уже порядком изматались, когда, гоняясь за разрозненными отрядами парфян и мидян, кружили на открытом плато. Парфянам во главе с царём Артабаном, решившим отомстить Фарасману за поражение и тяжёлое ранение своего сына Орода, удалось собрать свежие силы, заманить нас в ущелье и ударить с двух сторон, да и лучники с копьёметателями били со скал. Варта настигла стрела, угодив прямо в шею между концами гривны, а его конь рухнул так же, как и мой, сраженный копьём. Мы с Армантом решили вырваться из ловушки на ровное место и разделились на два фланга. Царевич под градом стрел выдавил их наружу из ущелья. Я, прорвавшись с конницей на ту сторону, прижал их к скалам. Парфяне не выдержали натиск и рассеялись, но на обратном пути устроили нам засаду. С гор полетели камни. Конь Арманта споткнулся под градом камней, и на царевича обрушился кусок скалы... А затем, по воле Совета Ардаров, я возглавил сарматское войско.

— Когда Зорсин вернётся из Боспора, мы справим богатую тризну в Святылище Чёрных Жриц, — опутив голову, произнёс Фариан.

— Останки царевичей и других наших воинов покоятся в горной пещере, в Парфии. Мы похоронили их с почестями, которых они заслуживали, и в тайне от парфян, которые предпочитают скармливать птицам своих умерших героев. О, великий Арта! Ты взял в свою небесную свиту лучших из лучших!

Фариан помолчал, но затем быстро оглянулся вокруг и, словно спохватившись, торопливо заговорил:

— А теперь слушай, что велел передать тебе царь. После смерти Аспурга⁴ боспорский престол был уже обещан Калигулой фракийскому царевичу Полемону. Но его родной племянник Митридат Боспорский, старший сын и наследник Аспурга, прошлой осенью, как ты помнишь, спешно покинувший ваши ряды и неожиданно вернувшийся из Парфии, не подчинился, не впустил царевича в пределы Боспора и сам взшел на престол без римского благословения.

— Калигула... Хм... О его безумствах и бесчинствах уже успели сложить легенды. Достойный преемник Тиберия⁵!

— Он молод и своенравен, а по кровожадности, пожалуй, не уступит своему деду Тиберию. К тому же, Полемон — совоспитанник Калигулы и младший брат Гепеирии, боспорской царицы, матери Митридата. Она ведь наполовину римлянка по крови.

— Калигула уже низвел с престола одного царя Армении и возвел другого, своего ставленника.

⁴ Боспорский царь, умер в 38 г. н. э.

⁵ Римский император с 14 по 37 г. н. э. В его правление был распят Иисус Христос.

Я слышал об этом от Фарасмана. Это ведь его родной брат, ибериец Митридат, занимавший армянский трон, был брошен в темницу по приказу Калигулы.

— Похоже, римские цезари ненавидят всех царей по имени Митридат! Это у них — в крови, — усмехнулся Фариан. — Говорят, Митридат Евпатор⁶ в свое время причинил римлянам такую головную боль, что одно только имя его теперь способно сыграть роковую шутку с теми, кто теперь его носит.

— Евпатор объявил тогда войну не только римлянам, но и собственному царству, городам и народам, своим детям и, наконец, самому себе!

— Что поделать, наверное, великий Митра, Бог Солнца, в честь которого боспорский царь получил своё имя, иссушил ему мозги. Да и у римских цезарей от частых мигреней теперь случаются приступы безумия, — многозначительным шепотом произнес Фариан, имея в виду, конечно, Гая Цезаря Калигулу.

— А наш-то нынешний Митридат Боспорский был в своём уме, когда садился на престол? Я думал, что он мечтает стать великим воином, а не имперским прихвостнем, когда отправился вместе с нами на парфянскую войну.

— Если бы Митридат Боспорский, этот дальний родственник Митридата Армянского и Фарасмана

⁶ Царь Боспора и всего Понта (134–63 гг. до н.э.), деспотичный и коварный. Знал 22 языка. Правил в 121–63 гг. до н.э. Потерпел поражение от римского полководца Помпея (на стороне римлян с Митридатом сражался фракиец Спартак, будущий предводитель восстания рабов в 73–71 гг. до н.э.). Казнил своего младшего сына и жену. Велел телохранителю убить себя мечом, чтобы избежать пленения в Пантикапее.

Иберийского, не отправился вместе с сираками в поход, то Дербентские Ворота захлопнулись бы перед самым вашим носом, как перед ринувшимися было за вами следом аорсами. Иберы не доверились им.

— И зря. Если бы не жадность Фарасмана и не гордыня Зорсина, приручавшего Митридата с детства, как ловчего сокола, мы бы все вместе на голову разгромили парфян.

— Не думаю, ведь Эвнон⁷ тоже не любит делиться. К тому же, он получил дар от парфян, обязывавший его либо драться на их стороне против вас, либо вообще не вступать в конфликт, что он и сделал.

— Что случилось, то случилось. Не хватало нам ещё всерьёз перессориться с аорсами! Помнится, Митридат спешно вернулся в Боспор, но не успел застать живым отца. Ведь так?

— Не успел. Зато он премного удивился, когда застал на троне свою мать Гепепирию.

— Я слышал, что царя будто бы отравили. И Митридат подозревает именно свою царственную мать...

— А вот это уже не наше дело. Он дружен с Зорсином и обещает сиракам, кроме выхода к морю, другие неограниченные привилегии...

— Думаю, Митридат Боспорский непременно накличет войну. Кому нужны в Риме строптивые государи и независимые царства на границах с отдалёнными провинциями империи?

— Царь Зорсин тоже так думает, но разве война — не наше ремесло? Тем более, выгода налицо!

⁷ Эвнон — царь аорсов. Его имя на славянских языках звучит как Иван.

— От твоих слов, Фариан, несёт падалью! — вдруг с жаром выпалил Айяр, натянув поводья.

Конь выгнул дугой шею, захрапел и загорцевал под своим седоком.

— Ты устал — понимаю. Но в Сиракене найдутся и другие умелые воины, — осторожно продолжил Фариан.

— Вроде тебя? Я видел римлян в Иберии, при дворе царя Фарасмана, и не понаслышке знаю, как империя сталкивает лбами народы и целые государства. Это их суть, их способ управлять другими. *Divide et impera!*⁸ Я не хочу, чтобы нашу землю и землю наших добрых соседей аорсов усеяли нашими же костями. Там, где насмерть бьются двое, всегда выигрывает гриф-стервятник.

Фариан не без удивления внимал речам ардара, который вернулся из похода не только возмужавшим и физически окрепшим, но и поумневшим, познавшим чужие языки и жизнь других народов, с которыми ему пришлось столкнуться в походе. Хотя царь Зорсин также свободно изъяснялся на ромейском и греческом, но Айяр вдобавок мог довольно сносно говорить на иберийском, ассирийском и на одном из иранских наречий, на котором говорили парфяне.

Огненный Лис прищурился, внимательно взглянул на ардара и затем только решился задать свой вопрос:

— А знаешь ли ты, друг, что шёлковые караваны всё реже идут по берегам Аоры⁹ и Дона, и что у Боспора уже не хватает ни золота, ни оружия,

⁸ Разделяй и властвуй! (лат.)

⁹ Аора — древнее название Волги.

чтобы расплатиться с аорсами¹⁰ за сопровождение и охрану купцов? Ведь китайские императоры совсем не благоволят к торговому люду, не считая достойным их занятие! Их караваны нужны разве что боспорской и римской знати.

— Какое нам до этого дело?

Фариан помолчал, затем медленно произнёс:

— Айяр, ты должен понимать, что римляне рано или поздно хлынут на северо-восточное побережье Понта Эвксинского, и тогда нам не видать ничего, кроме вытопанных боевыми конями и скотом, выжженных солнцем голодных степей. И нам придется наниматься в римские легионы, чтобы прокормить свои семьи. Либо мы поможем Митридату, либо останемся в жесткой изоляции на долгие годы. Зорсин ещё не так стар, но сбывшееся пророчество о смерти сыновей подкосило его. Зато ты молод и уже достаточно опытен в боевом искусстве. Ардары пойдут за тобой, и, взяв в жены Ариану, ты примешь царство из рук Зорсина.

Огненный Лис, когда говорил эти слова, имел в виду и другое. Смерть сразу двух сыновей царя Сиракены оставляла вопрос о наследовании его престола открытым. Старший из царевичей был женат на аорсиянке, а младший — на дочери знатного сиракского скептуха из Рода Волков. Трон мог перейти либо к ближайшему родственнику Зорсина из Рода Вепрей, например, Айяру, в случае женитьбы его на дочери царя Ариане из того же рода, либо Зорсин должен был взять себе новую моло-

¹⁰ Название родственного сиракам сарматского племени, населявшего берега Аоры (Волги), возможно от «augusa» — белый (скиф.) или «wors» — белый волос (осет.).

дую жену из другого сарматского рода или племени, способную родить ему наследника. И тогда Айяр даже в случае согласия Зорсина на его брак с Арианой не мог претендовать на царский трон.

Но Великого Ардара сейчас волновал вопрос о свадьбе с Арианой, а достанется ли ему в приданое Сиракена — он особенно не задумывался. Ему казалось, что со своим непобедимым мечом в руке он и так сможет добыть и положить к ногам любимой весь мир. А трон и скипетр — это удел слабых и одержимых властью.

— Надо же, как заманчиво, — усмехнулся Айяр, — но мне дороже хрупкий мир с аорсами, нашими братьями по крови, чем имперские заговоры и вся эта суета вокруг трона Митридата.

— А ты уверен, что аорсы, если придётся, выберут в друзья сираков, а не римлян?

Айяр задумался, наклонив голову, затем ответил:

— Арсия из рода Вепрей, единокровная сестра Зорсина — вот уже двенадцать лет царица, жена царя аорсов Эвнона. Неужели ты думаешь, что Эвنون предпочтёт изменить законам степного братства и пойдёт на союз с римлянами?

— Прости, Айяр, пока тебя здесь не было, в мире кое-что изменилось. В прошлом году по нашим землям прокатилась засуха и неурожаи. Степь горит, реки пересохли, скот погибает от бескормицы и жажды, а дичь уходит в предгорья или на север, за Дон. Теперь наша жизнь стоит дорого. Дороже, чем абсолютная свобода от римлян. Эвنون даже не скрывает, что он думает об этом.

— Хорошо. Я поразмыслю над твоими словами, пока в Успе не вернётся Зорсин. Но где твои

всадники, не один же ты бродишь по степи? Как ты проскочил мимо лагерной стражи?

Айяр пристально вглядывался в окружавший их ландшафт, но никого не видел — ни коней, ни бликов на железных шлемах и наконечниках копий, ни даже следов от копыт на траве. Фариан самодовольно улыбнулся и кивнул в сторону небольшого оврага, затем присвистнул.

В тот же миг пучок стрел с визгом прошил воздух, вонзившись в землю у самых копыт Арна, а из травы во весь рост поднялись воины, вооруженные секирами и боевыми луками. Из оврага показались всадники — десятка два, и приблизились на расстояние, с которого могли поразить любую цель, метнув свои копьё¹¹.

Айяру ничего другого не осталось, как приветствовать соплеменников, так искусно скрывавшихся в невысоких зарослях и не позволивших себя обнаружить даже зоркому оку знаменитого ардара-Ястреба. Он поднял над головой копьё с лисьим хвостом у основания тяжелого наконечника и подумал про себя, что прежде, чем начать тренировать породистых трофейных коней скакать в новых, тяжелых железных доспехах, неплохо бы научить их сначала ложиться на бок в траву и прятаться от взгляда противника, как это делали его предки-степняки. И ардар пригласил воинов, поразивших его своим умением таиться в засаде, примкнуть к основным силам сиракского войска и расположиться на ночлег. Сам же он в сопровождении друга направился дальше, в степь.

¹¹ Примерно 50 метров.

* * *

Некоторое время приятели хранили молчание, которое Фариан прервал со вздохом:

— И всё же, сегодня Арта оказался на нашей стороне...

— Знаешь, Фариан, когда я впервые увидел на знамёнах парфянской конницы, ринувшейся на нас, изображения драконов, я подумал, что они просто хотят подразнить наших богов и поиздеваться над памятью наших предков. Но Арта, Дух Справедливости, наказал их за лицемерие и лживость помыслов. Они молили всех своих богов, чтобы мы поскорее убрались с их земли. Но нам не нужна их земля. Мы добились честной победы, великой славы и ушли. И каждый заплатил свою цену. Мы, потеряв своих братьев по крови и оружию, они — кровью своих воинов, разрушением столицы и богатым выкупом. Так было угодно Арте!

— Похоже, кровавые жертвы — самая расхожая плата на сегодняшний день. Но почему же, возвращаясь домой, вы не привели ни одного каравана? Или купцы нам не доверяют, как доверяют аорсам и боспорцам?

— Парфия закрыла границы для азиатских купцов. Несколько караванов всё же пробилось в Иберию, и царь Фарасман разрешил им в сопровождении полсотни наших воинов пересечь страну и через Колхиду выйти к понтийским портам. Но пока они ожидали своей участи, им пришлось спустить половину товара, чтобы расплатиться за путешествие. Ни один купец не назовет такой

расклад выгодным. Кстати, через полгода, после осеннего равноденствия, эти купцы соберутся в обратный путь, и мы условились, что мои дружины встретят их и будут сопровождать из Зихии через перевалы к берегам Антикаты, чтобы дальше пройти по земле Сиракены и, обогнув Каспий с юга, пробиться в Согдиану, а затем — в Бактрию. Думаю, стоит рискнуть.

— Ну, что ж, Айяр, возможно, это будет последний караван.

* * *

Наступал пятнадцатый день месяца мая.

Перед рассветом Айяр, крепко проспавший остаток ночи, прижавшись к Фариану и завернувшись в плащ с лисьим мехом, один на двоих, как когда-то в детстве, раскрыл глаза от яркого света. Это сияла полная луна, склонившаяся к западу и вскоре готовая исчезнуть за горизонтом. Но что-то в ней не понравилось Айяру. Это была тень, омрачавшая лик ночного светила и не сулившая никому на земле ничего хорошего. Начиналось затмение...

Ардар не стал поднимать войско, а тихонько толкнул Фариана в бок. Тот сразу понял, в чём дело, и сел, озабоченно протирая заспанные глаза, как будто этим мог исправить невесть откуда взявшийся небесный изъян.

— Как бы война за боспорский трон не началась раньше, чем мы с тобой предполагали, — озабоченно зашептал Фариан.

— Луна покровительствует женщинам. На этот раз одна из царственных особ Боспора, по-види-

мому, затеет крупную интригу, — пожал плечами Айяр.

Возглавив войско сираков и взяв на себя походные жреческие функции, он уже стал рассуждать как жрец.

— Говорят, есть в мире женщины, способные перевернуть не только царства, но и целые империи, — загадочным шепотом произнёс Фариян.

— Об одной я уже, кажется, слышал. Это — сестра Калигулы Агриппина.

— А не слышал ли ты ничего такого о Мессалине, жене Клавдия, дяди Калигулы?

— Болтают разное, но это мало касается империи, скорее — чести самого Клавдия. Это — его семейные проблемы и ничего более. Но кто мог бы стать третьей?

— Без сомнения, это — мать Митридата Боспорского, Гепепирия. После смерти своего мужа царя Аспурга она мечтала сама управлять царством. Но ни её сын Митридат, ни сам Калигула не позволили её этого сделать.

— Что за порочное желание — управлять царством? — тихо, чтобы не разбудить товарищей по оружию, рассмеялся Айяр.

— Я видел эту царицу своими глазами, — прошептал Фариян. — Она — настоящая Ехидна, можно сказать, боспорская Клеопатра римско-фракийских кровей! Но Митридат выкинул её с трона, как нашкодившую кошку. Она ему этого никогда не простит.

— В одном ты прав, Фариян. Дело движется к войне...

* * *

Расставшись на утро с Фарианом и предоставив ему возможность срочно передать Зорсину всё сказанное и увиденное при встрече, Айяр во главе небольшого отряда, обходя посёлки и городища, поспешил в столицу Сиракены, город Успе. Войско же разделилось, и основная часть его направилась в восточные степи, чтобы разбить летний лагерь и начать тренировки боевой конницы. По традиции, сарматы должны были передать всё свое умение молодым воинам, ещё не имевшим опыта в сражениях. К тому же, обучение и выездка боевых коней не должны были прерываться ни на день, иначе лошади могли одичать, гуляя в табунах на свободе, и их пришлось бы объезжать заново. Лошадям же, пригнанным из похода, предстояло пройти жесткий отбор на пригодность и стать либо не стать боевыми.

Путь в столицу пролегал через самое сердце Сиракены. И дружина Айяра отправилась к Святылищу Душ в Долину Мертвых, чтобы доставить Черным Жрицам богатые жертвенные приношения для совершения затем в присутствии царя Зорсина и ардаров родов и племён тризны по погибшим соплеменникам. А затем Великий Ардар намеривался сопроводить в столицу повозки с дарами для царской семьи и новым вооружением для катафрактариев¹². Тяжелая конница уже состояла в рядах римских войск, но латы для воинов и лошадей изготавливались из бронзы, мягкой и лёгкой,

¹² Всадники тяжелой кавалерии (лат.), были защищены, так же как и их лошади, цельнометаллическими либо чешуйчатыми латами (катафрактами) из бронзы.

которая являлась скорее блестящим, показным украшением, а вовсе не грозным оружием. Айяр замыслил вооружить сарматских всадников стальными латами, длинными мечами и массивными копьями, чтобы сделать напор конницы, сочетающей в себе тяжесть металла и скорость движения, неотразимой ударной силой для любого противника, особенно на степном просторе, где можно было развернуться и разогнаться.

Он часто вспоминал, как ещё в далёком детстве с матерью гостил в лагере у аорсов, на берегу озера Лик. Его мать, аорсиянка по рождению, была дружна с царицей Арсией и присутствовала вместе со знатными сираками на ежегодном Совете Племян. Отец Айяра происходил из знатного сиракского рода Вепрей. Близкий родственник Зорсина, он погиб в предыдущую парфянскую кампанию. А воины передали его сыну замечательный тяжёлый меч с рубином на рукояти, с которым тот никогда не расставался при жизни. Торжества в аорской степи длились несколько дней, сопровождаясь по традиции играми воинов, конными состязаниями, соревнованиями в меткости стрельбы из луков, метании дротиков, боями на мечах и секирах.

Но в последний день торжеств, утром на рассвете мальчик проснулся от далёкого конского топота и покинул шатёр. На горизонте показалось облако пыли, но когда оно развеялось, его удивленному взору представились необычные всадники, словно летевшие по гребню холма не на лошадях, а на крылатых драконах. Это было грандиозное зрелище, потрясающее своей необычностью и мо-

щью. Кони и всадники были облачены в объемные накидки, сшитые из материи, кусков тонкой кожи и разноцветного натурального шелка, при быстром беге коней раздувавшиеся на ветру и походившие на большие крылья с острыми краями. Более того, концы этих крыльев, наполненные воздухом, издавали свистящие на все лады, громкие и резкие звуки благодаря небольшим бронзовым и тростниковым трубочкам, закрепленным на них. Морды коней, их шеи и крупы также были прикрыты накидками с закрепленными на них бляшками из рога и бронзы для защиты от стрел. Очертания всадников и коней словно размывались, их размеры и форма менялись при движении, они казались огромными великанами, восседавшими на сказочных чудовищах и летевшими вместе с предрассветными облаками.

Боевая конница аорсов представляла собой реальную грозную силу, потому что никто и никогда из представителей других земель и племён, не принадлежавших к сарматскому союзу, не видел этих дружин, тщательно скрывааемых аорскими скептухами. Такое зрелище могло стать последним в жизни тех, кто дерзнул бы сойтись с аорсами в конном сражении. Несколько раз аорсы выставляли своих «летающих драконов» против отрядов гуннов, прорывавшихся с востока на северные прикаспийские равнины. Незванные гости в ужасе бежали, увидев наводящих суеверный страх, свистящих крылатых зверей, и даже не рискнув приблизиться к ним на расстояние полёта стрелы. Тех же храбрецов, которые решились на ближний бой с невиданными доселе чудовищами, сбросили на землю и по-

топтали собственные кони, взбесившиеся от одного их демонического вида и страшных, свистящих и хлопающих звуков, сопровождавших взмахи разноцветных крыльев.

С тех самых пор Айяр поклялся самому себе создать не менее грозную конницу, не уступающую аорсам в оригинальности, красоте и боевых качествах. Он уже представлял себе, как могучие катафрактары в сверкающих на солнце стальных латах, верхом на рослых и сильных конях, защищенных сплошными стальными пластинами, в плотном окружении других воинов, облаченных в более лёгкие, чешуйчатые бронзовые доспехи и кольчуги, с длинными копьями наперевес, врезаются в ряды неприятельской конницы и опрокидывают её. А тех же, кто решит продолжить бой пешими, окружают и добивают остальные дружинники, вооруженные конными мечами. Теперь же, в случае получения одобрения царя и главных ардаров всех родов и племен, сиракам могла представиться такая возможность.

Айяр не знал, что случилось с его матерью — однажды она не вернулась с охоты. Поговаривали, что на неё напал медведь, но посланники царя Зорсина не обнаружили в окрестностях Успе её тела, а сопровождавшие отважную воительницу охотники рассказали невероятную историю. Когда они преследовали в лесу раненого кабана, из чащи на тропинку выбралась огромная чёрная медведица, поднялась во весь рост и так ужасно заревела, что лошади взвились на дыбы и отказались повиноваться всадникам. Только мать Айяра по имени Сайя с воинственным кличем подняла над головой

копьё и направила своего бесстрашного коня прямо на зверя. Конь захрапел, ударил копытами землю и перемахнул через медведицу, которая на тот момент опустила на четыре лапы. Сайя исчезла из вида и, как оказалось — навсегда. А воспитанием мальчика с тех пор занимался царь Зорсин и жрица Акмайя.

* * *

Айяр добрался к Долине Мёртвых к исходу следующего дня. Следуя вдоль русла реки, он продвигался по левому берегу на север до того самого места, где два огромных каменных изваяния возвышались по правую руку на склоне холма. За ними начиналась священная земля, на протяжении столетий служившая сиракам и их царственным предкам — скифам и савроматам — последней пристанью. Проходить через эти Каменные Врата без особого благословения Черных Жриц не дозволялось никому — ни царям, ни воинам, ни простым смертным, ни даже Белым Жрицам во главе с Акмайей, и уж тем более — чужестранцам. Пленники и провинившиеся соплеменники находили здесь страшную мучительную гибель у жертвенных столбов. На этой же земле совершались великие тризны с богатыми жертвоприношениями в честь не вернувшихся из походов скифских, а затем и сарматских вождей.

На расстоянии полёта стрелы от Каменных Ворот путь дружине Айяра преградил отряд Черных Лучников. Узнав, с какой целью к Святилищу приблизились сарматские воины, стражники молча

поклонились Великому Ардару и жестом показали, что он в полном одиночестве может продолжить движение, но перед тем, как подняться по склону к Столбам, ему всё равно придётся спешиться и подождать, пока Жрицы не подадут ему знак. Если они намерены принять дары и говорить с предводителем войска, Айяр пройдёт между каменными глыбами целым и невредимым, вместе со своей драгоценной ношей. Ежели боги не благоволят к нему сегодня, то мимо столбов даже летучая мышь не пролетит.

Айяр слышал не раз, как разгневанные души предков ударом молнии испепеляли на лету и на бегу несчастных живых существ, вздумавших пролететь или проскользнуть через Каменные Врата. Поэтому, повинаясь обычаям, он взял из рук своих приближённых кованый ларец с драгоценностями, кожаный мешок с оружием, принадлежавшим погибшим в Парфии царевичам, и направил своего коня к подножию холма.

Издали Каменные Столбы казались вполне безобидными нерукотворными изваяниями из замшелого, омытого ливнями песчаника, и походили на два огромных куска скалы, сброшенных с кавказских вершин, а быть может — ещё более дальних неведомых гор, древним великаном-небожителем для напоминания живущим о всеилии бессмертных богов.

Но, подъехав поближе, Айяру эти камни стали напоминать развалины древней триумфальной арки. Настолько правильным, цилиндрическим по форме, ровным и гладким оказался западный столб, с плоской, почти круглой вершиной, по-

хожий на гигантское, вертикально стоящее полено. Восточный столб был чуть крупнее и выше первого, составляя примерно три человеческих роста, а обхватить его могли, пожалуй, не меньше десяти человек. Эти причудливые каменные исполины из серо-жёлтого песчаника от времени покрылись пятнами жёлтых, бурых и чёрных лишайников с буграми бархатно-зелёных мхов, довершив затейливую, кропотливую работу искусного художника — степного ветра, обточившего их поверхность, на которой образовались складки, а местами прорезались щели, обнажив внутренние пустоты и пазухи.

Присматриваясь к очертаниям священных изваяний, Айяр вдруг почувствовал, что один из столбов словно ожил и стал менять на глазах свой облик, превращаясь то в огромного слона, то в уродливого сторбленного старца, то в неведомого доселе зверя. Холодок пробежал по спине бесстрашного воина, потому что от гнева каменного чудовища не мог помочь ему ни верный меч, ни материнский талисман, ни мольба божественному Арте, власть которого за этими воротами заканчивалась, уступая место безымянным и безликим духам смерти.

Солнце коснулось земли в тот миг, когда Айяр спешил и стал медленно подниматься по склону, цепляясь плащом за колючий кустарник и крепко сжимая в двух руках дары, предназначенные Чёрным Жрицам. Над его головой проносились ночные мотыльки-бразжники, сорвавшиеся с полевых цветков и потревоженные его шагами. Степь была наполнена благоуханием трав и жужжанием насекомых. А река серебряной змейкой извивалась

в долине, утопая в зарослях невысоких деревьев и кустарника.

С каждым шагом ноша становилась всё обременительнее, пока наконец воин не остановился, опустившись на колени перед Столбами и чуть было не выронив ларец и мешок на траву. Тяжело дыша, он поднял голову и заметил, что каменное чудовище зловеще ухмыляется, четырьмя или даже шестью глазами пожирая нежданного гостя и всё, что было при нём.

Но, как оказалось, Айяр не был неожиданным гостем, потому как в просвете между столбами он увидел слабый огонёк смоляного факела, который постепенно приближался из сумерек, быстро сгущавшихся над степью. Воин вынул длинный меч из ножен и вонзил его в землю прямо перед собой. Порыв ветерка пронёсся над ковылями, отдавая стозвучным эхом то строптивного шепота, а то мелодичного перезвона миллионов стебельков и листочков. Лиловые колокольчики, качнувшись на ветру, хором приветствовали путника: «Динь-динь, входи-входи!» А молочай и хвощи недовольно бранились: «Что стоишь? Кыш-кыш...» Кого слушать?

Откуда-то потянуло сыростью. И, взглянув мельком в небо, Айяр не увидел ни звёзд, ни луны. Только рваные тучи клубились над долиной, стремительно заволакивая горизонт. Огни факелов тоже исчезли из вида. Воин стоял неподвижно и ожидал знака, преклонив одно колено и опираясь на рукоять меча, словно сам уподобился древнему изваянию. А каменное чудовище между тем перестало ухмыляться и приняло угрожающий,

суровый вид. На поверхности камня отчетливо проступили впалые черные глазницы, и словно от-
верзлась зубастая пасть.

Возможно, это была всего лишь замысловатая игра света и тени, но у простого смертного, ожидавшего своей участи в потёмках, в полном одиночестве склонившись перед зловещим изваянием, мог случиться разрыв сердца, что иногда и происходило здесь с приговорёнными к смерти пленниками или провинившимися соплеменниками. Айяр тем не менее был не только храбрейшим из воинов, но и обладал чистым сердцем, которое сейчас билось в груди пусть даже слишком громко, но зато уверенно и ровно, ни в чём не свидетельствуя против своего хозяина перед могучими и все-
сильными богами.

Он ждал. Час или два — время как будто остановилось, и только ночь набросила на склон холма грозовые тучи черным непроницаемым покрывалом. Айяр вздрогнул от громового раската, неожиданно ударившего в землю по ту сторону Каменных Ворот. Воздух содрогнулся и не смог удержать небесную воду, через мгновение хлынувшую неистовым потоком на беззащитную и покорную землю.

Айяр не шевелился и только наклонил голову вперёд, словно понимая теперь, что не может, не имеет права двинуться дальше, пока не смое с себя всё проклятие парфянских плато и ущелий, жестокий дух битвы и смертоносный азарт кровопролития, который захватил его сразу же после гибели друзей и стал отпускать только сейчас, уходя вместе с дождевыми струями в пересохшую свя-

ценную землю. Гроза бушевала над степью, и воин был совершенно уверен, что это очищение послано ему богами.

При свете очередной вспышки молнии он вдруг отчётливо увидел по ту сторону Каменных Ворот стройный черный силуэт. Он вздрогнул и вскочил на ноги, схватив меч и бесстрашно глядя вперёд. Но тут же отступил назад и учтиво поклонился.

Перед ним в промежутке между двумя столбами, словно порожденная небесной грозой и ночной тьмой, возникла верховная Черная Жрица с факелом в руке. Черный длинный плащ её развевался по ветру, а лицо скрывал большой капюшон, низко надвинутый на лоб.

Никто и никогда не видел лица Черных Жриц, служительниц смерти, хозяек Святилища Душ. Ведь жрицы обитали там, где кончается жизнь и начинается вечность, а у вечности не было ни лица, ни имени, лишь только безграничная свобода и власть над живущими сородичами. Потому на протяжении столетий сарматские скептухи стремились задобрить души предков и служивших им Безликих и Безымянных Жриц богатейшими дарами, иногда вопреки собственным потребностям и желаниям, заботясь о благополучии ушедших в иной мир гораздо больше, чем о благосостоянии живых. А о волшебстве и силе Черных Жриц ходили страшные легенды, которыми сарматы пугали не только своих детей, но и всех соседей с сопредельных земель и недругов.

Сами же сарматы были уверены, что днём Черные Жрицы превращаются в грифов, сов, летучих мышей или других хищных существ и уносят-

ся в леса и степи, чтобы свободно общаться с богами и душами мертвых. А ночью они слетаются в Святилище Душ, принимая человеческий облик, и совершают свои ужасные обряды и жертвоприношения. Перед тем, как вонзить жертвенный нож в шею или грудь жертвы, они снимают капюшоны и становятся последним из земных видений этих несчастных.

Айяр внимательно наблюдал за жестами жрицы, которая наконец очертила в воздухе круг своим факелом и поманила его к себе. Он подошёл к Каменным Вратам так близко, что смог бы дотронуться до плаща Черной Жрицы, протяни он вперёд руку. Жрица ещё некоторое время рассматривала Айяра, затем отступила назад, позволив ему пройти.

Воин, сжимая двумя руками предназначавшиеся жрице дары, решительно шагнул вслед за ней. Жаркая волна обдала его с ног до головы, и в темноте он заметил, что от вымокшей насквозь его одежды, как и от плаща жрицы, исходит туманное свечение, и влага испаряется клубами, как над кипящим котлом.

— Всё, что тебе не потребуется в дальнейшем, Айяр, осталось за Каменными Вратами, — низким, грудным голосом произнесла Черная Жрица. От этого звука и тембра, показавшегося ему таким родным и знакомым, у Айяра защемило в груди. Он едва не задохнулся от волнения, потому что вспомнил свою мать, так рано покинувшую его. Это было величайшим чудом и милостью Святилища Душ, ибо он не сомневался, что все его предки обитали теперь здесь и могли говорить с ним устами жриц.

Ноги его загудели от напряжения, и он споткнулся о камень, но жрица продолжала идти по гребню холма. Воин поспешил за ней, словно боялся, что эта колдунья, заговорившая с ним голосом его матери, сейчас взмахнёт полами черного плаща и улетит во тьму, как туча, из которой она появилась перед Айяром. И он поспешил догнать её.

Через несколько шагов перед ними открылась долина Душ, окаймлённая холмами, на которых примостились причудливые, огромных размеров, каменные стражи, напоминавшие своим видом замерших во времени священных существ, давших начало всем сарматским родам — Лягушку, Черепаху, Ящерицу и, конечно, Великого Дракона. Гроза, налетевшая с севера и откатившаяся теперь на юг, грохотала уже где-то вдалеке, но при ярких вспышках молний эти величественные тотемные изваяния, созданные как будто самой природой, но не без помощи Великих Магов древности, внушали суеверный трепет и восхищение у всех, кто сподобился увидеть их в такой час.

В центре долины возвышался огромный царский курган, на вершине которого, под сводами конического деревянного сруба, всегда горел огонь. Его поддерживали Черные Жрицы на протяжении веков, днём и ночью. Но более подробно рассмотреть окрестности в ночной тьме было трудно даже Айяру-Ястребу с его острым зрением. Он шёл за жрицей, теперь спускаясь вниз по тропинке, пока перед ними не выросла двустворчатая, украшенная большой четырехконечной звездой из чистого серебра, дубовая дверь, помещавшаяся в каменной крепиде кургана.

Дверь бесшумно отворилась внутрь перед жрицей, и они вошли в облицованный известняком узкий коридор с низким потолком из каменных плит и полом, усыпанным мелкой разноцветной галькой, в глубине которого маячил огонь. Айяр понял, что они идут в потайное помещение, расположенное в самом сердце кургана, под земляной насыпью.

Комната оказалась довольно просторной и совершенно круглой, диаметром не менее пятнадцати шагов, с коническим сводом из огромных круглых брёвен. В самом верху свода виднелось небольшое круглое отверстие, видимо, выходившее наружу, через которое пробивался свет огня на вершине кургана. Но когда глаза Айяра привыкли к тускло мерцавшему неровному свету, его внимание привлекло мерцание гальки у него под ногами. О, нет — это была не галька! Пол комнаты, видимо как и коридора, был сплошь усыпан обработанными самоцветами и драгоценными камнями, примерно такими же, которые составляли содержимое принесённого в дар Жрицам ларца.

Жрица закрепила факел на поперечной перекладине, поддерживавшей свода комнаты, и отступила к противоположной стороне. Воин опустил ларец в центре комнаты. А затем вынул из мешка два меча, скрестил их перед собой и положил на пол. Жрица вытянула вперед руку и довольно резко сказала:

— Нет, эти мечи ещё послужат роду Вепрей.

— Но, Великая Жрица, у царевичей нет сыновей, — возразил Айяр, не понимая, кому может

предназначаться священное оружие царственных сарматов.

— Эти мечи должны принять дочь Арманта и жена Варта. Они найдут им достойное применение.

Айяр вспомнил о небесном знамении — лунном затмении и догадался, что войну, развязанную из-за женщин, возможно, придётся также завершать женщинам. Он не стал спорить, поднял с пола мечи и снова поместил их в кожаный мешок. Затем он распахнул ларец перед жрицей. В свете факела засверкали драгоценные камни и золотые украшения. Жрица кивнула и велела высыпать всё содержимое на пол, затем отвернулась.

Айяр стоял в нерешительности, не желая беспокоить Безликую вопросами, которые почему-то слетелись в его голову, как пчёлы в улей. Но вдруг жрица повернулась к нему и снова сказала голосом матери:

— Ты хочешь взять в жёны царевну Ариану? Тебе придётся сражаться. Ты хочешь избежать войны с Римом и племенами братьев — аорсов? Тебе придётся сражаться. Ты хочешь сохранить царство Сиракены от гибели и рабства? Сражайся!

Айяр был изумлён пронизательностью Черной Жрицы и не нашелся, что сказать, потому что ответы на свои незаданные вопросы нужно было теперь хорошенько обдумать. Он прекрасно понимал, что молниеносная реакция более полезна в бою, а не в государственных делах, тем более — в вопросах магии и религии. Но жрица не отпускала его, словно испытывая на твёрдость духа. Наконец она скрестила руки на груди, демонстрируя Айяру серебряные браслеты и кольца на обеих

руках с изображением четырёхконечной звезды — символа Астарты и давая понять, что обращается она к Великому Ардару от имени самой богини.

— Скажи мне, Айяр, готов ли ты сражаться до конца за священную землю предков, за их могилы и несметные сокровища, за спокойствие их душ и в память об их славных подвигах, за величие наших богов и могущество Великой Сарматии?

Словно камень слетел с души Айяра, ибо ничего другого не желал он так сильно, не мыслил для себя иной цели и смысла в жизни. Он поднял голову и спокойно, с искренностью и достоинством, подобающим его положению, ответил:

— Да, Великая Жрица, я готов и сделаю то, о чём ты говоришь.

— Тогда поклянись здесь и сейчас, на священной могиле наших предков, памятью матери и прахом отца твоего, именем богов наших, что ты не допустишь, чтобы нога чужеземца и врага когда-либо ступила на эту священную землю. Даже если в пределы Сиракены вторгнутся завоеватели, если падут столица и защитники её, то Долины Мертвых чужаки не должны коснуться даже взором своим. Даже в своих страшных снах не должно им пригреться Святилище Душ... Поклянись!

Жрица проговаривала слова таким властным и проникновенным голосом, что гулкое эхо прокатилось по коридору и поднялось к самым сводам конусообразной комнаты, располагавшейся прямо над склепом царственного предка, пережившего прощальный пир мидийского царя Киаксара¹³ и успевшего унести ноги, не будучи коварно

¹³ Киаксар — царь Мидии, правил в 625 — 584 гг. до н.э.

отравлен и предательски умерщвлен на далёкой азиатской чужбине. Словно все умершие предки приникли к бревенчатым стенам комнаты и прислушались к тому, что ответит предводитель сарматских воинов.

Айяр снова преклонил колено, обнажил свой меч и, опираясь на него, торжественно произнёс:

— Я клянусь!

Жрица еле заметно кивнула и внимательно посмотрела на рукоять меча Айяра, затем подняла вверх левую руку и сказала:

— Ты — бесстрашный и умелый воин. За то, что ты поклялся хранить эту Долину Мёртвых, я открою тебе одно обстоятельство. Твой старший кровный брат не знает и не должен узнать тайну своего рождения, иначе это погубит и его, и тебя. Ты сможешь и должен защищать брата, но только на земле Сиракены.

— Как я узнаю своего брата, Великая Жрица? — изумился Айяр, не имевший ни братьев, ни сестёр.

— Твой меч, принадлежавший вашему общему отцу, приведёт тебя к нему. Теперь ступай.

При этих словах Жрицы факел погас сам собой, и комната погрузилась в кромешную тьму. Но в конце коридора, словно от сильного сквозняка, распахнулась входная дверь, и Айяр без колебаний ринулся к выходу.

* * *

До самой столицы Айяр ехал с задумчивым, серьёзным выражением лица, так что ардары из его

Успешно воевал с ассирийцами и скифами.

свиты забеспокоились. Скимай набрался смелости и, подъехав к предводителю, дипломатично завёл разговор о том, понравились ли дары Черным Жрицам. Но, не получив вразумительного ответа, всё же спросил напрямую:

— Скажи мне, Айяр, ты даже изменился в лице после того, как побывал в Святилище Душ. Что же такого сказала тебе эта Безымянная и Безликая Ведьма? Уж не грядёт ли конец нашему славному царству?

Айяр усмехнулся в ответ, но лицо его осталось серьёзным:

— Она взяла с меня клятву, что, несмотря на всё, я буду защищать Долину Мертвых и Черных Жриц от вражеских посягательств.

— Ого! Теперь ты — Воин Черной Жрицы! Она благословила тебя именем предков, и ты неуязвим, но, связанный клятвой, ты уже не сможешь покинуть пределов Сиракены.

Айяр молча кивнул и пришпорил коня. Он лучше других знал, что власть Великого Ардара, непререкаемая и абсолютная, уже закончилась для него с той самой поры, как войско сираков пересекло Терек. Здесь, на родной земле, властвовали другие законы, и он подчинялся воле царя и Великих Жриц — Черной Безымянной или Белой Акмайи. Какая разница? Тем более, что Белая Жрица вмешивалась в жизнь всего племени ежечасно, царь советовался с ней по всяким пустякам, не говоря уже о знаковых событиях — в делах войны и мира. А сам Айяр был всего лишь главным воеводой, избранным на момент военного похода.

Черная Жрица вступала в свои права только тогда, когда речь заходила о погребениях, тризнах и вообще — памяти предков. Но в момент роковой угрозы, а тем более войны на территории Сиракены, Белая Жрица всегда подчинялась воле Черной Жрицы. К тому же, Акмайя была сейчас нездорова, и передача власти новой Белой Жрице всегда свершалась в присутствии и только с согласия Черной. Принеся клятву верности Хранительнице Святилища Душ, он заручился её поддержкой, но как знать! Возможно, он нажил себе новых врагов в недалёком будущем?

Но разве мог он не гарантировать защиту и не поклясться в верности Безликой и Безымянной, говорившей с ним голосом матери? Он слышал рассказы воинов, сопровождавших мать во время последней охоты, что она встретила с огромной медведицей прежде, чем исчезла. Возможно, сама богиня Артеми, покровительница охотниц и благоволящая Черным Жрицам, приняла облик своего священного зверя, увела её за собой и сделала своей служительницей? Он смутно помнил черты своей матери, но отца он не видел никогда. Отец отправился в поход сразу после рождения Айяра и погиб в бою. Единственная память об отце — это его верный меч с рубином. Когда Айяр сжимал рукоять меча, его охватывало странное чувство, будто отец брал его за руку и вёл навстречу судьбе, и силы его удесятерялись, и врагам не было пощады, и страх покидал его во время боя. Иногда ему казалось, что это сам Арта помогал во всём. А может быть, великий Арта и был его отцом, а мать — сама богиня Ар-

теми? Айяр отгонял эту абсурдную мысль прочь и всё же надеялся, что боги не оставят его своей милостью так рано, как оставили родители, едва успев подарить сыну этот удивительный мир.

— 2 —

После того, как Таврия была покорена Митридатом VI Евпатором, а затем усмирена римскими войсками Помпея, племена напеев, синхов и арихов, не желая совсем потерять свободу или покинуть родные места, предложили последующим боспорским монархам свою службу в обмен на невмешательство во внутренние дела. С тех пор и гости, и враги Боспора обходили стороной земли и морское побережье, принадлежавшие таврам. Об их свирепости и жестокости ходили легенды, особенно когда речь заходила о чужеземцах, принесённых в жертву Орсилохе, Деве-Богине.

Митридат VIII пока не стал ничего менять, хотя понимал, что чем скорее он прояснит взаимоотношения с таврами, тем спокойнее будет его царствование в ближайшие десятилетия. Тавры, эти чудом уцелевшие потомки скифов и киммерийцев, презирали боспорцев и считали их коварными и продажными бестиями, хитростью сумевшими вытеснить хозяев с их собственной земли вглубь полуострова, заставили искать призрачный покой и благоденствие в скалистых горах. Но, владея небольшой полосой побережья, тавры промышляли рыбной ловлей и не гнушались разбоем, нападая на корабли купцов и вельмож, не заплативших им

дань за безопасное плавание в этих водах. Когда цари Фарнак и Асандр объявили войну понтийским пиратам, они в первую очередь подумали о том, как обуздать тавров, но заставить грозных скифских потомков соблюдать законы гостеприимства и торговли им оказалось не под силу. И всё же, это были отменные воины, преданные и свирепые, вполне справлялись с возложенной на них почетной миссией личной охраны боспорских царей и дворца. К тому же, в царский военно-морской флот входили и корабли тавров, бесстрашных и умелых моряков. И вопрос о беззакониях, творимых ими над захваченными в плен или выброшенными к их берегам иноземными воинами или путниками, при боспорском дворе уже перестал подниматься. В конце концов, тавры прикрывали боспорские границы с севера и запада, что поумерило желание незваных гостей наведываться без спроса в богатые понтийские города.

К царскому столу по обе стороны примыкали длинные узкие дубовые столешницы, за которыми теснились другие гости — скептухи племён фатеев, иксоматов, дандариев, архонты понтийских городов. А в образовавшемся пространстве в центре залы расположились музыканты и полуобнаженные танцовщицы, вызывавшие восторг у пьяных купцов, недоумение — у сарматов и жуткую головную боль у царицы Гепеирии.

На этот раз Митридат не скупился на угощения и повелел распечатать сотню глиняных амфор с прекрасным греческим вином, ожидавших своего часа в подвалах дворца в течение трех десятков лет. На больших серебряных подносах были рас-

ставлены запеченные целиком осетры и форель, куропатки, жареная оленина, кабаньи окорока и бараньи ребра. В одних глиняных мисках белели головки сыра, в других — блестела малосольная черная икра. Звон кубков и громкая разноязычная речь почти заглушали звуки музыкальных инструментов. Когда же Митридат с кубком в руке неожиданно поднялся, все смолкли и обратили к нему напряженные взоры.

Царь обвел залу хищным взглядом беркута, с удовлетворением отмечая про себя, что римского ростовщика слуги уже перенесли на свежий воздух, но опущенные веки матери и её, казалось, беспричинное раздражение также не ускользнули от его внимания. Тем не менее, он произнес в качестве тоста слова, которые не решался вымолвить с самого начала застолья:

— Жители Боспора! Гуляйте, веселитесь, торгуйте, стройте новые города, храмы, дружите с нашими добрыми соседями и знайте, что никто отныне не сможет вам запретить это делать, а тем более — издалека. Переставлять ноги нужно тому, кто ещё не умеет или уже разучился ходить. Я вижу свое царство сильным и независимым и пью сегодня за могущество тавров и сарматов, наших друзей и военных союзников!

При этих словах Митридат кивнул Салмаху, обнял Зорсина, и они осушили кубки до дна. Грянула музыка, а среди гостей прокатился гул. Митридат лучше других знал, что варваров¹⁴ в Боспоре недолюбливали не столько за то, что им надо было хо-

¹⁴ Варварами называли всех, кто не говорил на греческом или ромейском языках.

рошо платить за службу, а потому, что их расположение вообще было трудно купить. Они держались гордо и независимо, и многим боспорцам казалось, что от них исходит гораздо большая угроза для царства, чем от далёкого римского императора.

Многие из варваров, считавших себя потомками киммерийцев и скифов, в течение столетий почему-то оказывались на боспорском троне либо подле него, пользуясь неограниченными привилегиями. А те, кто в это время вкладывал силы и средства в благополучие царства, строительство городов и возведение храмов, почему-то долгие годы оставались в тени. К тому же, всем было хорошо известно, что сами варвары не спешили отстраивать на своих территориях ни капища языческим богам, ни дворцы правителям, и вообще были почти равнодушны к роскоши, так прельщавшей римскую и греческую знать. Золото было для них просто красивым металлом для изготовления обязательных атрибутов власти, а торговлю они понимали как стихийный обмен, не поддающийся никакому здравому смыслу. Купцам было чрезвычайно трудно угадать, на что именно в данный конкретный момент сарматы захотят обменять сукно, оружие, украшения, зерно или вино. Но обмануть их не решался никто, не желая заплатить жизнью за излишнюю хитрость или жадность. При хорошем раскладе варвары могли щедро расплатиться упитанным скотом, породистыми лошадьми, мехами и кожей, дичью, а то и богатыми трофеями, назначая всё же свою цену.

Тем не менее после произнесенного Митридатом тоста его мать, царица Гепепирия, переменялась

в лице, затем, выждав несколько минут, поднялась из-за стола и медленно направилась к выходу. За ней тут же заковылял её лекарь, пожилой грек Асафий. Митридат повелительно взглянул на своего брата Котия. Тот еле заметно кивнул и тоже покинул застолье, направляясь к другому выходу.

Да и кто, кроме царевичей, может лучше знать расположение царских покоев?

* * *

Поднявшись по винтовой лестнице, а затем пройдя по внутреннему коридору, он оказался возле дверей, ведущих в покои матери, несколько раньше её самой. Прижавшись к стене в нише, куда не доставал мерцающий свет смоляного факела, закрепленного на противоположной стороне у входа в арку, он услышал сначала решительные, твердые шаги Гепеирии, а затем шаркающие и сбивчивые, принадлежавшие Асафию.

Царица вошла в свои покои и закрыла дверь, хотя, видимо, знала, что лекарь следует за ней. Асафий помялся немного перед дверью, затем постучал. Довольно резкий женский голос послышался в ответ на стук:

— Мне нездоровится, я желаю побыть одна.

— Госпожа, позвольте, я всё же осмотрю вас, — вежливо, но настойчиво произнёс лекарь и поклонился царице, которая распахнула перед ним дверь.

— Это ты, Асафий?

Дверь за ним захлопнулась так же быстро, как и открылась.

Котий выглянул из своего укрытия, убедившись, что больше в коридоре никого нет, затем опустился на колени и прильнул ухом к небольшой сквозной трещине в стене. Только он знал о существовании этого отверстия...

Он хорошо помнил с раннего детства, что здесь был второй выход из покоев Гепеирии, но отец приказал заложить его. Небольшую трещину в стене царевич обнаружил, когда как-то ночью не смог заснуть и направился в спальню матери. Дверь оказалась запертой изнутри. Мальчик пошёл вдоль стены к выходу на балкон и вдруг увидел, что примерно на уровне его глаз в каменной кладке образовалась щель, которую второпях не заметили каменщики и через которую теперь пробивался тонкий луч света. Котий прильнул к ней и увидел мать.

Она стояла совершенно обнаженная перед ложем, на котором восседал раздетый мужчина. Её тело светилось в полутьме каким-то матовым, лунным блеском. Она, словно в танце, покачивала бедрами и распускала свои замечательные волосы. И с ней был не его отец, не Аспург! Котий не смог тогда уйти, хотя и ноги у него подкосились не то от страха, не то от изумления от увиденного. Но всё, что предстало перед его взором, навсегда врезалось в память. Его охватила сильная дрожь, когда мать и мужчина слились в крепком объятии, а потом мужчина овладел ею... Котий чуть ли не до рассвета простоял у покоев матери, не смея сдвинуться с места. А потом...

Потом он часто приходил сюда по ночам и с любопытством наблюдал сцены из тайной личной жизни матери. Он даже расширил отверстие

и подыскал подходящий камень, чтобы закрывать щель от других случайных глаз.

И чего он только не видел здесь!..

Сегодня он впервые воспользовался своим опытом подслушивания и подглядывания за царицей не для удовлетворения своего бесстыдного любопытства, а по приказу царственного брата, который, однако, и не подозревал, что Котий имеет такую возможность. Это придало царевичу определенной уверенности. К тому же, вряд ли мать стала бы соблазнять старого, хромого Асафия. И всё же он мог осмотреть её в случае нездоровья, но это было совсем другое зрелище, не вызывающее никаких запретных чувств. Тем не менее Котий по привычке прильнул к заветной щели в стене, опустившись на колени. Ведь из детского возраста он давно вырос, а отверстие располагалось на два локтя выше каменного пола.

Царица резко повернулась к Асафию, лицо её пылало гневом.

— Митридат зашёл слишком далеко. Он боготворит номадов¹⁵, зато ни во что не ставит римлян. Он затевает свою игру против империи. Это безумие!

— Госпожа, — учтиво начал Асафий, — он теперь царь Боспора и желает показать свою силу и независимость.

— Кому — мне? Брату? Своим подданным? Ведь номады и так никого не боятся, тем более — Митридата.

— Всем. Он теперь царь, — вкрадчивым шепотом повторил грек.

¹⁵ Обобщенное название степных кочевников.

— Ты лучше меня знаешь, что на престол у него нет никаких прав! Если кто и достоин трона, так это Котий.

Котий едва не задохнулся от волнения, впитывая каждое услышанное слово из их разговора на греческом языке.

— Моя госпожа, если бы Митридат, отправившись со своими друзьями-варварами воевать с Парфией, не поспешил бы так быстро вернуться, всё произошло бы само собой. Но боги решили по-другому... И всё же вам не стоит обнаруживать слишком явно своё отношение к замыслам царя и его друзьям. Он чересчур своенравен и подозрителен. К тому же не испытывает к вам нежных сыновних чувств и должного уважения.

— Асафий, в этом есть и твоя вина. Ты не смог вытравить плод, когда ещё можно было избавиться от него.

— Царица, я не посмел увеличить дозу снадобья, иначе это убило бы вас.

— Всё равно — тогда или сейчас, — в голосе Гепепии послышалось отчаяние.

— Госпожа, позвольте мне хотя бы дать вам успокоительное.

— Я успокоюсь только тогда, когда окажусь в царстве теней. А сейчас оставь меня, не хочу никого видеть.

Асафий поклонился и вышел.

Через несколько минут, выждав, пока неровные шаги Асафия стихнут в коридоре, Котий решился постучать в двери. Царица раздраженно воскликнула:

— Я желаю остаться одна. Пусть меня не беспокоят.

Но Котий открыл дверь и робко переступил порог спальни:

— Матушка, я подумал, что вам сделалось дурно, когда Асафий направился следом за вами. Если он не сумел помочь вам, возможно, это удастся мне?

Царица растерянно опустила глаза и присела на край огромной кровати, занимавшей почти треть часть спальни. В этот момент Котий бросился на колени и с жаром стал целовать руки матери. Гепеирия изумленно взглянула на сына, а затем прижала его голову к груди, касаясь губами лба и волос царевича.

— Матушка, я люблю вас всей душой, почему же вы не доверяете мне? Что я могу сделать для Вас?

— Моё дитя, что же ты можешь сделать, тем более теперь? — растроганно прошептала царица.

— Всё! — с жаром произнёс Котий, преданно, по-собачьи взглянув матери в глаза. Только бы она не догадалась, что он подслушал разговор с Асафием.

— Бедный мой сын, моя единственная надежда и опора в этом мире, — запричитала Гепеирия, спешно обдумывая, какую пользу она может извлечь из внезапно проснувшейся сыновней любви.

— Мама, почему ты не доверяешь мне? Разве я не того же царственного рода, что мой брат, и не достоин твоего доверия? — не унимался Котий, стараясь спровоцировать её на откровенность и перейдя на доверительное «ты».

— Более, чем твой брат, — вымолвила царица и сама вдруг ужаснулась сказанному.

— Что это значит, мама?

Гепеирия молчала, но слёзы ручьём полились из её глаз, падая на щеки царевичу. Котий вскочил и пылко воскликнул:

— Мама, если я не достоин быть твоим сыном и царевичем, я тотчас и навсегда покину дворец, но ни в чём и никогда не стану обвинять тебя. Слышишь? До конца своих дней, клянусь!

— Любимый мой сын, не ты, а Митридат...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Нет, ничего... Я очень устала, в другой раз...

— Нет, сейчас! Если ты не расскажешь мне правду, я немедленно отправлюсь в сарматские степи пасти скот этих номадов, потому что для меня не будет горше наказания за утрату твоего доверия и любви.

Котий разыгрывал драму и восхищался сам собой, своей хитростью и актерским талантом. Только бы не переиграть, иначе она может замкнуться навсегда, и он никогда ничего не узнает. Конечно, есть разные, испытанные способы разговорить Асафия, например, калёное железо. Но он не должен допустить, чтобы тайна рождения Митридата стала доступна ещё кому-то, палачу, например. Тогда и сам Котий может поплатиться своей головой, ничего не изменив в свою пользу.

— Ну что ж... Если кто и должен пасти скот номадов, так это твой брат Митридат. Даже если эта тайна будет стоить мне жизни, пусть лучше ты узнаешь о ней от меня, а не от врагов. Присядь, мой царственный сын, рассказ мой будет долгим...

Котий опустил перед ней на медвежью шкуру, примостившись у самых ног матери и положив голову ей на колени.

И Гепепирия тихо заговорила по-ромейски:

— Как ты знаешь, я родилась в семье правителя Фракии и дочери римского патриция, родственника триумвира Марка Антония, однажды попавшего в немилость к императору Октавиану Августу и высланного в отдаленную провинцию. Когда мне не было пятнадцати лет, отец дал слово отдать меня в жены боспорскому царю Аспургу, который никогда не видел меня. Мы отправились в путь по морю, но поднялся ужасный шторм. Два корабля разбились у берегов Тавриды и, возможно, все путники нашли свой ужасный конец на алтаре Девы Орсилохи. Но нашу галеру удалось направить в открытое море, подальше от берегов. Корабль, как щепку, выбросило в тумане на восточный берег Понта, поблизости от Агриппии. Я слышала, что здесь находится знаменитый на всё побережье Храм Афродиты Урании Апатуры¹⁶. Жрицы Храма были так добры ко мне и свите, что приютили нас на время, пока к царю тайно отправились мои гонцы.

— Значит, ты обратилась за покровительством к презренным жрицам Афродиты Урании Апатуры!?

— О, сын мой, я и не помышляла ни о каком их покровительстве. Но жрицы всё же кое-чему научили меня... Когда же я решила покинуть Храм, то услышала, что Афродита щедро одаривает знатных девушек, которые впервые в жизни отдаются в её честь чужеземцу за любую символическую плату. Это священный долг богине, за который она

¹⁶ Апатура — «обманщица», прозвище богини, данное в связи с легендой о титанах и Геракле.

потом щедро вознаграждает. Этот обычай такой же древний, как наш мир.

При этих воспоминаниях царица вожделенно запрокинула голову, заметив, однако, как округлились глаза и приоткрылся от изумления рот царевича. Но она нашла в себе силы продолжить рассказ.

— Я повязала распущенные волосы лентой и опустилась на каменный пол в Храме недалеко от Алтаря, мысленно умоляя Афродиту Апатуру оказать мне покровительство в чужой стране в обмен на мою девственность и бескорыстное служение. В это время на моё горе в Храм вошла горстка номадов. Их ардар, огромный номад в кожаных походных доспехах, выбрал для своих утех именно меня. Он бросил в мой подол увесистый кошелёк с золотом и коснулся моего плеча, даже не спросив, смогу ли я выполнить его прихоть! Но в тот же момент в мой подол упал другой кошелёк, не менее увесистый. Оказывается, ещё один достойный муж, видимо, купец, пожелал, чтобы долг Афродите я отдала именно ему. Тогда номад ударил его рукоятью своего тяжёлого меча, на котором сверкнул огромный рубин, схватил меня в охапку и вынес из Храма, в котором начался переполох. Я прокляла тот день, когда появилась на свет. Варвар был не в меру пылок и несдержан в своих чувствах, и мне показалось, что я умру сразу, как только он прикоснётся ко мне, ещё до того, как растерзает мою плоть. Но я всего лишь потеряла сознание... После той ужасной ночи я оделась во всё лучшее и пробралась по улицам спящего города на крутой берег моря с единственным желанием — вон-

зить кинжал в сердце и упасть в солёную бездну. В этот миг на берегу появились всадники с факелами. Один из них пришпорил коня и помчался ко мне, но я поторопилась нанести удар кинжалом. Были это разбойники или номады — меня уже не интересовало. Лезвие скользнуло вдоль рёбер, и я чудом осталась жива. А человек, который спас меня на этот раз, оказался Аспургом, царем Боспора, и со свитой выехал мне навстречу, обшаривая всё побережье в поисках исчезнувшего корабля. Он ни о чём не расспрашивал меня и через месяц сделал своей женой и царицей. А жрицы Храма и не догадывались, кем я была на самом деле. Шрам от неудачного удара кинжалом навсегда оставил след на моём теле — вот он.

Гепепирия обнажила грудь и указала Котию на белый рубец. Котий был ошеломлён откровением матери. Что это, подарок судьбы или тяжкое испытание? Он всегда недолюбливал Митридата — за то, что он старше, сильнее, здоровее, выносливее, практичнее, за то, что он всегда был ближе к трону. И вот теперь права брата на трон рассеялись в глазах Котия, как утренний туман перед восходом солнца. Но взойдёт ли это солнце для него когда-нибудь, или ему суждено всю жизнь прозябать в сумерках чужой славы и величия?

Котий, лишившийся было дара речи, наконец овладел собой и пересохшими губами презрительно вымолвил:

— Так Митридат — сын какого-то номада? Но ведь ты даже не знаешь его имени!

— Да. Имени своего он не назвал и моего не спросил. Лица его я не помню, вот только этот меч с ру-

бином на рукояти, отделанной слоновой костью... Видимо, этот варвар был из очень знатного, возможно царского рода. Когда я поняла, что у меня будет ребенок, я пыталась избавиться от него и доверилась Асафию, царскому лекарю, который исцелил меня после удара кинжалом. Но было слишком поздно. Аспург ни о чем не подозревал, а я хотела всеми силами отдалить от себя Митридата и родить другого сына — от своего законного супруга и царя. Но боги отвернулись от меня, почти десять лет не посылая нам детей. Асафий и тогда усердно помогал мне. Потом появился на свет ты, и я надеялась, что Митридат, которого всё время тянуло к своим сородичам в степь на охоту или на боевые игрища, когда-нибудь не вернётся... Но случилось иначе. Теперь ты знаешь всё.

— Мама, что же ты думаешь делать, ведь за такую тайну можно поплатиться жизнью?

— У меня была одна надежда на мудрость прежнего римского императора. Я могла бы рассказать ему правду, и он назначил бы правителем Боспора тебя, не причинив вреда Митридату. Но император Тиберий умер три года назад, а твой брат опередил мои мысли. Гай Цезарь Калигула молод и непредсказуем, он может поступиться традициями. Вот если бы мне удалось увидеться с ним лично, рассказать всё. Но Митридат сочтёт это предательством и не позволит этому случиться.

— Матушка, а если в Рим придётся отправиться мне? Ведь Митридат мне доверяет.

— Нет-нет, — испуганно воскликнула царица, — Рим — не место для провинциальных интриг. Ты можешь там навсегда остаться как заложник

Калигулы. А он коварен и разнуздан, если не сказать, что безумен. Ступай к Митридату, сын мой, и оставайся подле него сейчас, чтобы не возникло никаких подозрений. Он так гордится своим происхождением, считая себя прямым потомком династии Ахеменидов...

Царица подтолкнула Котия к двери и выпроводила его из покоев, даже не подозревая, как же царевичу хотелось оказаться в том самом великом и запретном для него Риме, подальше от дворцовых боспорских интриг и своенравного грубого брата.

* * *

Котий вернулся в залу, где шумный пир уже достиг своего апогея. Речь за царским столом шла о том, какой подарок для римского императора следует отправить в Рим от нового боспорского правителя.

— У Калигулы, как и у его предшественников, есть всё. То, чего у него нет, просто не существует на свете, — воскликнул греческий купец Перфилий, осушив кубок с вином и заедая куском овечьего сыра. Китайский шелк, мраморные и золотые дворцы, гигантские корабли, украшения, меха — императора этим не удивишь. Хотя, поговаривают...

Тут Перфилий запнулся, взвешивая, говорить ли ему дальше или прервать свою пьяную болтовню, пока не поздно.

Вокруг воцарилось молчание. Тогда Митридат вполголоса произнёс:

— Говори, Перфилий, ты же видишь, что за моим столом нет ни одного римлянина. К тому же мы просто советуемся, что лучше преподнести властелину империи. Что в этом предосудительного?

Перфилий перешёл на таинственный шепот и продолжал:

— Поговаривают, будто Калигула до того любит своего серого в яблоках быстрого жеребца Инцитата, что даже не расстается с ним в спальне. Он повелел выстроить в Риме мраморный дворец для «божественного» коня, которому прислуживают не только слуги, но и патриции, сам же император от его имени принимает во дворце гостей. А ещё будто бы Гай Цезарь восседает на собраниях сената не на троне, а верхом на своём любимце, не спешиваясь, как перед битвой...

— Ну что ж, я ценю твою смелость, купец, — не скрывая изумления от услышанного произнёс Митридат, — так неужели я в своей конюшне не найду дюжины лошадей, достойных римского императора, а? Неужто император Калигула так же боготворит лошадей, как и я!

Гости оживились, наперебой вспоминая, как боспорский царь в начале года хвастался подаренным ему табуном прекрасных азиатских коней, которых номады пригнали через прикаспийские степи из Согдианы. Теперь же он кликнул главного конюха с намерением немедленно отправиться в конюшню и выбрать в подарок для Калигулы лучших лошадей. Купцам и номадам пришлось составить ему компанию, а заодно обсудить такой важный вопрос, как лошадиная масть. Поднима-

ясь из-за стола, Митридат оперся на плечо богато одетого купца-китайца и спросил:

— Скажи-ка мне, уважаемый мой гость, каких коней предпочел бы император Поднебесной в подарок?

— Император Лю Сю из Восточной династии Хань, да продлятся его дни, — на ломаном греческом зачирикал китайский купец, — всегда предпочитает вороных жеребцов. Такой подарок означал бы пожелание здоровья и долголетия правителю, а если он ещё употребит сырую печень жеребца...

— Ох-ох, — махнул рукой Митридат, — Калигула хоть и допускает, по слухам, любимца в свою спальню и сенат, но чтобы вырвать у него печень и съесть?!

— Зато, говорят, Калигула предпочитает принародно прямо во дворце вырезать своим провинившимся подданным другие интересные места или выпускать всю кровь по каплям, — прошептал про себя Перфилий в надежде, что его никто не услышит.

Зорсин, спускаясь по каменным ступеням дворца во внутренний двор следом за Митридатом, взглянул мельком на свою сестру Арсию и пробурчал:

— Никто, кроме нас, выросших в седле, не понимает истинную ценность лошади, священного животного Арты!

А затем, обращаясь уже к царю Боспора, громко произнёс:

— Неужели ты, царь Боспора, собираешься послать дюжину лучших коней на растерзание или посмешище тем, кто не умеет обращаться с благородными животными?

— Да, пожалуй, ты прав...

— И всё же, Калигула больше любит коней, чем своих подданных, — произнёс вполголоса Перфиллий, — он неделями не выходит из цирка, не пропуская ни одного состязания колесниц.

— Уж лучше пусть Калигула интересуется конями, чем внутренними делами Боспорского Царства, — прошептал Митридат и схватил один из факелов, освещавших выход из дворца, направляясь к конюшне.

Рабы бросились отпирать ворота, а кони заматались и захрапели, возмущенные ночным шумным вторжением хмельных царственных особ и их свиты. По обе стороны от прохода находились отдельные загоны для породистых лошадей. Митридат шел впереди, пристально разглядывая каждую из них. Вот великолепный вороной аргамак, от которого бы, наверное, не отказался кровожадный Лю Сю, а вот холёная игреневая кобыла с косматой длинной гривой светло-соломенного цвета... В самом конце конюшни, в просторном загоне металась серая в яблоках, необъезженная молодая кобылица с белоснежной шелковистой гривой и волнистым в пол хвостом. А тонкие ноги и морда её были пепельно-стального цвета, отливавшего серебром с чернью. Процессия остановилась и раздалась восхищенные возгласы:

— Вот лучшая из лошадей, царь!

— Даже не стыдно отдать её в жёны Инцитату, а если ей повезёт, так и в постель к самому императору, — Митридат не удержался и захохотал, а лошадь поднялась на дыбы и заржала.

Арсия нервно поджала губы и схватилась за рукоятку своего акинака, словно хотела отстоять честь священного животного.

— Ну, хватит. Решено, — прогремел Митридат, причём совершенно серьёзно, и приказал жестом всем покинуть конюшню.

Котий оказался рядом с братом и словно незначай вкрадчиво произнёс:

— Мой царь, а не кажется ли тебе, что глупый посланник может испортить всё впечатление от такого великолепного подарка. Ведь свита императора либо посмеётся над нами, либо воспримет это как вызов. Нам ни к чему подливать масло в огонь взаимных недовольств и распрей между Калигулой и сенатом, как впрочем между Римом и Боспором.

Митридат оценил разумность доводов Котия и тут же продолжил:

— У меня нет посла достойнее тебя, царевич. В Рим должен отправиться именно ты, мой брат. Будь благоразумен и не болтай лишнего, ибо необдуманное слово может стоить тебе головы, а Боспору — кровопролитной войны.

— Когда же мне надлежит отплыть, брат мой? Ведь пока посольство достигнет пределов Рима, Калигула уже оправится от своего бесславного британского похода. Его внимание может переключиться на нас.

— Отправляйся через неделю. Я прикажу вооруженной свите сопровождать тебя. Вот только лошадей на галеру не загрузишь, как бурдюки с вином. Большую часть пути придётся пройти по суше. Да и лошади эти дикие, необъезженные. Что, если император захочет проехаться верхом и сломает себе шею?

Митридат усмехнулся собственной шутке, ибо во всей империи и за её пределами нашлось бы

немало подданных и единомышленников, желающих именно этого.

Котий недовольно поджал губы, так как путешествие по суше обещало быть изнурительно долгим, хотя и не менее опасным, чем под парусами царского флота. Он вообще не любил путешествовать, так как в дороге всегда страдал желудком. В седле его укачивало, и все кости ломило от тряски, а в море донимала морская болезнь. И ещё — он всегда панически боялся за собственную жизнь и не доверял никаким телохранителям. Но послушаться царственного брата он не мог, несмотря ни на что. Поэтому, словно спохватившись и не желая вызвать недоумение Митридата колебанием по поводу посольской миссии, он с жаром воскликнул:

— Ты прав, повелитель. Но не желает ли царь вместе со мной отправить в Рим нашу матушку? Путешествие развлечёт её и, возможно, вернёт ей здоровье. В ней тоже течёт римская кровь, император может прислушаться к её мнению!

И Котий тут же пожалел о том, что сказал. Митридат нахмурился и по-волчьи взглянул на царевича. Немного помедлив и стараясь подбирать выражения, чтобы сдержать гнев, царь произнёс:

— Зная, как ты привязан к матери, я оставлю её в Кесарии, чтобы ты был благоразумен, не загостил в Риме и поспешил вернуться. Она послужит гарантией того, что я питаю к империи сугубо дружеские чувства. Надеюсь, что ты меня правильно понял, Котий?

Царевича прошиб холодный пот, ибо Митридат решил оставить мать в качестве заложницы

и не допустить её бегства в Рим. А то, что Котий станет заложником у императора и за его жизнь никто не даст и сестерция, было бы ясно даже любимому коню Калигулы. Удалив младшего брата из Боспора, Митридат одним выстрелом мог сразить трёх перепёлок. Во-первых, усыпить бдительность Рима относительно намерений царя якобы усилить независимость Боспора. Во-вторых, отдалить Котия от отцовского трона и свести на нет его притязания на власть. В-третьих, он свяжет по рукам мать, которая в страхе за судьбу младшего царевича поостережётся плести интриги и заговоры против старшего сына. Но с этой самой минуты Котий вдруг понял, что у него больше нет родного брата, а есть только соперник, жестокий и хладнокровный. Только бы ему благополучно добраться до Рима, а там... Что-то подсказывало ему, что там он будет в большей безопасности, чем на всём понтийском побережье.

Котий собрал остатки мужества и поклонился Митридату в знак покорности и готовности исполнить его приказ.

— Собирайся в дорогу, — холодно приказал царь и отвернулся, не желая больше лицезреть брата и чувствуя, как подозрительность и ненависть захлёстывает его изнутри.

Митридат на какое-то время даже заколебался, а стоило ли отправлять в качестве посла человека, способного повести свою собственную игру. Пока он совершенствовался в боевом искусстве в обществе друзей-сарматов, Котий, оказывается, уже подрос и стал настоящим змеёнышем, под стать своей матери...

Царь в пылу гнева даже не обратил внимание на то, до какой степени возненавидел свою мать, пусть даже мысленно. Но счел всё же, что Котий в свои семнадцать лет слишком молод для таких рискованных интриг, а общение царевича с Гепе-пирией с этой минуты он сделает невозможным. Хорошо было бы послать вместе с Котием верного человека, который присмотрел бы за ним. Но кого же он сможет найти за неделю? Он вдруг подумал о том, что во всём Боспоре для такого поручения не найдётся ни одной души, и все его подданные — лицемеры и предатели!

Митридат, завладев тронном, уже не доверял никому. Разве что — номадам. Они умели держать слово, были бесстрашны и способны помочь ему удержать трон.

Так ему казалось...

РАССКАЗЫ

КОРАБЛИ

Корабли — это усилители, они усиливают человеческие души.

Когда человек строит корабль, часть его души переходит этому кораблю, и если корабль строит множество людей, то он от каждого что-то возьмет себе.

А потом корабль медленно отдаст людям накопленное. Надо только войти с кораблем в резонанс, и тогда начинает слышаться что-то живое в шуме вентиляторов, в рокоте двигателей, свисте лопаток турбин.

Сначала это пугающее, враждебное, а потом — свое, родное.

А пугает после только тишина. Остановились механизмы, и наступила тишина звенящая.

Она входит в тебя сразу, пропитывает насквозь, заставляет услышать, как падают на палубу капли конденсата с подволока.

Кажется, что они падают с ужасным грохотом — кап-кап-кап.

**АЛЕКСАНДР
ПОКРОВСКИЙ**

Проза

Я до сих пор вскакиваю по ночам от того, что мне приснились падающие капли.

А еще мне снится, что я иду по подводной лодке — это самый крепкий сон.

А потом снится, что ты бежишь по лодке — из отсека в отсек, скользишь по поручням, ныряешь в люки, и люди бегут за тобой, сотни людей, а за вами гонится вал воды. Вот тогда я во сне вскакиваю, бью рукой и ногой, ору. А потом понимаю — это был только сон.

Вода внутри лодки — начало ужаса. Но это ужас только сначала, а если ворвется вода, то человек уже не пугается, он действует, ему некогда.

Пугает бездействие, работа успокаивает. Особенно та, что повторяется изо дня в день на отработках по борьбе за живучесть — «Закрыта носовая переборочная дверь!»

Изо дня в день человек делает это: он закрывает переборочную дверь.

Он делает это сто тысяч раз, но однажды, при пожаре в отсеке, человек из отсека не сбежит. Он закроет переборочную дверь и останется в горящем отсеке, один на один с огнем.

Все делается только ради этого. Делается монотонно, автоматически.

Человек должен превратиться в автомат. Монотонность угнетает его плоть, его разум.

Но она оставляет ему рефлексы.

Ты должен многое делать рефлекторно, не задумываясь.

Так я сдавал на допуск к самостоятельному управлению боевой частью, сдавал устройство лодки. Капитан 1 ранга Колтон, принимающий у меня

экзамен, ставил мне двойку только за то, что я замешкался: «Ты не должен думать, ты должен действовать!»

Тут учат действовать не задумываясь. Задержка может дорого стоить. Вот поэтому каждый день одно и то же, в одну и ту же точку.

Эта монотонность должна пригодиться только один раз: чтобы спасти жизнь.

И не всегда свою — жизнь отсека.

Даже если действия совершенно бесполезны, моряк все равно будет действовать — его на это толкает не только инстинкт, но и корабль — кораблю не хочется умирать, вот они и борются вместе — человек и железо. Они заодно.

Друг без друга никак.

А как почувствовать, что ты с железом заодно? Очень просто. Взошел на корабль и испытал прилив сил. Приложил ладонь к переборке: «Здравствуй, железо!» — и железо тебе ответило, бодрость дало. Примеры? Да, сколько угодно. На «Авроре» экскурсоводами работают старые моряки. Многим под восемьдесят и более. Они еле идут на работу, но стоит им взойти по трапу, как внутри корабля они уже преображаются — годы отступают и они летают по трапам.

У нас старпом каждый день здоровался с кораблем. Он говорил, что корабль теплый.

Когда он вышел на пенсию, то умер на следующий же день. Во сне. Потом все говорили, что это хорошая смерть.

Смерть может быть хорошей.

А на корабле смерть — это работа.

Тяжелая работа, и ее надо еще выполнить, прежде чем наступит она — смерть.

Для корабля почетна смерть в море. Быть может, поэтому старые корабли обрывают концы и тросы, если их ведут на утилизацию. Они умирают на волне — так сильна связь корабля и моря.

Все в этом мире имеет волновую природу, и надо просто быть на одной длине волны, и тогда тебя услышит корабль, а еще тебя услышит море.

Надо сказать: «Море, войди в меня и дай силы!» — и силы обязательно придут.

Старые моряки учили быть заодно с водой, стань ее частью — и тогда вода не тронет. Недаром капитаны на парусниках в бурю кричали волнам свои молитвы.

Все это действует, волна щадит, а гибнут те, кто боится погибнуть.

С погибшего «Комсомольца» люди сыпались за борт. Вода плюс четыре градуса, а им казалось, что они падали в кипяток — им было жарко. А потом они еще и плыли до одного единственного плота, вцепились в него и пели «Варяга».

Песня многим помогла выжить. Они ждали помощь несколько часов.

Даже если ты простоходишь в море с берега, входи без страха, тогда для моря ты свой, оно не обидит.

Оно живое. Достаточно только отплыть от берега на километр — другой и оглянуться — ты будешь на горе, а берег будет впереди и внизу. Это поверхностное натяжение. Оно случается не только в пробирке. И это натяжение воды держит на себе всех — и людей, и корабли.

А я бы не смог служить на берегу. Я это понял сразу — не мое, сидеть в форме флотского офицера в береговой казарме. Уж лучше в море по 250 суток в году.

Корабль качает, подводная лодка выписывает восьмерку, прежде чем рухнуть в глубину, а потом из нее восстать. Подводная лодка — плохой надводный корабль, и я — плохой моряк, я укачиваюсь. А что, это не было ясно с самого начала? Было ясно.

Меня выворачивает неделю, другую, я ничего не ем, почти не пью, в глазах круги — чертово море.

А потом — перестает выворачивать, ты привыкаешь и даже начинаешь есть. Говорят, что работа отвлекает. Врут. Даже если ты скалываешь лед с верхней палубы, то все равно тебя успевают вывернуть наизнанку. Колешь лед, как иступленный. Руки не держат, пальцы сами разжимаются и из них вываливается лом. Потом пальцы не держат даже карандаш, рука дрожит, не слушается.

Ну, и кому это надо? Что ты хочешь доказать?

Ничего не хочу доказать, просто на берегу я бы не усидел. Не смог бы. Пресно там все. Жизнь, как сухая армейская галета — ни вкуса, ни запаха. И слова не настоящие.

А настоящие слова — это когда слово с кровью.

Слово может быть только с кровью. На флоте любое слово пропитано кровью. Так нас учили. Нас так учили люди, которые говорили это все с улыбкой. Они почти шутили. Точнее, они говорили так, как будто они нас разыгрывали, подначивали.

И было непонятно: шутят они или говорят все-речь.

Но потом, через много лет, я стал замечать, что я говорю точно так же, как и они. Вроде бы ни о чем — вру, придумываю, шучу. И все этот тут же, на ходу.

Почему? Потому что эта жизнь на берегу — не-серьезная, ненастоящая, и она достойна только на-смешки, шутки.

А настоящая жизнь — это только там, в море.

Там от напряжения ноют плечи, и судорога хват-ает мышцы.

Говорят, что надо уколоть мышцы иглой, и судорога отпустит.

Чушь. Меня столько раз хватала судорога. Она выворачивала мышцы в море, далеко от берега. Боль жуткая, и никакая иголка не спасет. Судорогу можно только перетерпеть.

Надо просто плыть вперед. Я так и делал: плыл, и она уходила.

Все очень просто: корабль — это когда ты уме-ешь терпеть боль...

РАБОТА

«Вам платят за это деньги!» — было такое выра-жение. Я это много раз слышал. Подводники — это работа, и за нее платят деньги. Интересно, а если б не платили или платили мало, то пошел бы я в под-водники? Наверное, пошел бы, потому что на бере-гу я служил целых четыре месяца — нудятина, ска-жу я вам, а не служба.

А тут — пурга. После подводной лодки совсем по-другому ценишь то, что находится на поверхно-

сти. Я люблю пургу. Идешь один в темноте полярной ночи, и на всем белом свете только вы двое: ты и пурга. Час, два, три. Как-то я шел восемь часов подряд — такие тут расстояния. Надо было идти из базы в базу.

А если мороз, то небо ясное, а потом по этому небу бежит северное сияние. Запрокинул голову и стоишь, потому что красиво.

А если ветер, то он тут такой, что на него можно ложиться. Ложишься грудью на ветер, и он тебя держит. Почему-то становится весело — тебя держит ветер.

А океан трещит. Акустики слушают океан, и он полон звуков. Киты поют, косатки переговариваются. Они и с лодкой разговаривают. Акустики говорят, что косатки все время задают лодке какие-то вопросы.

Они любят кататься на носу лодки, когда она идет в надводном положении. Это сельдевые косатки. Они кормятся сельдью и никогда не нападают на теплокровных.

Оказывается, те косатки, что едят рыбу, никогда не общаются с теми, кто нападает на тюленей. У них даже разные языки, они не понимают друг друга.

То есть, есть хищники, а есть просто рыболовы — совсем, как у людей.

Дни мелькают, годы мелькают — под водой свое время. И с автономки всё никак не вернуться. Сняты отсеки, тревожно, я что-то ищу и не могу найти.

Почти тридцать лет прошло, а я все еще что-то ищу на подводной лодке.

Жен не было, и мы с Саней жили вместе. У него квартира была двухкомнатная, и он мне предложил: «Пойдем, Саня, ко мне жить» — я и пошел, надо же где-то спать.

Капитану третьего ранга негде спать.

Никого же не интересуется, где ты ночуешь, потому что в 8 часов утра ты должен стоять в строю выбритый и выспавшийся. И это очень ценно, если тебя пригласили ночевать.

Сначала приглашают тебя, а потом тебе перепдают ключи от какой-то квартиры — хозяева в отпуске, и ты приглашаешь ночевать другого бедолагу. Пришли ночью, попили чай, поглазели пять минут в телевизор и завалились по койкам — узкая, скрипучая раскладушка, но скрип соседа не раздражает, потому что должен же кто-то рядом с тобой в одной комнате дышать, и сон наваливается сразу.

Есть ли у тебя своя собственная раскладушка? Это все, что у меня есть.

А утром — в шесть утра — вскочил и будто не спал, ничего не помнишь, подняли, не разбудили, бежишь и просыпаешься по дороге, и снег сечет лицо — ветер бросает в лицо снежную крошку. Она очень твердая, все лицо в царапинах.

На лодке начинается сумасшедший дом сразу: не знаешь, что будет через минуту, и куда ты сейчас полетишь. А все ради одного: мы должны выйти в море. От такой жизни многие сбегают, а мне бежать было некуда, я — флотский сирота, ни мамы на флоте, ни папы.

Тут у человека другие глаза — распахнутые, что ли, и, наверное, это потому, что бежать тебе неку-

да — все поменяются, а ты останешься на железе на десять лет.

Тут другие ценности — тут ценят участие: человек помогает человеку, человек не бросит человека. Упал — понесут на себе. Вовка ногу подвернул, и я его тащил до госпиталя. Три часа до поворота, а потом еще три после поворота.

После автономки нога подвернулась в ботинке. Распухла, и ботинок потом срезали. Он терпел, не орал. Мороз, а мы с ним взмокли как мыши. Я потом на стул сел и обмяк весь — двинуться не могу, во всем теле свинец.

Или как мы снег сгребали в зоне. Только пришли с моря, все куда-то делись и тут: «Выделить экипаж на очистку снега», — а людей в экипаже — пятеро матросов и я, остальные разосланы в разные стороны. Вот мы и пошли чистить снег. Ты чистишь — а он идет.

«КОМСОМОЛЕЦ»

АПЛ К-278 «Комсомолец» проекта 685 «Плавник» из состава 6-й дивизии 1-й флотилии Северного флота погибла 7 апреля 1989 года при возвращении с третьей боевой службы.

На лодке был второй экипаж Ванина. Из 69 человек экипажа погибли 42, выжили 27.

Я тогда служил в 1 ЦНИИ ВМФ. Трое суток сидели по тревоге, никто не спал, всё давали рекомендации по спасению, пытались помочь.

Бушевало там, как в мартене, горел титан. Два отсека кормовых выгорели полностью, лодка поте-

ряла продольную остойчивость, встала «на попа» и кормой ушла на дно. Люди сыпались в ледяную воду кто в чем был. К спасению не готовились, поэтому падали в воду в рабочей одежде и тапочках.

А потом весь мир обошли фотографии — горстка людей в воде цепляется за один единственный плот. Их фотографировали — самолет прилетел, сделал фото и улетел. Пока подошли наши спасатели, люди несколько часов были в ледяной воде, от переохлаждения умерли уже только в воде 16 человек.

О причинах возникновения пожара спорят до сих пор. Военно-морской флот винит промышленность в конструктивных недостатках, конструкторы винят флот в безграмотной эксплуатации, приведшей к катастрофе уникального корабля — это была единственная лодка, погружавшаяся на глубину более 1000 метров.

Я был включен в группу, которая выясняла причины возгорания. Было установлено, что в кормовом отсеке оказался неисправен дозатор для подачи кислорода. На этой лодке стояла кислородная установка К-4 (4 кубометра кислорода в час).

Я потом спрашивал: как так случилось, что на уникальную лодку с экипажем не более 70 человек, поставили такую мощную кислородную установку. Ведь то, что дозаторы у нас залипают то в положении «открыто», то в положении «закрыто», знали все и давно.

Так зачем же на 70 человек ставить стандартную кислородную установку, которая должна обеспечивать 160 человек.

Можно же было изготовить установку на 2 кубометра, это несложно и недорого.

А так — явный переизбыток кислорода. Мне тогда было указано, что существует же автоматика, и она отрегулирует. Вот она и отрегулировала. Весь поход установка работала на пониженных параметрах, в половину от своего номинала, а тут дозатор «залипает» в открытом положении, и установка начинает усиленно нагонять в отсек кислород — она там за несколько часов справилась.

Газоанализатор может показать максимальное значение по кислороду только 30 % — дальше шкалы просто нет, и определить процентное содержание можно только расчетным путем, но для этого надо знать хотя бы то время, когда отказал дозатор. А это время мы не знали.

По самым скромным расчетам получалось, что в отсеке могло быть 37 % и выше.

При таком содержании горит не то что ветошь, одежда, масляная пленка на механизмах, горят сами механизмы. Кажется, даже воздух горит.

Всего лишь нужна искра, и на лодке всегда есть чему искрить.

Пожар возник молниеносно. Конечно, надо было стравить баллоны ВВД над кормой за борт. Их не стравили, синтетические прокладки по закрытому клапану «ВВД в отсек» от температуры просто испарились, и воздух стал поступать — получилась доменная печь.

Упреков в ведении борьбы за живучесть экипажу будет потом предъявлено предостаточно.

И спасательные плоты они не отдали автоматически, а пытались вытащить из отсеков, и людей

на верхней палубе не одели в водолазное белье и ИСП-60 не надели. А в нем можно падать в воду и плавать по поверхности и без плотов, в которые еще и не всякий на воде влезет без тренировки. Там, на ИСП-60 есть газовые баллончики со сжатым воздухом для поддува. Поддул, и на спине появляется прокладка из воздуха — можно плавать, все-таки, какая- никакая защита от переохлаждения.

Конечно, сразу стали говорить, что второй экипаж был подготовлен хуже первого, и что если б на лодке вышел первый экипаж, то ничего такого не случилось бы.

Можно говорить и об этом, и о том, что отправили экипаж в море, как всегда в спешке.

В конце концов, все равно расплачиваются люди. Они потом сидят по горло в ледяной воде и поют песни. А еще, говорят, помогает, если вспоминать лицо жены и детей.

Ужасная трагедия, и люди здесь самые надежные механизмы — они не должны отчаиваться, болеть, впадать в панику, они должны бесстрашно драться с огнем, спасать и себя, и лодку — они все это должны.

Выживших наградили. Останься в живых командир Ванин, наверное, его бы судили.

Подводники — это надо пестовать, это растить надо, воспитывать, тщательно отбирать, потому что человек на это всё не рассчитан, он не рассчитан на то, что будет гореть заживо один в отсеке и при этом еще и бороться за живучесть. Нужны особенные люди, их выбирают из тысяч.

Потому что человек в обычной ситуации может быть необычайно сильным физически, а вот в огонь он не идет. В огонь идет маленький, худенький и очкастый — у него будто крылья за спиной вырастают, и он знает, что ему делать, и все слушают в этот момент только его, потому что за ним надежда, это все понимают сразу, без слов.

Подводники — это тяжелые ночи, это вскакивание и вздрагивание по любому поводу.

И на берегу, через десять лет, тебе снится скрежет сдавливаемого на глубине металла, и самый глубокий сон — это когда снится, что ты идешь по лодке из отсека в отсек, и ты слышишь, как работают все механизмы, И ты знаешь, что они работают хорошо, и вот это знание тебя успокаивает, и ты улыбаешься во сне, потому что всё-всё теперь будет только хорошо.

СВАТОВСТВО КАПЛЕЯ

— Саня, ты пойми, — убеждал Андрей Антоныч Саню Углова. — Ты не женат, а уже капитан-лейтенант. Это неправильно. Тебе для карьерного роста нужны жена и дети. Потому что такой застарелый холостяк для кадровиков ненадежен, как весенний кобель: след его может пересечь след самки, и тогда общая хана всей боевой подготовке.

Дело в том, что Саня Углов никогда не был женат — то автономка, то отпуск.

Жена Андрей Антоныча и две его взрослые дочери как-то все пытались устроить его семейную

жизнь — водили по всем знакомым. Андрей Антонычу это надоело.

— Я сам его женю! — заявил он жене.

— Как это?

— А так — женю и все! Тоже мне проблема — подходящую бабу найти. По дороге найдем... или в ресторане.

— Какую бабу? В каком ресторане? Чего ты несешь? Ты что, не знаешь, кто туда ходит?

— Ну, я иногда туда хожу, ну и что?

В общем, пошли они в ресторан.

— Ты, главное, не волнуйся, — инструктировал Саню Андрей Антоныч, — ты выпей сначала.

Саня налил себе полный фужер, Андрей Антоныч посмотрел и молча отлил из фужера половину:

— С таким количеством ты не сможешь ничего ни сказать, ни сделать.

— А что надо делать?

— Встанешь на одно колено и предложишь руку... и сердце.

— А когда вставать? — сказал Саня, выпив еще один бокал.

— погоди, посмотримся сначала.

И они осмотрелись, и не один раз.

— Ну, я пошел? — спросил Саня.

— Куда? — не понял Андрей Антоныч.

— Же... нить (ик)...тсья.

— Мы же еще не выбрали, — Андрей Антоныч тоже говорил теперь медленно. — Сейчас начнем выбирать. Сейчас.

Две подружки — Таня и Соня — тоже пришли в этот же ресторан. Соня была замужем, а вот Тане на кавалеров не везло.

— Это потому, что ты все по любви хочешь, — говорила ей Соня. — А надо с умом. По расчету.

— А в постель я тоже с твоим расчетом лягу?

— Конечно, с расчетом. С расчетом на хорошего человека, — с этими словами Соня внимательно оглядела зал.

— Вон, гляди какой забавный, — взгляд Сони безошибочно вычислил Саню Углова.

— Где?

— Да вон же, он скоро окончательно напьется.

— Муж-пьяница — это действительно забавно.

— Да никакой он не пьяница. Я его сразу отметила. Он и пить-то не умеет, с третьего бокала уже еле языком ворочает. Капитан-лейтенант, не женат или давно разведен. Кремовая рубашка несвежая, и брюки он гладит нечасто. Ничего, отмоем, оденем, на человека станет похож через две недели. Берем?

— Что значит берем?

— Это значит, что я сейчас буду на него смотреть, и он к нам обязательно подойдет.

Андрей Антонович сразу же заметил двух дам.

— Саня, есть две на выбор. Первая беленькая (Соня), другая черненькая (Таня).

— Где?

— Через три столика напротив. У черненькой фигура лучше, но выбирать надо беленькую.

— Почему, Андрей Антоныч?

— Потому что, если у одной из двух подруг фигура хуже, то это означает, что она в этом дуумвирате берет умом. Тебе умная девушка нужна, она не будет тебя перевоспитывать.

— Как это?

— Так. Многие дамы полагают, что нас надо воспитывать и перевоспитывать, и тратят на это уйму времени.

За столиком у дам тоже шла беседа.

— А тот, что с ним рядом, кто, как думаешь? — тихонько проговорила Таня.

— Капдва? Это его начальник. Наставник, так сказать, учитель жизни. Женат, двое детей.

— Почему женат?

— Потому что уже отучен держать руки в карманах, а твой капитан-лейтенант еще нет-нет да и пытается туда сунуть руки, даже сидя за столом. Смотри, как он сидит-то: одна рука на столе, другая под столом. А вот капдва держит на столе обе руки — жена постаралась.

— А почему у него должно быть двое детей?

— А потому что ему уже около сорока, и он капитан 2го ранга. Или старпом, или механик, а в таком возрасте удержат рядом с собой женщину можно, только потопив ее в вечной беременности. Или две девочки, или девочка и мальчик, но девочка старше.

— Ты его знаешь?

— Нет. Ярко выраженный самец, уверенный в себе, знающий себе цену. Пропадает на службе, а дома у него всем правит жена — этакий мужик в юбке, баба-конь. У такой пары могут родиться только девочки, это почти статистика. Смотри, они оживились, сейчас он направит капитана к нам. Подготовь записку с номером телефона и его телефон не забудь взять.

— Так сразу?

— Только так и сразу.

— А что мне делать с Димой?

— С каким Димой? Господи, вспомнила! Это с твоим учителем, что ли? Мы же забыли про него. Договорились же. Он уже десять лет не может с женой разойтись. У него в учительской только бабы, так что он давно уже сам баба. А тут перед тобой мужики — их надо только правильно взять. А Дима твой только сопли жевать умеет. И потом — на чужом горе своего счастья не выстроить. Не надо нам Диму разводить, ему и так хорошо. И не вспоминай это чудо природы. Или я сейчас же уйду, и выходи потом замуж сама. Ну? Решено?

— Да.

— Ну, слава те господи! Все, тихо, он пошел.

За соседним столиком:

— Так я пошел?

— И помни: нам нужна беленькая, — Андрей Антоныч важно выставил палец вверх.

— А если с ней что не так?

— Тогда с ходу предлагаешь черненькой.

— А если и с ней...

— Все с ними в порядке. Не может быть, чтоб у обеих что-то не так. Не забудь на одно колено встать.

Саня встал, одернул тужурку, повернулся и направился к девушкам — там его уже ждали. Подойдя, он опустил на одно колено и воскликнул, обращаясь к Соне:

— Девушка! Вы такая красивая, будьте моей женой!

Девушки обомлели, но Соня быстро пришла в себя:

— Молодой человек, я уже пристроена в этой жизни, я замужем, а вот Таня ваше предложение может выслушать.

Саня обернулся к Андрею Антонычу в жуткой тоске, но тот ему грозно кивнул, мол, немедленно переключайся:

— Ну, тогда мы обратимся к Тане, — сказал Саня, вернувшись к предметному разговору. — Таня, будьте моей женой!

Далее всё за них сделала Соня. Таня и Саня ментально обменялись телефонами, договорились о встрече завтра в загсе, после чего девушки засобирались и ушли.

— Все! — сказал Саня, вернувшись за столик к Андрею Антонычу. — Завтра женимся!

— Молодец! — похвалил его старпом. — Сразу и в лоб.

— А где у нас загс?

— Завтра покажу. А пока пойдешь и проспишься.

— Я могу все забыть!

— Ничего, я напому и сам с тобой схожу.

На следующий день они уже стояли у дверей загса. Девушек не было.

— Не придут они, Андрей Антоныч.

— Еще чего. Они любопытны, как кошки — обязательно придут обнюхаться.

— И что мы им скажем?

— Только не ной! Не мы, а ты этой черненькой скажешь, что влюблен в нее с первого взгляда наповал и предлагаешь ей замуж пойти за себя.

— Я даже, кажется, не помню, как она выглядит.

— Это неважно. Я помню. Фигурка хорошая, сама симпатичная — чего еще надо? Обязательно придет. Да не трясись ты!

— Не могу, Андрей.

— А ты через «не могу». Это нервы. Пройдет после первого поцелуя. И вообще, относись к этому спокойно, как к регламенту. Ей тоже хочется замуж.

— С чего вы взяли?

— А чего они в ресторан явились?

— Ну, так просто.

— Просто так только дети появляются, на все остальное бывает умысел.

— Не распишут нас сразу. Месяц надо на размышление... кажется...

— Распишут. Я и бумагу подготовил от командования, то есть от себя самого, что ты завтра убаваешь в служебную командировку на год. Должны расписать мгновенно, закон на то есть.

— Холодно чего-то.

— Вот и хорошо, сейчас из тебя остатки вытрясет.

— Не придут они.

— Не канючь.

В это время девушки спешили к загсу.

— Не могу поверить, что во всем этом участвую, — говорила Таня на бегу, — никого в этом загсе нет. Никто не придет. Глупость всё это.

— Явятся как миленькие, — Соня от нее не отставала, — могу поспорить.

— На что? — Таня даже остановилась.

— На твои французские духи.

— И на твои.

— Согласна.

— Господи! Неужели я в этом участвую? — Таня опять остановилась. — Я спорю на мужчин?

— Споришь, потому что замуж пора, а это нормальные мужики.

— Какие же они нормальные, если так женятся?

— А нормальные только так и женятся. Им некогда. Где они женщин найдут? Они же служат. Я их насквозь вижу.

В этот момент девушки вылетели из-за угла здания и увидели, что у дверей загса их ждут.

— Вот они, — сказал Андрей Антоныч, — пришли же. И кто был прав?

— Здравствуйте! — сказал Андрей Антоныч девушкам, когда они оказались у дверей загса.

— Здравствуйте, — сказала за двоих Соня, а Таня кивнула. В этом кивке была смесь: страх, любопытство, снова страх и снова любопытство.

Саня Углов тоже изобразил что-то вроде кивка.

— Прежде чем войти, — Андрей Антоныч взял на себя роль старшего над всем этим безобразием, поскольку с Сани толку было мало. — Прежде чем войти, хотелось бы услышать от молодых людей, что они всё ещё полны решимости относительно предстоящих уз. Ну, Саня, — его, кстати, зовут Александром, а фамилия у него Углов, ну это я так, на всякий случай — говори первым и еще раз: да или нет.

— Да! — выдавил Саня с трудом, помогая себе руками (они почему-то описали в воздухе что-то вроде круга).

— А девушка?

Девушка немедленно получила от Сони тычок в бок и тоже поспешила сказать «да».

— Ну, тогда пошли вовнутрь.

Внутри их ждала заведующая загсом.

— Да как же это? Не могу я. Нужно же время на обдумывание! И потом — у нас очередь!

Андрея Антоныча так просто ей было не взять:

— Можете! У нас бумага есть о том, что он завтра уезжает в командировку сроком на один год.

— Как это? Куда? Какая бумага?

На прочтение «бумаги» ушло минуты три. После этого заведующая сняла очки и внимательно посмотрела на Андрея Антоныча — у того было непрошибаемое лицо.

— Всё равно надо будет подождать.

Тут Андрей Антоныч выдвинулся вперед:

— Не может он ждать. Он и так всё время чего-то ждет. Из автономки в автономку, из моря в море. Годами ждет. И опять уйдет неизвестно куда, на бог его знает какое время. А там уж море покажет: вернется или нет. И как вы себя будете чувствовать, если он не вернется? И что мы скажем его детям? Что они появились вне брака?

Заведующая от такой речи онемела. Вся процедура заняла не более десяти минут.

— Поздравляю, — сказал Андрей Антоныч, когда они вышли из загса на улицу. — Молодожены теперь могут выпить шампанского и поцеловаться!

Андрей Антоныч достал из портфеля бутылку шампанского и фужеры.

— Ну, что же вы, целуйтесь!

И Саня осторожно поцеловал Таню.

...Удивительно, но Саня и Таня до сих пор муж и жена. И у них двое ребятишек — сами скоро станут родителями.

А вот любовь к ним пришла не сразу. Таня говорила, что лет через пять, а Саня уверен, что через три года.

Вот и весь брак по расчету — по расчету на хорошего человека.

ВОИНСКИЙ ДУХ

О воинском духе говорят много, а вот что это такое — никто не может объяснить.

Но при этом говорят, что его надо крепить.

То есть, крепить собираются непонятно что.

Я расскажу, как я понимаю воинский дух и что это такое, на мой взгляд.

Если б меня спросили: скажите, что такое воинский дух, но чтоб было кратко, я бы ответил: воинский дух — это то, что делает человека большим перед смертью.

Так что дух — это рядом со смертью, вместе со смертью, перед смертью, перед лицом смерти, и питается он этой близостью. Но, прежде всего, он воспитан жизнью воина, а смерть в нужный момент его просто востребует.

То есть, воинский дух — это то неуловимое состояние души, которое позволяет человеку перед лицом смерти не только остаться человеком, но и вырасти.

Армия — это же ненормальное образование. В мирное время со стороны всё это выглядит, как игры сумасшедших — кто-то отдает какие-то команды, которые с точки зрения здравого смысла,

выглядят совершенно несуразно, и кто-то выполняет эти команды.

Вот, например, тебе дают саперную лопату и говорят: «Надо вырыть траншею до подхода танка!» — а ты говоришь: «Так нет же никакого танка!» — а тебе приказывают рыть.

Жара сорок градусов, в глазах темнеет, солнце в зените, ты в робе под ремень — ее почему-то нельзя сделать навывпуск — и у тебя курс молодого бойца.

А саперная лопатка какая-то несерьезная, маленькая, и ты ее бросаешь в землю, а она от земли отскакивает, потому что земля тверда, как камень. И ты говоришь: «Не копается!» — а тебе в ответ: «А ты поковыряй, и пойдет!» — и вот ты уже ковыряешь землю — совершенное, кстати, со стороны занятие для идиота — и на ней появляется бороздка, как на листе металла, а потом — бороздка увеличивается, увеличивается, становится глубже, и вот уже на лопату можно что-то взять — ты начинаешь копать, а тебе говорят: «Надо вырыть окоп в полный рост за двадцать минут, потому что за это время подойдут танки» — а никаких танков, как уже говорилось, и в помине нет, но ты выроешь этот проклятый окоп за двадцать минут.

И потом — когда тебя будут обкатывать танками на самом деле, по-настоящему, и они действительно на тебя пойдут, ты сохранишь эту способность — в минимальное время без особых страданий, спокойно вырыть окоп в полный рост, независимо от того, твердая земля или нет.

Спокойно — тут главное слово. Перед опасностью человек собран и спокоен.

Армия — это же череда глупостей. Но она является таковой на взгляд обычного нормального человека, потому что обычному нормальному человеку нельзя объяснить, зачем надо отрабатывать строевой шаг, или вот еще одна глупость: шаг на месте.

Это никто в армии не объясняет. Вообще в армии никто и ничего не объясняет. А жаль.

У всего есть свое объяснение. И оно необходимо.

Повторим: необходимо, но никто и ничего не растолковывает.

Всё доходит само по себе, и часто через погибель.

Воинскому духу же, как явлению, не сто и даже не тысяча лет. Он из глубин веков, с пещерных времен. Он — то природное, первобытное, что есть в человеке.

В стае есть вожак, и этот вожак должен быть непоколебимым в любой ситуации, а если что не так, то стая вожака поменяет.

Быстро и очень кроваво.

Вот поэтому всегда существовало и существует поныне выражение «псы войны».

Вот поэтому у многих народов почитались волки, а молодые воины, удаляясь в степь, жили там по законам волчьей стаи, подражали зверю, и перед битвой визжали, рычали, катались по земле.

И одежда таких воинов — волчья шкура. И нападая, они внушали мистический ужас противнику, потому что повадками своими напоминали не людей, но свирепых хищников.

Отсюда и легенды об оборотнях, пришедшие к нам из глубины веков.

И всё это ради духа, всё это ради одного — преодоления страха смерти и самого инстинкта сохранения жизни.

Всё ради доблестной смерти. А точнее, всё для того, чтоб победить её — смерть.

Это жизнь ради смерти.

Человек подходит к черте, за которой небытие, и у этой черты он должен испытать не страх, но необычайное вдохновение, легкость, восторг и потрясающую ясность мысли.

Зачем? Зачем это всё? Ради победы. А победа нужна, чтоб уменьшить свои потери.

То есть, воинский дух позволяет сохранить жизнь. Смерть одного или только игра со смертью, позволяет многим выжить в схватке.

То есть, сначала входим в транс, в нем подходим к смерти вплотную, а потом — происходит освобождение от страха перед лицом вечности.

Таким образом, на пороге смерти человек должен испытывать необычайное чувство легкости и восторга — и всё только ради этого? Да.

Офицер должен показать солдату, как надо умирать — без офицера армия бежит.

Это основное назначение офицера. Это его основная обязанность: показать, как надо умирать. Отсюда и исконная русская забава офицеров — бравада на переднем крае, под пулями. «Пулям не кланялся» — вот такую характеристику дали князю Вяземскому на Бородинском поле. Отсюда и поведение Андрея Болконского, описанное графом Толстым в «Войне и мире». Он же мог упасть перед бомбой на землю и остаться живым,

а он не упал и предпочел ранение и мучительную смерть.

Вот для этого офицера готовят. И готовят его долго. Всем укладом его жизни.

Ему никто ничего не объясняет, но готовят его к смерти. В том числе и с помощью строевой подготовки. Почему? Да потому, что движение строем сродни первобытному танцу. Первобытные воины перед битвой совершали завораживающий воинский танец. Зачем? Затем, что после этого легко идти на врага. Во время танца, выполняя ритмичные движения, подпрыгивая и ударяя ногами в землю, воин впадает в тот самый транс. Особенно если всё это происходит под барабан. Удары в барабан легко ввергают человека в особое состояние, и человеку легче идти на смерть.

Это еще называется измененным сознанием.

120 ударов в барабан в минуту — это идеальный ритм для сердца. Это легко проверить: начните бить в барабан, и через какое-то время все тело начинает подрагивать — тело само настраивается на ритм. И при этом ритме легко меняется сознание.

А потом эту легкость человек переносит на бой, и уже в бою можно увидеть его воинский дух.

Во время войны с Грузией в 2008 году был такой эпизод: шла колонна грузинских танков с пехотой на броне, и им перегородил дорогу русский солдатик — внешне он был похож на бурята. Солдатик был вооружен пулеметом Дегтярева. Он встал на пути колонны и сказал: «А, ну-ка, все на х... отсюда!» — и колонна сначала в изумлении остановилась, а потом она развернулась и отступила, по-

тому что в этот самый момент этот солдатик вырос до небес, а те, что были на броне, ощутили себя маленькими, пигмеями они себя ощутили.

В таком состоянии в человека стреляют трассирующими пулями и видно, как пули, подлетая к нему, огибают его, будто они наталкиваются на какое-то защитное поле.

Рассказывали, как во время Великой Отечественной один связист под пулями тащил на себе катушку с кабелем. Он прокладывал связь. Видно было, что его осыпают градом пуль, а ни одна пуля в него не попала — будто панцирем его накрыло.

Это состояние — ума, тела, мозга — тут всё работает на пределе — это состояние.

В таком состоянии человек спасается не только от пуль, он может уйти от взорвавшейся в его руках гранаты — для него по-другому течет время, и он успевает уйти. Или он накрывает собой гранату, она взрывается, а он остается жив.

Так появляются легенды о бессмертных.

А это всего лишь человеческий дух. Это он делает человека бессмертным, заставляет его идти в рукопашную, бросаться голыми руками на танк или без оружия идти в атаку. Человеку становится всё равно, сколько перед ним противников — он один пойдет на них на всех.

И вот что интересно: оказалось, что невозможно снять на камеру рукопашную схватку — это не удается сделать, что-то всегда случается с камерой, ее в самой гуще событий обязательно заклинит, она не работает — вот такая энергетика у рукопашного боя.

Я и сам не сразу осознал, что такое воинский дух, но через некоторое время пребывания в армии по-

чувствовал, что я стал другим. А люди на гражданке вокруг меня — они какие-то не такие. Будто я обладаю неким знанием, знаю что-то, чего не знают они, им что-то неведомо. Собственно, в тот момент я и сам не понимал, что же такое особенное я знаю, но я знал.

Это входит в тебя постепенно. Тут важен пример. Военные больше, чем обезьяны, способны к подражанию — пример должен быть перед глазами. На кого-то ты себя всё время равняешь. Это непроизвольно.

Чаще всего, это твой командир, младший командир — командир отделения. Он старше тебя всего-то на два года, но в армии это большой срок, это почти пропасть.

Я помню одного командира отделения. Это был не мой командир. Мой наказал меня, дал мне наряд на работу. И вот уже все наказанные после вечерней поверки выстроились для мытья полов. Я тоже взял тряпку, ведро с водой и начал мыть свой участок пола. Он подошел, посмотрел и говорит: «Ты неправильно моешь. Очень много воды на тряпке. Надо выжать ее почти насухо, так она больше грязи соберет и убирать легче. Вот, смотри, как надо», — и он взял мою тряпку, выжал ее и начал мыть за меня пол.

Я этого командира отделения помню до сих пор. Я многих забыл, но его помню.

Потом я напишу в одном рассказе, что Родина начинается с половой тряпки. И это так.

А потом я стал командиром отделения на младшем курсе, и уже я всем показывал, подсказывал и рассказывал о том, как надо служить. Потом

ты становишься для ребят примером. Они тебе подражают. Они смотрят на тебя во все глаза, и эти глаза нельзя обмануть. И когда они прибежали ко мне однажды и сказали, что у клуба пятикурсники грабят первокурсников, то я — курсант третьего курса и их командир отделения — не мог не побегать и не мог не вмешаться в драку. Я дрался один на десять пьяных пятикурсников. Я просто влетел в драку, и спас меня только прибежавший дежурный по училищу.

Это были не наши пятикурсники, не из нашего училища. Их перевели из училища Фрунзе к нам доучиваться. Вот они и притащили с собой свои порядки.

А у нас это было не принято. Драки случались, но у младшего курса карманы не выворачивали.

Каспийское училище вообще было особенное — сюда попадали самые строптивые офицеры, умные, с чувством собственного достоинства — это чувствовалось.

Начальник химического факультета капитан первого ранга Бойко никогда не позволял себе никакой вольности, и каким светом светилось его лицо, когда мы строем отдавали ему честь. Он оставался, принимал строевую стойку и прикладывал руку к головному убору.

Фуражка тогда называлась только головным убором.

Воинский дух — это когда ты не можешь бросить командира, а командир не может бросить тебя. Из осажденного Севастополя эвакуировалось начальство, а солдат и матросов раненых оставили немцам. Генералы шли для погрузки в самолет

сквозь строй раненых, им посылались проклятия. И только один генерал повернул и остался.

Он погиб. И это тоже есть воинский дух.

У нас офицер бросится спасти матроса, потому что так устроен его дух.

Он духом выше матроса. А если матрос выше духом офицера, то им стоит поменяться местами.

Вы знаете, почему на подъеме флага на военно-морском флоте все стоят лицом к флагу, построенные в одном строю, и командиры и матросы, и нет никого, кто бы вылез вперед?

Потому что честью все равны перед флагом. Ответственность перед Отчиной разная, поэтому командир во главе строя, но сам строй развернут к флагу, и по отношению к флагу все равно удалены. Ежедневное отдание чести флагу — это напоминание о чести.

Честь — это нерушимые правила поведения. Почему нерушимые? Потому что они смертью подправлены. Всё писано кровью. Флот — это кровь. Кровь, и кровь людская.

Вот поэтому и на палубе корабля можно петь и плясать только матросам и только матросские песни и пляски. Почему? Потому что и палуба кровью полита.

На крови не пляшут, а если и пляшут, то это не совсем танцы.

Это танцы для воспитания духа.

И танцевать их могут свои.

Своих корабль простит.

ДЕДУШКА

По Красной площади шли два капитана 1 ранга — Жернов и Попов. Жизнь была прекрасна, светило солнышко, а они — оба подводники и герои — только что получили Героев Советского Союза за поход подо льды, после чего они решили прогуляться по Красной площади, чтобы унять в себе чувства.

Площадь была пуста — вот только навстречу им попался трясущийся от времени и прожитого дедушка-генерал. Они ему отдали честь, как это принято на флоте, быстро и молодежато — то есть, лапу к уху в одно мгновение — некоторые, но только не я, утверждают: со стороны это похоже на сбиение на лету надоедливой мухи.

Они-то отдали, а вот дедушка-генерал — нет. Друзья развернулись и, догнав деда, обратились к нему со словами, мол, как же так, товарищ генерал, мы, подводники, моряки и герои Советского Союза, можно сказать, вам честь отдаем, а вот вы нам — таки нет.

— Стар я, сынки, вы уж меня простите, — сказал генерал, — не вижу я ни хрена, вроде бы было, но я не совсем был уверен. Так что, еще раз прошу прощения.

После этого генерал затих — погрузился в воспоминания, наверное, но ненадолго.

— А знаете, как мы сделаем? — вдруг оживился генерал. — Вы еще раз пройдете мне навстречу, отдадите честь, а уж я вам тогда отдам по всей форме, потому что подготавливаю.

Ну, на Красной площади, повторим, почти никого — устроили представление. Генерал встал, выпрямился, а они отошли, развернулись и пошли ему навстречу — поравнялись и отдали честь, а он им:

— Э-э-э, нет, ребята, так не пойдет. Я стою по стойке «Смирно», а вы мимо прошмыгнули и отмахнулись. Нет! Надо как положено, за три шага до меня перейти на строевой шаг, а потом с резким поворотом головы... — в общем, еще раз.

Еще раз и...

— Э-э-э, нет, ребята! Ну, что это за строевой шаг, вот как надо, — и генерал весь вдруг преобразился, даже помолодел и рубанул таким строевым шагом...

В этом месте рассказа капитан 1 ранга Жернов обычно делал остановку, мечтательно закатывал глаза, смотрел вдаль, улыбался чему-то своему, потаённому, и говорил:

— И ведь шесть раз нас тогда прогнал...

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

Подводная лодка — это киборг наоборот. Тут по железным внутренностям годами ходят живые люди. Они и шестеренки, и смазка одновременно. Они это понимают — самые надежные болты, они не должны никогда ломаться.

На лодке другая скорость жизни и всё на бегу. Даже на берегу подводников отличает то, что они всё время куда-то бегут, и это не только

внешне выглядит, как бег, это бег внутренний, человека что-то подхлестывает, он бежит внутри самого себя, он не может долго стоять на одном месте, он не может остановиться, он бежит даже во сне.

А под водой, в море, сколько не бегай, все равно это восемьсот метров в день — больше не получится. На земле человек должен проходить в день три-пять или десять километров, иначе слабеет голеностоп, слабеют связки, кости и вообще всё слабеет.

А после автономки из-за свежего воздуха наступает эйфория. Она длится несколько часов, а потом наваливается усталость — головы не поднять, тяжесть по всему телу, и утром не проснуться, не встать. Я после автономки однажды минут десять катался по койке — не мог встать, болело всё, и глаза не открывались.

Через несколько суток приходишь в себя, и опять в море, а там рваные режимы — всплытие-погружение. А на всплытии воздух-то свежий, смаривает, и люди спят, где попало — где сел, там и заснул. Всплыли и идем в надводном положении, я поднялся в центральный пост, а там все спят: спит вахтенный механик, спит оператор «Вольфрама», вахтенный центрального, старпом в кресле — все спят, и ты пробираешься между ними. Будто в сказке побывал. Тронешь человека за плечо, а он недвижим, растормошил, а он мычит, не просыпается.

Жизнь такая: сел — заснул, вскочил — побежал. Годами так живут.

И очень высокая скорость говорения — тут быстро говорят, экономя на глаголах, быстро думают, и всех раздражает, если собеседник думает и говорит медленно — его уже поняли, а он всё говорит и говорит. Нетерпеливые вокруг все, нервные, срываются на крик.

Но только на земле. Под водой все аккуратные, бережные. Матросику на плечо руку положил: «Каюмыч, ты в трюме давно был? Сходи, зайка, еще раз глянь...» — под водой все очень вежливые, потому что лодка может обидеться и выключить аппаратуру — сиди потом сутками, колдуй. Так что матросиков я называл «зайками», а заботился о них, как о детях.

Они и были детьми — так и тянет по рукам ему дать, чтоб ничего не лапал. У нас тронешь не то — и смерть, а это ж детеныш неразумный восемнадцати полных лет, небось, мать у него дома не спит ночами, ждет. Вот поэтому все чуточку не в себе.

Ну, самую малость.

Мне поначалу так и казалось, что вокруг меня все сумасшедшие, немного с дуринкой, с веселой чудинкой. А потом, лет через пять, я понял, что я говорю и думаю так же, как и они — быстро, экономя на глаголах: «Два человека туда, трое на месте. Пулей!» — в основном, вот такая речь.

А дома ты очень медленно ешь. Приходишь вечером — 21–22.00 — жена с порога что-то говорит, говорит, а ты ей: «Подожди, я еще в железе, шинель сниму», — а ей же поговорить хочется, она целый день одна, вот она и говорит, никак не наговорится. Усадит за стол — беляши приготовила — ешь. А тебе ничего в глотку

не лезет — вот и жуешь медленно, тупо, мысли какие-то, на жену смотришь, а она волнуется: «Невкусно?» — «Вкусно».

Странно это: другой мир, и в нём жена. Можно даже руку протянуть и потрогать. Потрогал — «Ты чего?» — «Ничего».

Конечно, дети помогают. С ними жена занята и ей уже не до тебя. Пришел с моря — дети повисли на тебе, не дают шинель снять, визжат. Ты их сцапал и вверх подбрасывать — общий визг. Это особенные дети. Они могут сами встать по стойке «Смирно», если заиграет гимн. Никто не требует, а они стоят. И в песочнице летом играют до часу ночи — лето же полярное, и солнце не заходит, вот они и возятся, спать им не хочется, безопасно же, никого нет, и мама в окно смотрит.

А вокруг тундра, а в поселке и на газонах расцветают гигантские одуванчики — им надо успеть расцвести, лето-то короткое, вот поэтому тут выживают только гигантские одуванчики, и люди, что не бросят человека в беде.

Идешь из базы в базу зимой — один ты на всю дорогу — ночь, темень, дорогу не видно из-за снега, метель начинается, и тут вдруг машина, обгоняет тебя и останавливается: «Садись!» — садишься и едешь до базы. С мороза в тепле кабины мягчеешь, глаза слипаются — рот точно медом смазали, губы не разлепить, задремал. Будит тебя окрик: «Приехали!» — вылезает, говоришь только «спасибо» — и на этом всё — не знаешь даже, как человека зовут.

Тут имя необязательно. Тут можно видаться с человеком каждый день и так годами, и годами

не спрашивать его имени. И он тебя не спрашивает. Встретились, узнали — «Давно тебя не видел» — «В морях были». Тут говорят, что были не в море, а «в морях».

В море очень плохой сон. Только заснул, и внутри тебя сразу нарастает напряжение, тебя точно раздувает изнутри, топорщит. Всё, кажется, что что-то должно случиться.

А командиры вообще не спят. По триста суток в году в море — и не спят. У командира в каюте лампочка переговорного устройства «Каштан» в изголовье — это чтоб он сразу же вышел на связь с центральным постом. Так вот она никогда не гаснет, так и светит в темноте каюты. В центральный пост по тревоге командир может прибежать в нижнем белье.

И на берегу это напряжение у него не уходит. Спирт и женщины это напряжение не снимают. Командир в сорок лет может выглядеть, как в шестьдесят. Многие в обморок падают.

Еще курсантом я встретил такого командира, как Руденко. Прозвище на экипаже «Саша — тихий ужас» или «Сапоги несут канадку». Он маленького роста был, орал, носился по пирсу. А потом я как-то мимо его каюты прошел, дверь была полуконкрита, а он лежал на койке и рыдал в подушку. Я тогда тихонько дверь прикрыл и через переборку бесшумно слинял.

Подо льды ходили. Оттуда можно произвести залп ракетный, и в ответ тебя очень трудно будет поразить. Но опасность есть — если пожар, то всплыть будет трудно: лёд может быть и в пять метров толщиной.

А еще можно с айсбергом встретиться. Лодка идет вслепую, только по приборам, и айсберг может иметь подводную часть в двести метров — это ледяная гора. Вот поэтому и идем тихонечко.

Айсберг когда тает, то в нем ручейки бегут, журчат. Вот их акустики и слышат. А еще айсберг хлопает на волнах: «Айсберг справа двадцать, дистанция десять кабельтов!» — от таких докладов акустики седеют.

Погибнуть можно же от ерунды, от того, что факел гидравлики попал в незащищенную лампочку аварийного освещения. Это все равно, что в камере внутреннего сгорания оказаться. Мертвых потом из отсека выносят все: офицеры, мичманы, матросы. Назначают экипаж. На руках. Матросикам спирт дают перед спуском в отсек хлебнуть. Они сходят вниз пьяные, а выносят тела уже трезвые.

Эдика Айрапетяна хоронить прилетал отец из Еревана. Мать не смогла, слегла. Отец его как увидел, так по-армянски и начал говорить, мешая все это с русскими словами: «Джаник! Как же я матери про это скажу!»

Хотели в Армению его отправлять, отец говорит: «Он русским офицером был, пусть здесь и лежит. Лучше мы к нему приезжать будем».

Русским офицером считал себя и Иджран Рустамзаде.

А Сашу Сафарова во время событий в Баку арестовали за предательство азербайджанского народа и водили каждый день расстреливать — стреляли в стену, вокруг головы. А он говорил: «Стреляйте, я — русский офицер!»

Подводные лодки — это такие штуки... в общем, на них почти инопланетяне служат.

А потом эти инопланетяне на берег попадают, а на берегу всё — курорт...

ФРОНТ БЕСКОМПРОМИССНЫЙ

Спустя тридцать лет наше общество вновь подвергает ревизии культуру, созданную за эти десятилетия насаждения ценностей корпоративного капитализма, целью которого является «получение прибыли за счёт других людей с использованием обмана и насилия», чему свидетелями мы и стали в девяностые годы. Тогда же к нам хлынула соблазнительная гедонистическая идеология, когда удовольствие является высшим благом и смыслом жизни, а прочие ценности лишь средством достижения удовольствия.

Эти десятилетия я бы назвал эпохой паразитирования и преклонения перед чужеродным, когда собственное традиционное, высокое уничтожалось, а низкопробное, чуждое усиленно насаждалось. Целью подобного антинационального беспамятства было нескрываемое властью, служившей глобальному капиталу и его закордонным проводникам, превращение на-

**ВИКТОР
КУСТОВ**

Публицистика

родонаселения некогда самой читающей и думающей, с уникальной системой образования, страны, в бездумных, управляемых потребителей. По сути, рабов.

Тридцать лет назад мы, позавидовав материальному изобилию и возможности более широкого свободомыслия, отказались от поиска собственного пути в бездефицитное свободное будущее, которое вполне было возможно на основе социалистического уклада и требовало лишь его усовершенствования, и стали прилежно учиться у отнюдь не бескорыстных зарубежных наставников.

Моему поколению выпало играть существенную роль в тех переменах тридцатилетней давности и вот теперь наблюдать нынешние попытки вернуть то лучшее, что было там, в уже не существующей, но уважаемой и не забытой по сей день человечеством, державе. Вернуться к нашему, накопленному несколькими поколениями, собственному опыту.

Вот на сравнительном сопоставлении я и построю свои размышления.

ЧТО ПРЕДШЕСТОВАЛО ПЕРВОЙ РЕВИЗИИ

Живя во времена развитого социализма, мы не задумывались, чем отличается наша страна от капиталистического закордонья. Мы жили в государстве, где главной ценностью был человек, а идеей — социальное равенство, не постигая до конца смысла этого нашего глубинного отличия от капитализма. Но построить общество благоден-

ствия в отдельно взятой стране в окружении иного экономического уклада невозможно. «Мы пришли слишком рано» — пророчествовал Л. Троцкий. И Ленин, и Сталин соглашались с этим. Но Ленин посчитал невозможным отказаться от свершённой революции, а Сталин — от строительства социализма в отдельно взятой стране, уповая на расширение социалистического лагеря, что и постарался реализовать после Второй мировой войны. Мы жили, веря в долговечность СССР и преодоление экономических проблем в рамках существующего строя. И культура в нашей вере играла значимую роль.

Советская культура конца восьмидесятих годов прошлого века состояла из двух практически равновесных слоёв: официального, поддерживаемого властью и андеграунда, проповедниками которого были те, кто либо относил себя к диссидентам, либо разделял их убеждения.

Лакмусовой бумажкой надвигающихся перемен всегда является молодёжная субкультура, и прежде всего, популярная музыка. В СССР семидесятые-восьмидесятые годы характеризуются широким увлечением молодёжи эстрадой, самостийные коллективы были практически в каждой школе. Это был апогей славы Beatles. Выступления самодельных музыкантов и гитарные посиделки у костра или на кухне стали неотъемлемым и значимым элементом жизни советской молодёжи. Направление музыкальной субкультуры в идеологически верное русло было одной из главных задач молодёжной политики.

Сегодня мы уже многое знаем о судьбах многих певцов и ВИА, ставших популярными в то время

и не утративших эту популярность сегодня по прошествии десятилетий. Но всё же большинство провалилось именно из андеграунда. (Так состоялось явление Высоцкого). Был не громогласно, но всё же признан джаз как отнюдь не чуждая нам музыка. Но всплеск иномышления, то есть отрицания официальной и поиска новой музыкальной культуры, выпал на движение рокеров и, отчасти, бардов. Именно в восьмидесятые прорвались к слушателю «Кино», Алиса, «Чайф» из Ленинградского рок-клуба, здесь же обрела известность группа «ДДТ» из Уфы. Несколько позже прогремел Свердловский рок-клуб с ярким «Наутилус помпилиус».

Это был стремительный взлёт и довольно быстрое угасание рок-движения. Но именно эта музыка и эти музыканты были проповедниками перемен.

Не столь громкой, но более долговечной была популярность бардов. Грушинский фестиваль, начало которому было положено в 1968 году, существует и по сей день. (Правда, были перерывы с 1980 по 1986 годы и в пандемийные). Да масштабы уже не те. Пик популярности барды пережили в 2000 году — крепок был задел социалистического романтизма, — тогда он собрал около 210 тысяч зрителей и слушателей из 139 городов. Нынче на него приезжает от 20 до 30 тысяч. Здесь в разные годы тоже были свои знаковые имена: Визбор, Городецкий, Долина, Митяев...

Ещё одно направление искусства, воздействующее оперативно и непосредственно на массового зрителя — театр — в СССР выполнял сугубо идеологические задачи, ставя пьесы Арбузова, Розова, Вишневского, Зорина или Гельмана, или же

прибегал к эзопову языку, став сугубо режиссёрским, то есть реализующим вкус и видение режиссёра, как «Таганка» Любимова, «Современник» Ефремова, «Ленком» Эфроса. Они творили нечто отличное от большинства режиссёров, радуя зрителей закамуфлированной смелостью откровений... А театров было немало: 344 драматических и 155 для детей и юношества — ТЮЗов.

По-настоящему массовое искусство — кино, было менее оперативным, но подход к нему был тот же, и противостояние творцов с властью такое же, как в остальных видах искусства. И опять же были авторитеты, передающие своё понимание мира, свою правду. Это было режиссёрское кино Тарковского, Шепитько, Гайдая, Данелии, Лиозновой, Рязанова, Германа, Шукшина, Михалкова...

СССР слыла как самая читающая страна мира. И действительно, выходявшие массовыми тиражами книги писателей расходились быстро. Как и тиражи толстых журналов. Но наряду с тем, книжные магазины были заполнены литературой Политиздата, совсем не востребованной или востребованной по принуждению. Издательства строго блюли идеологическую чистоту выходящих к читателю сочинений, инакомыслие не допускалось. В то же время работа с молодыми творцами велась. Таланты поддерживались и направлялись в нужное русло (как, впрочем, и нынче, только русло другое), а кто сопротивлялся и не поддавался политической огранке, подвергался остракизму.

И тем не менее именно в литературе, где роль главных редакторов журналов и издательств многое значила, случались прорывы. Самым ярким

прорывом советской эпохи был «Новый мир» Твардовского. С его приходом, в 1950 году, тираж был 67300 экземпляров, а в 1954 году, когда его отстранили — 140 000 экземпляров. Потом был спад, тираж колебался в интервале ста тысяч. В 1958 году Твардовского вернули на ту же должность, и тираж вновь подскочил. Но уже не столь значительно, сказывались ограничения, с которыми он вынужден был согласиться. А космический тираж выпал на 1990 год, когда составил 2 710 000 экземпляров. Но это уже зависело не от редактора... Нынче тираж журнала 2000 экз.

В литературе СССР, неправомочно, в угоду политическим шаблонам отнесённой к некоему соцреализму, а на самом деле традиционно реалистичной, существенную роль сыграли «шестидесятники», выступления поэтов в Политехническом и Лужниках, а также «деревенщики», представители городской прозы. И очень значимую роль в формировании советского человека сыграли авторы военной литературы.

Советская проза отличалась не только идеологической выверенностью, но и высоким качеством — благодаря высококлассному редактированию и жёсткому художественному отбору. Явление литературы андеграунда в девяностые годы, издаваемой по идеологическим соображениям, показало это.

Изобразительное искусство, пожалуй, более всего подверглось в годы социализма цензуре. Многие направления начала девятнадцатого века, основоположниками которых стали именно русские художники, были отвергнуты по причине от-

сутствия идеи. Хрущёвская «бульдозерная выставка» стала тем самым Рубиконом, после которого написание портретов членов Политбюро и всяческих лозунгов к первомайской и ноябрьской демонстрациям стало основным направлением художественного творчества. Правда, не возбранялось также написание пейзажей и натюрмортов, поощрялось создание портретной галереи тружеников. И вне критики была студия военных художников имени Грекова. Хотя стоит отметить, что интересные художники были не только среди запретных, но и среди обласканных властью.

Таким образом, социалистическая культура действительно существовала в довольно жёстких, но не узких границах. В то же время граждан СССР знакомили с лучшими образцами культуры зарубежной. И именно это во многом создало в обществе иллюзию того, что всё там, на Западе, лучше. У советского зрителя, читателя, слушателя не было полноты знаний о подлинной масскультуре, которая там превалировала. И сложилось устойчивое впечатление, что там всё лучше: больше товаров, лучше культура, комфортнее жить.

Чего мы хотели, о чём мечтали в 1991 году? Отнюдь не о капитализме. Мечтали о товарном изобилии, ибо дефицитом стало практически всё; о свободном волеизъявлении и возможности говорить и писать правду, о свержении всевластия и привилегий партноменклатуры. А ещё мечтали о возможности реализации собственных идей. И видели перемены в рамках равенства и братства всех. Вот почему не разглядели в ваучеризации троянского коня капитализма.

К ЧЕМУ МЫ ПРИШЛИ

В конце восьмидесятых и начале девяностых всё тайное, диссидентское, накопленное в андеграунде, выплеснулось в социум в считанные месяцы. И пока творцы, прежде не признанные властью, но вдруг востребованные и во власти, и в обществе, пребывали в эйфории, за их спинами на авансцену вышли «малиновые пиджаки», под чьим прикрытием страну прибрали к рукам способные ученики заморских кураторов.

В этот период первой ревизии самый ажиотажный спрос был на информацию. Именно в эти годы фактически правила «четвёртая власть». У киосков «Союзпечати» были такие же длинные очереди, как за водкой во времена борьбы с пьянством. Сверхпопулярны были телеведущие, журналисты. Это было время телевизионного «Взгляда», журнального «Огонька», газетных «Московских новостей», а вместе с ними и тысяч других СМИ... «Толстые» журналы и книги возникших негосударственных издательств выходили огромными тиражами. Страна читает Айтматова, Астафьева, Белова, Бондарева, Дудинцева, Искандера, Распутина, Трифонова... И вдруг года за два-три всё кардинально меняется. Капитализм уверенно насаждает свои ценности, удовлетворяя спрос на лёгкое чтение. Наступает эпоха детективов, фантастики, фэнтези... Популярны Акунин, Веллер, Пелевин, Улицкая и... Павел Санаев с «Похороните меня за плинтусом»... Страна постепенно перестаёт быть самой читающей, ибо подавляющая часть советского общества привыкла читать настоящую

литературу, но рынок, а точнее капитал, формировал уже иное образование и иной спрос...

Кстати, в СССР в 1985 году было 326 тысяч библиотек на 278 миллионов, одна на 853 человека, сегодня в России — 42 тысячи на 147 миллионов, одна на 3500. Естественно, одной из причин таких перемен является интернет. Но не только. Главная причина в том, что низкопробное чтение, побочным продуктом которого стали телесериалы, заняло место политпроса, насаждая идеологию вождя-ленного глобализацией потребителя.

В основе самой читающей страны были образованность и устремлённость в будущее через созидание этого будущего. У потребителя будущего нет, он живёт «здесь и сейчас»...

На музыкальном Олимпе звезду ещё советской, но уже и массовой культуры Пугачёву стали теснить «Ласковые май» и иже с ними. Но и они скоро уступили место не столько обладателям уникальных голосов, сколько устроителям разных шоу, гимном которых вполне можно считать «Зайка моя» в исполнении Киркорова. *«Зайка моя, я твой зайчик. / Ручка моя, я твой пальчик. / Рыбка моя, я твой глазик. / Банька моя, я твой тазик»...*

А потом на короткий период пришли рэперы.

«В моём плеере педерасты/ А на проводе террористы/ Я читаю для тех, кто бродит/ По рукам или по этапам/ Я не требую понимания/ Лишь один из шального люда / Понимает меня Иуда».

Это из текста Хаски.

Трудно сказать, что это: протест или пародия на тексты попзвёзд... Впрочем, возможно роль рэперов, как и роль рокеров — предвестье перемен...

Один из сайтов в числе самых популярных певцов 2023 года, помимо Цоя, Михаила Круга, «Ленинграда», Киркорова, Пугачёвой называет и Клаву Кока, и Даню Милохина и прочие англоязычные имена... Этаким срез, не требующий комментариев... Хотя, впрочем, почему-то нет Бузовой...

То, что сегодня ставят в театрах, является предметом пристального внимания не только общества, но и власти. Театр тоже неплохо поработал над формированием потребителя.

Советское кино, в своё время достойно конкурировавшее с ведущими кинофирмами Запада и Голливуда, затмила и вытеснила сначала видеопродукция, насаждаемая через видеосалоны, а затем совсем не «золотая коллекция» Голливуда, успешно похоронившая отечественный кинематограф.

В живописи канули в Лету не только портреты передовиков соцтруда, но и традиции русских живописцев... Митьков, вознесённых ветром перемен в начале капитализма, сменили более сановитые Никас Сафронов, Илья Глазунов, Зураб Церетели, склонные к фантазийному или сказочному искусству. А нынче и их слава уже в прошлом.

КАКИМИ ЖЕ НАДЕЖДАМИ МЫ ЖИВЁМ СЕЙЧАС?

Хотелось, чтобы новый культурологический слом вернул обратно понимание многих традиционных ценностей. Но вряд ли это произойдёт, ибо общий уровень образованности не тот, что был в девяностые годы. Тридцатилетнее оболванивание дало свои результаты. Героями и примерами

для подражания для подростков конца прошлого и начала этого века, которые стали взрослыми и сейчас обучают и творят во всех видах искусств, были банкиры, киллеры и проститутки; настольной книгой — «Гарри Потер», непревзойдённым шедевром — инсталляции унитаза, режиссёрским откровением — демонстрация на сцене гениталий, тексты эстрадных кумиров я уже цитировал. Откуда им знать иные ценности, которые пока ещё хранит старшее поколение...

И тем не менее как в девяностые спрос на запретное поспособствовал насаждению идеологии капитализма, так нынче созревает спрос на внятную эстраду, на репертуарный театр, на нефантазийное кино, на традиционную живопись, на высокохудожественную литературу, благо за это тридцатилетие проповедники общества потребления при всём желании не смогли ни извратить, ни заменить своими кумирами, ни свергнуть с пьедестала русскую классику, как это сделали с советской. Но, не имея под ногами фундамента, получив образование, а, следовательно, и мировоззрение на основе фантазийно-альтернативных по отношению к реальному прошлому знаний, невозможно ни построить будущее, ни даже заглянуть в него. Теперь нужно выпестовывать новую элиту, выученную по иным, чем их родители, учебникам, читающую иные книги, смотрящие иные спектакли и ценящую другие картины.

Но возможно и иное решение. Более короткое и более недемократичное: вмешательство государства в эти процессы: формирование госзаказа на литературу, на театральный репертуар,

кинокартины и телесериалы, изобразительное искусство. Общество сегодня ждёт этого, но к этому не готова ни власть, ни сложившаяся система оценки в искусстве.

После ревизии девяностых напрочь обесценились целые пласты научных изысканий состояния и перспектив развития общественных наук и искусства. Враз утратили блеск награды, премии, звания... Последствия новой ревизии опять же обесценят труды именитых и премированных, обласканных проповедниками капиталистического общества, которых за это тридцатилетие наплодилось немало. Они добровольно не откажутся от своих привилегий, насиженных хлебных мест, не согласятся признать никчемность собственной значимости. Неизбежно противостояние, неизбежен фронт, желательна бескровный, но бескомпромиссный.

Это не будет возврат к искусству и культуре социалистического общества. Но это будет закономерный и неизбежный возврат на магистраль традиционного всечеловеческого развития.

В своё время нам казалось, что социализм, СССР — вечны. Сегодня вечным кажется своё положение тем, кто самоназвался элитой и верховенствует в культуре. Тогда СМИ вкупе с народным фронтом того времени, развернули и перевернули страну и общество.

* * *

Кудрявая, с румянцем на щеках —
тебе в тот год исполнилось лишь двадцать —
застенчива была ты и хрупка,
и не умела строгой притворяться...

Учительница первая моя,
поклон тебе из дебрей Настоящего!
Ты грезила о сказочных морях,
о рыцарях, мятежных до бесстрашия.

Мелькали горы, степи, города,
названья звёзд,
столь трудных для прочтения...
Ты говорила... Жаль, что я тогда
не понимала новых слов значения.

**ТАМАРА
ЛАНГУЕВА-
СУХОРУКОВА**

Поэзия

Я мысленно парила в небесах,
как ласточка, вольна и невесома...
Весь мир менялся,
таял на глазах
и возрождался, обновлённым, снова.

Струился воздух... и текли стихи,
нескладные по-детски, но сердечные.
Вот только я не помню ни строки:
всё растворилось в даях бесконечных.

Запорошила времени листва
те годы-призраки,
которых отраженье
сродни, пожалуй, тайне колдовства
дрожащих бусин в связке ожерелья...

* * *

Учил высокому Конфуций,
Жестокосердье сокруша.
Кровавых войн и революций
Не терпит чистая душа.

... Что значу я?
Что значит Время
И катаклизмы перемен?
Не прорастёт живое семя,
Нарушив свой теплообмен.

... Отслеживаю Время оно,
Чтобы себя в себе найти —
В глуши полночного перрона,
У Вечности на полпути.

Судьба... Она ведь уникальна:
У каждого из нас — своя,
Как сеть петроглифов наскальных,
Как цепь на древних якорях...

* * *

Варю повидло, стряпаю...
Грущу
О том, что не случилось и случилось...
И зажигаю вечером свечу
В надежде на Божественную милость.

Прозрачность дней уходит в тусклость лет...
И, кажется, не будет избавления

От старости, что шаркает вослед,
От глупой лжи и беспричинной лени.

... И часто я, гуляя по утрам,
Прислушиваюсь к пению речному,
К живой игре волнующихся трав
И к беготне мальчишек возле дома...

Ведь Настоящее, как бабочки полёт:
И вроде — здесь, а вот уж там витает...
И жаль до слёз, что это всё пройдёт,
И календарь я вновь перелистаю.

* * *

Стала чувствовать иначе...
Дней наплыв тревожный.
Неудачи,
неудачи,
на часы помноженные.
Циферблат рассыпал стрелки...
Как сломить усталость мне?..
Вьюги странные проделки
настигают и во сне.
Белым саваном кружится
снег над ледяной Невой...
Это вечно будет длиться
петербургскою зимой.
... Что-то в мире изменилось
или, может, я — не та?..
Подорвалась, как на mine,
тихой лени пустота...

НАСТАВНИК

Костёр съедает ветки с треском...
Геолог старый, дядя Глеб,
ломая серый чёрствый хлеб,
поёт студенческую песню.

Он пережил за долгий век
войну,
ранения... и время.
Наш Глеб — толковый человек,
в тайгу пошёл не ради премий!

Никто его не наградил
за то, что чудом жив остался,
за то, что из последних сил
он за мечтой своей гонялся...

Тьму километров прошагал,
от гнуса пух, как от проказы...
В глуши он золото искал.
Удача не приходит сразу.

Ему охота рассказать,
что с болью к сердцу прикипело.
Кому — пустяк, а Глебу — дело,
коль за плечами есть рюкзак.

* * *

Грустью осенней скованы листья,
Как паутиной — деревьев стволы,
Редкие капли, дождинок монисты,
В прелой траве приютиться смогли...

Стылой ноябрьской земли волхованье,
Сдержанный ропот озёрной воды.
Осень скопила лесные преданья...
Ей благодарность за эти труды.

Только лишь я ничего не собрала,
Не сберегла для грядущих времён...
Ни серебристых небес покрывала,
Ни полыханья багровых знамён.

Красных знамён вдаль ушедшего века...
Что же нас ждёт за развилкой дорог:
Слёзы утраты, беспечность ли смеха,
Мира ль неведомого порог?..

* * *

Растают серые снега
И станет чуть теплее ветер...
И ночью месяц, как серьга,
Засеребрится — юн и светел.

Сова аукнет за бугром
В притихшей сумрачной дубраве
И по реке скользнёт паром
И след недолгий в ней оставит...

И снова в полночь я проснусь,
Не понимая, что случилось.
Душа давно ждала весну...
Простая в общем-то причина.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ В СТАВРОПОЛЕ

**Ворошиловск¹, 1941 год.
22 июня.**

В истории России было немало войн и кровопролитных сражений. О многих событиях в памяти нередко остаются лишь обрывочные сведения из школьных учебников. Но история Великой Отечественной войны даже через многие десятилетия воспринимается как что-то очень личное, что болезненно отзывается в сердцах нескольких поколений наших земляков. Прошло 83 года со дня гитлеровского нападения на СССР. Каким был тот роковой день 22 июня для жителей Ворошиловска (так с 1935 по январь 1943 года назывался Ставрополь)?

Это был обычный воскресный день. Горожане по-разному планировали провести свой выходной. Кто-то с утра по-

¹ До 1943 года Ставрополь назывался Ворошиловском.

**АЛЕКСЕЙ
КРУГОВ**

Краеведение

раньше отправился на рыбалку, кто-то готовился к семейному празднику, а кто-то позволил себе выспаться и никуда не спешить. Наши старожилы рассказывали мне, что они, ставропольские пацаны, увлеченно гоняли во дворе тряпичный мяч. В парке имени Горького работали аттракционы, гуляли бабушки со своими внуками. Жизнь шла своим чередом. О войне в тот момент никто не думал...

В 12 часов дня по радио передали обращение советского правительства о начале войны с нацистской Германией.

Из донесения крайвоенкома Н. Христофорова председателю крайисполкома В. А. Шадрину: «Правительственная телеграмма о мобилизации была получена 22 июня в 17 часов 40 минут. По получению телеграммы о мобилизации сразу же все военкоматы края ввели в действие свои мобилизационные планы и приступили к подготовке оповещения о призыве военнообязанных и поставке лошадей и механизированного транспорта. Оповещение по всем городам и районам края было закончено к 19 часам...»

В Ворошиловске повестки приносили на квартиры. В них писали, куда и когда прийти. Единой формы повесток не было. Администрация предприятия обязана была немедленно освободить призывника от работы, выдать деньги на две недели вперед.

Мобилизация как таковая началась 23 июня

У городского военкомата выстраивались очереди из ставропольцев призывных возрастов, же-

лающих идти на фронт. Первый призыв — это мужчины, родившиеся с 1905 по 1918 год, в возрасте 23–36 лет. Цвет нации... Сейчас мы знаем, что произошло в действительности в первые дни войны. Многие из наших земляков погибли или пропадут без вести. Потери заставят командование РККА перейти к так называемой «перманентной мобилизации».

Вот еще один примечательный факт. В течение первых шести месяцев войны за уклонение от призыва и военные преступления в крае было привлечено к ответственности 115 человек, за дезертирство — 79 чел., за оставление части в боевой обстановке — 31 чел., за распространение слухов — 151 чел. Да, были и уклонисты, и дезертиры. Но говорить о проявлении малодушия тут не приходится.

Многие наши земляки, пережившие военное лихолетье, вспоминали, что в начале 1940-х в кинотеатрах Ворошиловска, как и по всей стране, шли бодрые киноленты о непобедимости Красной армии. Идеологический настрой в предвоенные годы нередко притуплял готовность к длительной и тяжелой борьбе, вызывал самоуспокоенность.

Некоторые воспринимали вероятную войну как парадное шествие. Мобилизованные распевали хорошо знакомые песни из кинофильма «Если завтра война»: «И на вражьей земле мы врага разгромим, малой кровью, могучим ударом!». И когда начались реальные боевые действия, некоторые молодые люди боялись лишь одного: война закон-

чится, а они не успеют совершить подвиг. Фронтовые будни внесли коррективы в эти юношеские представления о войне. В окопах все оказалось прозаичнее и страшнее.

Когда началась война, многие ставропольцы не сразу осознали драматизм ситуации. Вот какие мнения бытовали в их среде. «Я так думаю, — говорил один из горожан, — что сейчас наши им так всыпят, что через неделю все будет кончено». «Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь, — отвечал другой, — надо до Берлина дойти... Недели три-четыре понадобится. А там, конечно, победа». «Разобьем вдребезги вражеские силы, — отмечалось в резолюции, принятой на заводе «Красный металлист», — на его же территории». Была полная уверенность в скорейшем разгроме врага...

Сам факт нападения Германии вызывал у некоторой части горожан удивление. Оно было связано с уверенностью в тотальном превосходстве СССР над Германией. Многие также надеялись на то, что немецкий народ не поддержит агрессию. Бытовало мнение, что война будет стремительной, победоносной. Такой она изображалась в довоенных фильмах. Никто даже представить себе не мог, что она продлится 1418 дней! И это время будет невероятно жестоким и кровавым...

В годы войны существовало такое понятие, как «брень». Человеку официально выдавали документ, согласно которому он не подлежал отправке на фронт. Брень имели квалифицированные рабочие предприятий, сотрудники учреждений, отвечающих за жизнеобеспечение и безопас-

ность населенных пунктов. Работники, которых не могли заменить женщинами и лицами старших возрастов. Например, грузчики и бойцы скота на мясокомбинатах. Некоторые художники, актеры и спортсмены также были исключены из числа тех, кто мог быть мобилизован. «Бронированные», как их тогда называли, могли пойти добровольцами, но их просто не отпускали с места работы.

Женская доля

Самое страшное для матери — собирать своего сына на войну. В свое время мне удалось побеседовать с Евдокией Федоровной Широченской. Жила баба Душа на улице Калинина в Ставрополе. Одно из драматических событий в ее жизни, как и у многих матерей, проводы сына Владимира на фронт... Прожила больше ста лет. Но до сей поры помнила, то последнее роковое прощание с Володей. Ему тогда было чуть больше 20 лет. Материнское сердце подсказывало — видит она сына в последний раз... Володя пропал без вести. Лишь в конце жизни она узнала, что пулеметчик 224-й стрелковой дивизии Широчинский Владимир Николаевич умер от ран 28 января 1943 года и похоронен в городе Шлиссельбург Ленинградской области. Поехать туда не смогла.

Военная повседневность

В первые дни войны в городских магазинах можно было купить все, что и раньше. Только очереди становились длиннее, да увеличивался перечень продуктов, которые трудно стало при-

обрести. В очередях рассказывали об арестах паникеров и спекулянтов: у одних обнаружили мешки соли, у других — ящики с мылом, у третьих — спички.

Вот штрихи из жизни горожан

Из материалов крайкома партии (июнь 1941 г.): «В последние дни в Ворошиловске резко усилился спрос на следующие товары: хлеб, соль, спички, табак, макароны, крупы. Причем в магазинах и на складах горторга по ряду товаров остались незначительные запасы... Сахара, сыров в продаже нет. Запас круп и макарон исчисляется всего на три дня. На рынке цены на продукты питания поднялись в три раза».

Вот такая обстановка была. Хотя в нашем аграрном крае жить было несколько легче. Лето 1941 года выдалось урожайным. Овощей и фруктов было в достатке. Существенным источником пропитания для городских жителей оставался небольшой огород или приусадебный участок. Картошка, лук, морковь, огурцы, помидоры были в достатке. На первых порах.

Осенью 1941 г. в городе были введены продовольственные карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия. Их получали рабочие, служащие, иждивенцы. В день рабочему и служащему выдавали по 400–500 граммов хлеба, иждивенцам — по 300–400. Не так много, но прокормиться все же было можно. Гораздо труднее людям пришлось в 1943–1945 годах, после оккупации. Откровенно недоедали, некоторые голодали... Такое было время. Широкое распространение получил

натуральный обмен. Горожане ходили в близлежащие села (Бешпагир, Московское, Надежду), где меняли свои вещи на продукты питания. Так выживали...

Серьезным испытанием для городских властей стала проблема беженцев. В город стали прибывать тысячи эвакуированных из Молдавии, Украины, Белоруссии. Все они нуждались в жилье, продовольствии, работе.

Из воспоминаний жительницы Ставрополя Нелли Ивановны Трутневой: «В начале войны мне шел восьмой год. Мы жили в центре города. Помню, как встревоженно стояли под репродукторами люди. Отца призвали на фронт в первые дни... Мама работала на эвакуационном пункте. Для приезжающих все было четко организовано. Решался вопрос с обустройством. Мы часто бегали к маме на работу. На эвакуационном пункте на улице Горького, напротив гостиницы «Эльбрус», было очень много людей. Мне запомнилось, что в первую очередь пропускали еврейские семьи. Люди уступали друг другу очередь. Тех, кто не смог сразу попасть в списки, жильцы близлежащих домов размещали на квартирах». Горожане помогали беженцам чем могли, по-братски делили скудный тыловой паек, снабжали одеждой...

Атрибуты военного времени

Условия военного времени диктовали свои законы: у населения были изъяты все радиоприемники, вводилась уголовная ответственность за распространение слухов, почтовая корреспонденция подвергалась жесткой цензуре. Улицы городов

заполнились людьми в форме. Обозначились приметы военного быта: вой сирен воздушной тревоги, затемнение, суровые лица людей.

Началась Великая Отечественная война...